

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФГБОУ ВПО "УДМУРТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ"
ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

А. В. ЛАШКЕВИЧ

**ЛИЧНЫЙ ДНЕВНИК
И
ЖАНРЫ «ДИСКУРСА ПЕРСОНАЛЬНОСТИ» В
КОНТЕКСТЕ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Монография

[Аннотация](#)

В монографии исследуются исторические, литературно-теоретические и культурологические аспекты основного жанра «дискурса личности» – личного дневника (diary). Природа, структура и функция личного дневника анализируются с точек зрения общей теории словесности, нео-феноменологии текста и теории межкультурной коммуникации. Феномен личной записи рассматривается в контексте различных современных текстологических моделей – герменевтики, деконструкции, рецептивной эстетики, нарратологии, теории дискурса и коммуникации.

Адресовано студентам всех гуманитарных специальностей всех уровней обучения (специалитет, бакалавриат, магистратура, аспирантура), ученым-исследователям и преподавателям учебных заведений различных форм и видов (университетов, академий, колледжей, гимназий, лицеев, средних школ), а также всем, кто интересуется проблемами современного гуманитарного знания, историей мировой литературы и культуры.

ANATOLY LASHKEVICH

anatol_1@yahoo.com

А. В. ЛАШКЕВИЧ

А. Лашкевич

ЛИЧНЫЙ ДНЕВНИК

И

ЖАНРЫ «ДИСКУРСА ПЕРСОНАЛЬНОСТИ» В КОНТЕКСТЕ

МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Монография

ИЖЕВСК 2014

УДК 82. (075)

ББК 83.0. я 73

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы ИГНИ Уральского федерального университета

О. Н. Турышева;

Кандидат филологических наук, доцент, главный научный консультант ОУ ДО УМО «Санта Лингва» **А.С. Недобух**

Лашкевич А.В.

Личный дневник и жанры «дискурса личности» в контексте межкультурной коммуникации: монография. Ижевск: издательство «Удмуртский университет», 2014. – 173 с.

В монографии исследуются исторические, литературно-теоретические и культурологические аспекты основного жанра «дискурса личности» – личного дневника (*diary*). Природа, структура и функция личного дневника анализируются с точек зрения общей теории словесности, неофеноменологии текста и теории межкультурной коммуникации. Феномен личной записи рассматривается в контексте различных современных текстологических моделей – герменевтики, деконструкции, рецептивной эстетики, нарратологии, теории дискурса и коммуникации.

Адресовано студентам всех гуманитарных специальностей всех уровней обучения (специалитет, бакалавриат, магистратура, аспирантура), ученым-исследователям и преподавателям учебных заведений различных форм и видов (университетов, академий, колледжей, гимназий, лицеев, средних школ), а также всем, кто интересуется проблемами современного гуманитарного знания, историей мировой литературы и культуры.

ISBN

УДК 82. (075)

ББК 83.0. я 73

© А.В. Лашкевич, 2014

© Издательство «Удмуртский университет», 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ВВЕДЕНИЕ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЖАНРОЛОГИИ	5
ПРОЛЕГОМЕНЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ	20
ПРОЛЕГОМЕНЫ II	23
ГЛАВА 1. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ДНЕВНИКОВОГО ТЕКСТА	26
1.1. <i>Дневник как жанр суб-литературы</i>	29
1.2. <i>Логос дневника</i>	33
1.3. <i>Литературное сознание в эпоху гипер-текста</i>	40
ГЛАВА 2. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ЛИЧНОГО ДНЕВНИКА	46
2.1. <i>Дневник как нарративная форма литературного сознания</i>	50
2.2. <i>Риторика и поэтика дневникового жанра</i>	77
2.3. <i>Личный дневник эпохи постмодерна: форум, чат, блог и социальная сеть</i>	84
ГЛАВА 3. ГЕРМЕНЕВТИКА НЕФИКЦИОНАЛЬНОГО ЖАНРА: ФАКТОГРАФИЯ И БЕЛЛЕТРИСТИКА	93
3.1. <i>Военный опыт гражданских лиц: Confederate Women's Diary</i>	96
3.2. <i>Дневниковый лексис: хронотоп и фокализация событий</i>	101
3.3. <i>Герой-нарратор в дневниках «южных леди»</i>	112
3.4. <i>Выводы по главе 3</i>	120
ВЫВОДЫ ОБЩИЕ	123
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	126
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	135
ВЕБЛИОГРАФИЯ	160
ПРИЛОЖЕНИЕ: (источники)	162
ПРИЛОЖЕНИЕ II (переводы и оригинальные тексты дневников «южных леди»)	166
Рис. 1.	171
Рис. 2.	172
Рис. 3.	173

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая работа является итогом десятилетнего профессионального опыта работы автора в области филологии и наук о культуре, истории и теории литературы, герменевтики и нео-феноменологии текста.

*Основные положения монографии были представлены ранее в форме докладов на Международных научных конференциях «**Культурные табу и их влияние на результат коммуникации**» (г. Воронеж, МИОН ВГУ, ноябрь 2004 г.); «**Социокультурные проблемы перевода**» (г. Воронеж, ИПЦ ВГУ, январь 2006 г.); «**Синтез документального и художественного в литературе и искусстве**» (г. Казань, Казанский государственный университет, май 2006 г.).*

*Промежуточные результаты работы обсуждались на методологическом семинаре кафедры мировой литературы и культуры ИИЯЛ УдГУ «Слово в культуре: онтология, феноменология, герменевтика» в 1995 – 2013 гг. и по ходу научно-исследовательского проекта Центра американистики УдГУ «Личный дневник «южной леди» (*Confederate Women's Diary*) и литературное сознание США эпохи гражданской войны 1861 – 1865 гг.» (совместно с Л.М. Гапека 2008 – 2010 гг.) а также отражены в ряде авторских публикаций.*

ВВЕДЕНИЕ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЖАНРОЛОГИИ

- а. Смена парадигм в гуманитарном знании XXI века
- б. Проблема жанра в современном литературоведении
- в. Личный дневник в контексте литературной и культурной традиции
(*проблемы, подходы и методы изучения*).

Глобальная перестройка мировой культуры в последней трети XX века сопровождалась масштабным сдвигом теоретико-методологической парадигмы наук о культуре. В рамках смены классическо-модернистской традиции гуманитарного познания на пост-классическую модель¹ происходило расширение предметных, теоретических и исследовательских представлений о культуре. В начале XXI века гуманитарные науки вплотную подошли к осознанию того, что культура есть совокупность пересекающихся в «конфликте интерпретаций» *коммуникативных практик*, в пределах которых устанавливаются *парадигмы*, формируются *эпистемы*, создаются *дискурсы* и образуются *архивы*, репрезентирующие различные формы и виды отношений человека с окружающим миром и с самим собой. Гуманитарное знание начала XXI века развивается в основном как изучение этих коммуникативных практик и их осмысление в контексте общей теории межкультурной коммуникации². Особенно

¹ Гайденок П.П. Прорыв к трансцендентному: новая онтология XX века. – М.: Республика, 1997. – 495 с.; Ищенко Е.Н. Современная эпистемология и гуманитарное познание: Монография. – Воронеж: изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. – 144 с.; Культура «Пост» как диалог культур и цивилизаций / Ред. М.К. Попова и В.В. Струков. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. – 360 с. (Серия «Монографии»; вып. 11).

² Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с., с.с. 10 – 11.; Михайлов Ал. В. Надо учиться обратному переводу // Михайлов А.В. Обратный перевод. Русская и западно-европейская культура: проблемы взаимосвязей. – М.: изд-во «Языки русской культуры», 2000. – С.с. 14-16.; Уффельман Д., Шрамм К. Панорама современного немецкого литературоведения. Предисловие составителей // Немецкое философское литературоведение наших дней. Антология / Ответ. ред. И.П. Смирнов, Д. Уффельман, К. Шрамм. – СПб.: изд-во С.-Петербургского университета, 2001. – С.с. 5-40.

ярко эта смена гносеологической парадигмы проявилась в мировом литературоведении и литературной критике, в истории и теории литературы¹.

Результатом трансформирования культурно-научной парадигмы в конце XX века стало появление новых областей гуманитарного знания (например, истории, теории и методологии межкультурных коммуникаций), а также пересмотр, иногда радикальный, классического понятийно-методологического аппарата, который к этому времени считался либо самоочевидным, либо вполне проясненным на концептуальном (идейно-теоретическом) уровне терминологии². В ходе парадигматических трансформаций начали высвечиваться проблемы, которые раньше имели «скрытый» характер и практически не попадали в поле зрения профессиональных исследователей словесности. Предметом литературоведческого исследования становятся культурные стереотипы, идеологемы, образы, концепты и смыслы, в которых национально-культурные традиции, коллективные и межличностные отношения раскрываются как область меж- и внутри-культурных коммуникаций. Это привело к расширению сферы

¹ Введение: Культура «Пост»: постановка проблемы // Культура «Пост» как диалог культур и цивилизации / ред. М.К. Попова и В.В. Струков. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. С. с. 13 – 24; Макуренкова С. Читатель и современные основания слова // Теоретико-литературные итоги XX века. / Редкол.: Ю.Б. Боров (гл. ред.), Н.К. Гей, О.А. Овчаренко, В.Д. Сквозников. Т. 4. Читатель: проблемы восприятия. / Редкол.: С.А. Макуренкова (отв. ред.), С.Г. Бочаров, В.П. Большаков, А.В. Марков и др. – М.: Praxis, 2005. – 592 с. С.с. 9 – 45; Осовский О.Е. В зеркале «другого»: рецепция научного наследия М.М. Бахтина в англо-американском литературоведении 1960-х – середины 1990-х годов. – Саранск: изд-во Мордовского государственного университета, 2003 – 147 с.

² Науман М. Литература и проблемы ее восприятия // Науман М. Сборник избранных работ. - М.: изд-во «Радуга», 1984, с.с. 92 – 122; Уффельманн Д., Шрам К. Панорама современного немецкого литературоведения. Предисловие составителей // Немецкое философское литературоведение наших дней. Антология. - СПб.: изд-во «Санкт-Петербургского университета», 2001, с.с. 5 – 40; Русская литература в историко-функциональном освещении. - М.: изд-во «Наука», 1979.

жанрового внимания литературоведов, в частности, его переносу с традиционных форм художественной словесности (т. наз. «эстетически значимых» текстов, mainstream'a, канона) на *суб-литературные* феномены, тексты «нехудожественного» порядка.

«Тенденция последних десятилетий – сокращение, сужение, фрагментация пространства метарассказов, утрата ими статуса тотального мифа, превращение метарассказов в частные языки, в локальные идеологические технологии. Это создает возможность «жанрового восприятия» прежде прозрачных речевых практик, их сближения с литературой, с пространством вымысла, возможность рефлексии «поэтических приемов» идеологии. *Внелитературные дискурсы постепенно приравняются к литературным жанрам, утрачивая привилегии прозрачности и претензии на истину*»¹ (*Курсив мой – А.Л.*).

В пределы внимания историка литературы в конце XX века попали такие текстуальные феномены дискурса, которые ранее, при традиционном изучении художественной литературы и ее поэтики, считались маргинальными, вспомогательными либо дополнительными – *дневники, переписка, личные воспоминания (мемуары), автобиографии*². Сформировались и особые области исследования этой «суб-литературы» – «*дайаристика*», (от англ. *diary* – дневник, ежедневник), «*эпистолярика*» (изучение переписки), «*мемуаристика*» (изучение личных

¹ Хаос и «жанровое мышление» в современной прозе. URL: <http://www.ssu.samara.ru/~scriptum/genre.doc>.

² Турк Х. «Обмануть... без обмана». Проблема литературной легитимации на примере творчества Кафки // *Немецкое философское литературоведение наших дней. Антология.* - СПб.: изд-во «С.-Петербургского университета», 2001, с.с. 314 – 341; Изер В. Акты вымысла, или что фиктивно в фикциональном тексте // Там же, с.с. 186 – 216; Марквард О. Искусство как антификция – опыт о превращении реального в фиктивное // Там же, с.с. 217 – 242; Бушканец Л.Е., Несмелова О.О. *Предисловие* // Синтез документального и художественного в литературе и искусстве: Сборник статей и материалов международной научной конференции (3 – 6 мая 2006 г.). – Казань: изд-во Казанского университета, 2007. – с.с. 3-4.

воспоминаний). Кроме того, был переосмыслен и ре-интерпретирован традиционный статус литературно-художественных произведений с точки зрения их значимости в процессах межкультурной коммуникации. В «новой» феноменологии текста возникла тенденция рассматривать литературное произведение как встречу различных культурных сознаний и «голосов», а литературный процесс – не только как взаимодействие традиций и новаторства в культурном творчестве, но и как совокупность рецепций, оценок, анализов и интерпретаций текстуальных феноменов различного характера, в том числе не включаемых в классическое понятие «художественной литературы»¹.

Здесь может быть обозначена основная **проблематика данной работы**: ретрансляция *личного дневника* в рамки современной литературоведческой эпистемы, т.е., перевод его из маргинально-вспомогательного «суб-литературного» жанра в самостоятельный предмет литературоведческого исследования, обладающий собственными концептуальными и поэтологическими характеристиками и составляющий часть *дайаристики* как особого теоретико-историко-методологического направления изучения словесности в контексте межкультурных коммуникаций. Тематизация заявленной проблемы включает в себя постановку цели исследования, формулировку круга задач, определение объекта, предмета и методов исследования.

Цель монографии – выявление текстуальной специфики жанра личного дневника, а также осмысление его роли и места в контексте исторического формирования западной культурной и литературной традиции. **Объ-**

¹ Науман М. Литературное произведение и история литературы . . ., с.с. 185 – 202.; Синтез документального и художественного в литературе и искусстве: сб. статей и материалов второй международной научной конференции. – Казань, РИЦ «Школа», 2009. – 460 с.

ектом исследования является концепт «*литературного сознания*» как особый сегмент культуры, в пределах которого происходят восприятие, осмысление, анализ, интерпретация и оценка исторических событий на персональном (интимно-личностном) уровне и на уровне коммуникативных сообществ и субкультур. В качестве **предмета исследования** рассматриваются личные дневники, которые включаются в общий литературный, исторический и культурный контексты эпохи.

Из этих установок вытекают основные **задачи** работы:

- сформулировать и обосновать теоретико-методологические аспекты современного подхода к явлениям «суб-литературного» ряда словесности, предложив интегративную модель пост-классической феноменологии текста;

- исследовать природу, структуру, функцию и генезис личного дневника как специфической формы дискурса культурной традиции, объединяющей в себе разновидности идеолого-риторического (концептуального) мышления и образно-поэтические (фигуративные) формы репрезентации;

- выявить интертекстуальные переклички и меж-дискурсивные отношения личных дневников с общекультурными проблемами нации и эпохи через анализ их связей с основными культуuroобразующими дискурсами – устными рассказами, литературной журналистикой, эпическими произведениями художественной прозы;

- классифицировать личные дневники по их формально-содержательным параметрам, особо выделив повествовательные (нарративные) особенности дневниковой поэтики;

Актуальность данной работы видится в том, что изучаемая в ней проблема словесности переводится в сферу междисциплинарных исследований, образуя своеобразный «стык» классических дисциплин (филологии,

истории, культурологии, философии) и ведущих направлений пост-классической феноменологии текста – пост-структурализма, герменевтики, рецептивной эстетики, нарратологии и теории межкультурной коммуникации. В настоящее время необходимость такого подхода не подлежит сомнению, поскольку в российских науках о культуре переход к пост-классической парадигме гуманитарного знания еще не завершился. В этом плане дневниковый текст как жанр «дискурса личности» представляется наиболее репрезентативным материалом для осуществления такого перехода в рамках историко-литературного исследования.

Новизна исследования видится в том, что в ней предлагается новый взгляд на отношения между различными формами литературы и суб-литературы. В классической традиции литературного сознания жанр дневниковой записи (как и переписка, и мемуары) легитимизировались только в случае их принадлежности перу выдающихся писателей. Тогда они издавались в комплекте полного собрания сочинений с текстологическими комментариями, но зачастую без всесторонней культурно-исторической интерпретации. Записки известных общественных деятелей выходили под грифом исторических исследований академического плана в том же текстологическом антураже. Личный же дневник, особенно «простых» людей, не оказавших влияния на «большие», мета-исторические формы культуры, оставался как бы в «подполье» литературного процесса, в архивах и хранилищах, не находя доступа к широкой читательской аудитории.

Между тем выяснилось, что личные дневники, создаваемые в процессе социально-культурных шоков – революций, переворотов, войн – представляют особый исследовательский интерес для современной истории и теории литературы. Как оказалось, именно в них «просвечивает» культурная традиция в действии, то есть происходит *пере-вод* культурных феноменов, когда Иное = Чужое *о*-сваивается не только через конфликт или прямой

диалог, но и через преодоление и переоценку Своего как привычно-знакового и безусловно ценного. Анализ, интерпретация и научная оценка текстов такого рода открывает новые возможности для целого ряда гуманитарных дисциплин. В отечественном литературоведении, в отличие от западноевропейского и американского, такого рода исследования практически не проводились. Лишь в начале XXI века в России начинают появляться серьезные исследования по дайаристике, мемуаристике и эпистолярике¹.

В истории культуры вплоть до середины XX века личные дневники, как и частная переписка, находились в зоне своеобразных культурно-этикетных табу. Тексты этого рода не подлежали публичному оглашению, а чтение чужих дневников и писем рассматривалось как посягательство на интимную сферу личного опыта, как поступок, не совместимый с практикой поведения культурного образованного человека. В то же время в западной культурной традиции эти табу постоянно деконструировались и дезавуировались – читающей публике периодически предлагались издания различных жанров «дискурса персональности», особенно принадлежавшие перу выдающихся исторических личностей. Так, в 1750 г. во Франции были изданы приватные мемуары французского герцога Жака Луи де Рувруа де Сен-Симона (1675-1755); в 1830 г. в Англии Томас Мур издал «Дневники и письма

¹ См., например, Абрамов С.Р. Сакральный и поэтический текст как предмет филологической герменевтики (на материале германских языков): Автореф. дисс. ... докт. филол. н. – СПб.: ГОУ ВПО РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. – 36 с.; Колядич Т.М. Воспоминания писателей XX века (эволюция, проблематика, типология): Монография. – URL:<http://vip.km.ru/literature/?a=6551>; Колядич Т.М. Мемуары в XX веке: итоги и перспективы развития: Монография URL:<http://vip.km.ru/literature/?a=655>; Михеев М. Ю. Описание художественного мира А. Платонова по данному языку: Дисс. ... докт. филол. н. – М.: ИРЯ РАН, 2004. – 265 с.; Пономарева Е.Н. Эпистолярные формы в фольклоре современной подростковой и молодежной субкультуры: Автореф. дисс. ... канд. филол. н. – Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН, 2006. – 30 с., а также на Интернет-порталах URL:<http://www.zhurnal.ru/magister/library/dostoevs/dostdn02.htm>; URL:<http://www.voanews.com/russian/literaturereview.cfm>}; URL:<http://uni-persona.srcr.msu.su/research.htm>.

лорда Байрона»; в начале XX века Российская Академия наук выпустила в свет «Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А. Н. Пыпина»¹. Однако систематическая работа по сбору, анализу и изданию текстов «дискурса персональности» началась лишь после Второй мировой войны.

В большинстве существующих работ по изучению личных дневников акцент делается на их историографические и культурологические аспекты, хотя в конце XX в. появились и исследования междисциплинарного плана. Основным источником западноевропейских исследований этого жанра суб-литературы являются международные и национальные (Нидерланды, Франция, Германия, Япония, Россия (*sic!*)) Интернет-порталы типа [Ego-documentum](#)².

Среди американских исследований проблемы можно отметить работы научных коллективов в университетах Вирджинии, Гарварда, Висконсин-Милуоки, и особенно, разработчиков портала «Documenting the American South» (URL: <http://docsouth.unc.edu/>); из университета Северной Каролины в Чэпл-Хилл. Основательные исследования по женской дайаристике принадлежат Джону Ф. Марсалеку (*John F. Marszalek*), Элизабет Фокс-Дженовезе (*Elizabeth Fox-Genovese*), Энн Гудвин-Джонс (*Anne Goodwin-Jones*), Кэтрин Клинтон (*Catherine Clinton*)³ и ряду других авторов (см. «Источники»). Как представляется, в современной отечественной филологии

¹ Малов В.Н. ГЕРЦОГ СЕН-СИМОН: ЧЕЛОВЕК И ПИСАТЕЛЬ // Новая и новейшая история. № 3, 2004. URL: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/ECCE/ST-SIMON.HTM>}; Moore T., ed. Letters and Journals of Lord Byron (1830) URL: <http://www.britannica.com/eb/article-9053632>}; URL: <http://www.rulex.ru/01060083.htm>.

² URL: <http://www.egodocument.net/>}; URL: <http://autopacte.org>}; {French electronic collection of Egodocuments XVII-XIX century}; URL: www.library.uu.nl/biguu/; URL: German site of an extensive German project on Egodocuments; URL: <http://digital.library.upenn.edu/women/omori/court/court.html> и мн. др.

³ URL: http://www.olemiss.edu/mwp/dir/marszalek_john/}; URL: <http://www.questia.com/library/history/elizabeth-fox-genovese.jsp>; URL: <http://findarticles.com/>.

только один автор углубленно изучает проблему дневников, причем его исследовательский интерес, как он сам указывает, ограничивается исключительно российским материалом¹.

В современном литературном сознании отношение к личному дневнику двойственное. «Массовый читатель» по-прежнему видит в нем лишь субъективно-интимную форму записи личного опыта, не имеющую общественной значимости, и функционирующую только как дополнение к общепризнанным формам словесного искусства. Отсюда и в гуманитарно-научном сообществе сохраняется традиция отношения к дневнику как к дополнительно-вспомогательному источнику сведений исторического, психологического, этнографического и культурологического характера, ресурсному тексту фактографии и аргументации. В пост-классической парадигме утверждается иное отношение к дневниковой записи – как к незаменимому свидетельству опыта бытия и сознания, имеющему самостоятельное значение в качестве культурного артефакта и литературного феномена. Данная работа, продолжая уже сделанное и недавно начатое, может внести собственный вклад в становление «суб-литературной» исследовательской эпистемы.

В отечественном литературоведении личный дневник чаще всего рассматривался как особый художественный прием, как феномен поэтики произведения, который мог достигать уровня литературного жанра, оставаясь при этом, однако, зависимым элементом литературно-творческого процесса и являясь частью художественной (поэтической) стилизации в реализации общего авторского замысла. Именно в таком качестве дневник попадал в горизонт читательского восприятия и становился разновидностью *фикциональных нарративов* – романа,

¹ Михеев М.Ю. Дневник в России XIX-XX века – эго-текст, или пред-текст. М., 2006.URL: <http://uni-persona.srcr.msu.ru/research.htm>

повести, новеллы, рассказа¹. Иных рецептов дневника в отечественном литературоведении до начала XXI века фактически не существовало, следовательно, и изучение его поэтологических характеристик проводилось лишь эпизодически, как частная проблематика историко-литературных исследований.

Между тем, личный дневник как особая форма словесности (жанр «дискурса персональности») демонстрирует процесс движения культуры на самом живом и действенном уровне персональных отношений мира и человека, являясь выражением тех скрытых ментальных *пере-живаний*, которые вербализуются только в формах сугубо личного высказывания и которые могут быть исследованы и интерпретированы с учетом особенностей культурных факторов и условий коллективного жизнеустройства и мировоззрения.

Появление в конце XX века новых информационных технологий, кибернетическая компьютерная революция («электронное слово») сформировали совершенно новый контекст для жанра личной повседневной записи. Роль и место дневника в хронотопе глобальных компьютерных сетей радикально изменилась. Человеку XXI века оказалась доступна универсальная интертекстуальная коммуникация – возможность прямого общения с себе подобными по всему земному шару, шанс предьявить себя и узнать все о всяком, любом, каждом и вообще все и обо всех.

Изучение личных дневников как персонально-авторски организованных текстов для отечественного литературоведения – дело новое и непривычное. Но, учитывая опыт западной теории словесности и смежных наук

¹ Наиболее яркие примеры дневника как приема стилизации: «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка...» Д. Дефо, «Записки сумасшедшего» Н.В. Гоголя, «Золотой дневник» Д. Лессинг, «Дневник няни» Э. Маклохлин и Н. Краус и др.

о культуре, можно предположить, что подобное исследование может существенно расширить горизонты историко-литературных исследований, равно как и пределы литературно-теоретического знания, а также дать новый импульс к разработке проблем эпистемологии и методологии гуманитарного знания на его нынешнем этапе.

На этих соображениях основано **теоретический значение** работы для современного литературоведения. Дифференциация и специализация наук о культуре, которые на протяжении XIX – XX вв. постоянно ориентировались на модели естественно-научного знания, привели к тому, что стала утрачиваться главная их черта – целостность видения предмета, задаваемая интегративной функцией культуры и ее составляющих. Требования усилить междисциплинарную направленность отдельных дисциплин гуманитарного цикла сегодня являются не просто личной инициативой отдельных ученых, они иницируются всем характером современной пост-классической культурной парадигмы и соответствуют специфике культурного сознания в эпоху глобальной интеллектуальной интернационализации. Используя дайаристику как междисциплинарное исследовательское поле, данная работа, ее цель, задачи и структурная организация, отвечают как раз этим требованиям.

Проблема дневника как особого жанра суб-литературы в контексте межкультурных коммуникаций представляется важной и актуальной также и с точки зрения проблем современной теории литературы и методологии литературоведения. Когда любой текст, независимо от его эстетической ценности, может изучаться как культурный сигнификатор, включенный в общий диалогический круг культурного общения и сообщения, особенно важным кажется прояснение его жанровой специфики – структуры и функции в литературной традиции. В этом

плане работа также может послужить своего рода методологическим мостом между классическими и пост-классическими теориями словесности, местом встречи западной феноменологии текста и отечественной литературной теории.

Монография позволяет использовать ее материалы и выводы для дальнейших научных исследований в сфере проблем межкультурной коммуникации, а также для разработки общих и специальных курсов в системе преподавания гуманитарных дисциплин.

В **методологические основания** монографии положена идея сочетания классической и пост-классической (или нео-феноменологической) исследовательских перспектив. Это предполагает совмещение традиционных историко-литературного и социо-культурно-исторического подходов с нео-феноменологическими методологическими практиками – герменевтикой культуры, рецептивной эстетикой, постструктурализмом и нарратологией. Дневник в таком аспекте рассматривается как своеобразный медиатор, *интер*-текстуальный феномен, располагающийся в литературном сознании эпохи между нефикциональными коллективными дискурсами (публицистика, документалистика) и авторскими литературно-художественными жанрами (роман, повесть, рассказ).

В качестве методологических источников в работе используются труды отечественных философов, культурологов и литературоведов, исследовавших проблемы нехудожественных жанров словесности и читательской рецепции: С.Р. Абрамова, М.М. Бахтина, П.М. Бицилли, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Н.О. Гучинской, В.М. Жирмунского, А.Ф. Лосева, Ю.М. Лотмана, Ал. В. Михайлова, М.Ю. Михеева, А.А. Потебни, В. П. Руднева, Г.Г. Шпета.

В круг методологических оснований и источников монографии включены также работы виднейших представителей западноевропейской и американской философии культуры, теории литературы и ее истории: Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Э. Кассирера, Х.-Г. Гадамера, Ж.-П. Сартра, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Женетта, В. Изера, Х.-Р. Яусса, В. Шмида, Р. Рорти, С. Фиша, К. Пальи, и других. Представляется, что такое сочетание хорошо вписывается в логику современного культурологического и литературоведческого мышления и отвечает насущным потребностям в решении проблем современных наук о культуре.

В общем и в целом проблемно-тематический и методологический планы исследования можно обозначить следующим образом:

- личный дневник является подступом к сфере *литературного сознания* как области существования эстетико-поэтических традиций, практик восприятия текстов, норм чтения, форм письма (*écriture*);

- в дневнике реализуется специфическое отношение личности к слову как феномену и ноумену, стремление «работать» с ним критически и творчески, коллективно и *персонально*;

- рефлексия культурных проблем и литературных традиций в личном дневнике дает возможность более полного освещения культурно-коммуникативных моделей, присущих данной нации в конкретную историческую эпоху;

Анализ взаимодействия различных форм литературы и литературного сознания демонстрирует не только результат *коллективных* восприятий культурных коллизий на уровне коммуникативного сообщества, но и те *личностные* словесно-образные структуры и повествовательные формы, в которых запечатлеваются тексты «*дискурса личности*», часто «спрятанные» от «широкого» читателя, но необходимые для целостного подхода

к изучению культуры иной (а также и своей собственной) страны. Исследование дневниковых записей может по-иному показать не только само историческое событие, его истоки, причины и последствия. Оно также может открыть современному читателю новые аспекты национального характера, показать те скрытые от традиционного исторического знания «ментальные репрезентации» (Э. Гуссерль), которые формировали горизонт культурного бытия и сознания нации и эпохи. Знание и понимание этих феноменов может способствовать более эффективному применению специальных литературоведческих знаний при изучении глобального процесса межкультурных коммуникаций на современном этапе.

Структура работы. Монография (168 страниц основного текста, 3 рисунка) состоит из «Введения», трех глав, «Заключения», «Списка использованной литературы» (186 изданий на русском и английском языках). Кроме того, монография включает в себя «Библиографию» (30 URL-адресов Интернет-ресурсов), «**Приложение: (источники)**» и «**Приложение II** (переводы и оригинальные тексты дневников «южных леди»». Каждая из глав основного текста работы состоит из трех параграфов, в конце сформулированы «**Общие выводы**».

Специфику данного исследования составляют три момента:

1). В качестве основного литературного и культурного знака (текста) к исследованию привлекается опубликованный в той или иной форме личный дневник – специфическая форма словесности, в которой присутствуют и пересекаются два очевидных структурообразующих семантико-символических элемента – культурное событие и рассказ о нем. Взаимодействие этих элементов составляет нарративную специфику повествовательного жанра, которая может быть выявлена в ходе феноменологического рассмотрения *традиции* дневниковой записи как сублитературного жанра и «дискурса персональности» в литературном сознании различных эпох и стран;

2). Корпус исследуемых текстов был создан «рядовыми» членами культурно-коммуникативного сообщества, которые в классической историко-литературной эпистеме наделялись только функцией *адресатов*, пассивных реципиентов, «потребителей» литературных текстов, «просто» читателей. Они, в отличие от профессиональных писателей и так называемых «публичных людей» – политиков, общественных и культурных деятелей, – не рассматривались как субъекты/акторы и адресанты литературного дискурса, а их собственная текстуальная продуктивность практически не исследовалась. В монографии намечено заполнить этот эпистемологический пробел.

Сравнение и сопоставление личных дискурсивных практик - персональных форм эйдетики-поэтического опыта отдельной эпохи - позволит построить целостную картину культуры и понять национальное своеобразие (менталитет) культурно-коммуникативных групп и национального сознания в целом.

Задача исследователя состоит в том, чтобы попытаться рассмотреть личный дневник как особый жанр «дискурса личности» в процессе межкультурной коммуникации, когда Другое/Иное/Чужое переводится в Свое в ходе ненасильственной *деконструкции* традиции. Дневник как разновидность «дискурса личности» дает возможность увидеть ход традиции именно как *пере-вода* устойчивых культурных феноменов (образов, архе- и стереотипов, идей, концептов, доктрин и эпистем) «внутри» культурной парадигмы, на уровне «точечного» (личного) сознания, что наиболее релевантно процессу культурной перестройки в целом.

Результаты и выводы работы могут использоваться в сфере преподавания различных гуманитарных дисциплин – истории и теории литературы, этнологии и культурологи, истории и философии, – а также в научных

междисциплинарных исследованиях по данной проблеме. В таком качестве работа может стать существенным подспорьем для российских филологов, историков, философов и теоретиков культуры.

ПРОЛЕГОМЭНЫ¹ К ИССЛЕДОВАНИЮ

Личный дневник, принятый к рассмотрению в рамках современной (пост-классической) феноменологии текста, предстает как жанровая разновидность «дискурса персональности», или как скрытый (суб-литературный) коммуникативный жанр, обладающий повествовательными (нарративными), экзегетическими (событийно-интерпретативными) и интенциональными (эмоционально-суггестивными) особенностями. В структуре этого жанра пересекаются формально-содержательные элементы других дискурсов – журнальной публицистики, политико-идеологической пропаганды, морально-религиозной проповеди, художественной литературы – и жанров – автобиографии, исповеди, диегезис фикционального нарратива и лирического экфразиса.

В периоды коренной ломки устоявшихся форм бытия дневник выступает как суб-литературная форма словесной фокализации событий и ситуаций, имеющая собственный *логос* (идейно-образное содержание) и *лексис* (риторико-поэтическую организацию). В *логосе* дневника находит свое выражение конфликт между тради-

¹ От др. греч. *προ-λέγω* – объявлять заранее и *προλεγόμενος* – избранное, лучшее; также *προλεγόμενα* - предисловие, введение.

ционными представлениями о действительности и новым опытом культурного бытия и сознания, который складывается в условиях радикальной ломки социокультурного порядка. Именно здесь обнаруживается момент продуктивного перелома национальной традиции, ее поворота к новым формам мышления о мире и человеке.

В повествовании дайриста фикционально-миметическая (художественная) поэтика замещается своеобразным *lexis*'ом (*Ж. Женетт*) – персонально структурированным риторико-поэтическим единством. *Лексис* личного дневника, в соответствии с его многослойной знаково-смысловой структурой, имеет интертекстуальный характер. Последний в рамках дневниковой записи проявляется как взаимодействие различных «голосов» из других дискурсов – устных и письменных, – в которых автору дневника являются уже как выработанные традицией («готовые») формы наррации. Они, в свою очередь, становятся либо имплицитными моделями авторского повествования, либо поводом для критического сомнения и переосмысления.

Анализ логоса и лексиса ряда дневниковых текстов позволяет констатировать, что в них выявляется набор как традиционных для литературного сознания способов и форм повествования, так и новый дискурсивный опыт.

Например, в дневниковом лексисе обнаруживается ряд традиционных художественно-поэтических приемов комической негации: ирония, сарказм, а также различные виды сентиментально-романтической патетики и гротеска. Наряду с этим в дневниковых записях можно выделить и обозначить комплекс риторико-поэтических конструкторов, которые не «вписываются» в привычные литературоведческие методики исследования и дискурсы репрезентации (автогlossы, авторефлексии, конфессии, глорификации, кондеминации, ламентации и др.).

Так, основную роль в дневниковом лексисе играет хронотоп¹ как способ повествовательной организации пространственно-временного и событийного континуума. В этом отношении дневники могут быть классифицированы как мобильные (путешествия, переезды, эвакуации и насильственные переселения), локальные (фиксирующие нарратора в одном природно-культурном топосе), и смешанные. Дневниковый хронотоп также включает в себя все то, чем заполняется повествовательное «время и пространство» событий – образы, портреты, пейзажи, характеристики действующих лиц, случаи, приключения и ситуации, и др.

Другой компонент дневникового лексиса – нарратор (повествователь), который выступает как фокализатор/организатор событийного поля и как адресант/адресат повествования в одном лице. Дневниковый нарратор – *актор* – своим письмом (*écriture*) формирует путь от диегезиса (простой фиксации и дескрипции происходящего) к экзегезе – объяснению и истолкованию причин и истоков событийного ряда, их логическим или псевдологическим взаимосвязям. В такой функции он/она могут занимать в тексте дневника место классического «героя» повествовательного произведения.

В лексисе также выявляются элементы интертекстуальности – цитаты, аллюзии, пародии, прямые и косвенные отсылки к другим текстам, жанрам и дискурсам.

¹ От др. греч. слов *χρόνος* – время и *τόπος* – место. «пространственно-временной континуум». Трансгрессия термина естественных наук, предложенная М.М. Бахтиным.

Прделанная в монографии исследовательская работа показывает, что сочетание в одном исследовательском поле классических и пост-классических эпистемологических моделей позволяет современному исследователю проблем межкультурной коммуникации, истории литературы и культуры находить более полные и адекватные их решения на междисциплинарном уровне.

Поскольку заявленная в монографии проблема прочтения личного дневника как самостоятельного жанра словесности исследуется в условиях незавершенного пока перехода наук о культуре из классической парадигмы в пост-классическую, «Введение» к монографии требует (по необходимости краткого) предварительного рассмотрения **теоретико-методологических обоснований проблемы** и дефиниций для используемых в ней понятий, таких как *«литературное сознание»*, *«суб-литература»*, *«дискурс персональности»*.

ПРОЛЕГОМНЫ II

К началу XXI века в рамках пост-классической феноменологии текста выделились, по крайней мере, пять теоретико-методологических моделей, эпистем, или «стратегий чтения», которые, имея общие философские и собственно научные основания, тем не менее, конкурируют в литературном сознании как друг с другом, так и с еще существующими классическими эпистемами – компаративистикой, структурализмом, психоанализом, ми-

фопоэтикой. К началу XXI века новые направления литературоведческой мысли в той или иной мере спроектировали свои исследовательские перспективы и даже подвели некоторые промежуточные итоги¹. Эти эпистемологические модели, или «стратегии чтения», могут быть обозначены как 1) постструктуралистская семиотика (*деконструкция*); 2) герменевтика; 3) рецептивная эстетика (или критика читательского отклика, *Reader Response Criticism*), 4) нарратология и 5) теория дискурса и межкультурной коммуникации.

Как представляется, на сегодняшний день именно эти исследовательские практики могут стать исходной точкой для перехода российской науки о литературе в пост-классическую парадигму гуманитарного знания. Вместе с тем, очевидно, что некоторые теоретические и методологические новации западных нео-феноменологов в ходе их перенесении в контекст российского литературоведения нуждаются в более пристальном внимании, критическом рассмотрении и творческой переработке.

Жанровые параметры монографического исследования, не позволяя провести подробное рассмотрение всех позиций каждой из обозначенных моделей, предоставляют, тем не менее, возможность построить на материале личного дневника интегративную теоретико-методологическую модель, в которой конкурирующие и даже конфликтующие между собой методологические установки (например, пары семиотика/герменевтика или рецептивная эстетика/нарратология) могут быть представлены как взаимодополняющие и развивающие друг друга исследовательские практики. Совмещение этих стратегий чтения с классическими методами литературоведения

¹ См., напр., Терминология современного зарубежного литературоведения (страны Западной Европы и США): Справочник. Вып. 1. М., 1992; *The Textual Sublime. Deconstruction and It's Differences*. N.Y., 1990; Vincent Leitch, *American Literary Criticism from the 30s to the 80s*. N.Y., 1988; Лашкевич А.В. Герменевтика и рецептивная эстетика в современном англо-американском литературоведении. Проблемы истории, теории и методологии. Дисс ... докт. филол. наук – М.: ИМЛИ РАН, 1994.

может эффективно раскрыть роль, структуру и функцию личного дневника в рамках определенного периода истории культуры нации.

«В последнее время дневники стали объектом интереса и исследований лингвистов, литературоведов, историков, философов, культурологов и психологов. Дневник предлагается считать ядерным понятием внутри более общего – *дневниковых* текстов, включающих в себя и записные книжки (ежедневник, блокнот, альбом, черновик, записи для памяти, календарь), и мемуары, письма, путевые журналы, автобиографии, исповеди, маргиналии, рабочие тетради, и так называемые блоги в интернете ... »¹.

При этом необходимо отметить, что ни герменевтика, ни деконструкция не уделяли должного внимания личному дневнику как самостоятельной «единице» словесности (литературного дискурса), тогда как рецептивная эстетика и нарратология достаточно часто указывали на необходимость его исследования именно в феноменологической эпистеме². В данном исследовании возможно интегрирование этих теоретико-методологических моделей текстуальности в общую эпистемологическую перспективу межкультурной коммуникации.

Для того, чтобы двигаться в этом направлении, необходимо «вынести за скобки» те моменты, которые их дифференцируют, и оставить во внимании лишь то общее, что объединяет их теоретические позиции и методологические «тактики». Таким общим интегрирующим моментом является рассмотрение дневникового текста как речевого коммуникативного акта, в рамках которого пересекаются различные культурные и литературные

¹ Михеев М.Ю. Дневник в России XIX-XX века – *эго-текст*, или *пред-текст* // {http://www.srcr.msu.su/uni-persona/site/ind_res.htm}. С. 1.

² Науман М. Литература и проблемы ее восприятия // Науман М. Сборник избранных работ ...; Nünning A. Narratology and Cultural History: Tensions, Points of Contact, New Areas of Research // *The Wilder Scope of English* / Ed. by Herbert Grabes and Wolfgang Viereck/ - Frankfurt am Main, Peter Lang GmbH, 2006 – p.p. 154 – 185.

«голоса»/дискурсы – онтологические и феноменологические, коллективные и личные, устные и письменные. литературные и суб-литературные, художественные и документальные, фикциональные и нефикциональные, фактические и миметические, риторические и поэтические. В качестве интегрирующего концепта в таком проекте может выступить понятие *«литературное сознание нации и эпохи»*, которое позволит выявить как эвристические возможности каждой эпистемы, так и возможные пути их совмещения. При этом станет возможным и совмещение в рамках одного исследовательского проекта элементов классической литературоведческой и культурологической традиции с пост-классическими разработками в сфере истории и теории межкультурных коммуникаций.

ГЛАВА 1. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ДНЕВНИКОВОГО ТЕКСТА

«Литературное сознание», как и *«дискурс персональности»* пока не стали устоявшимися терминами литературоведения, хотя используются довольно часто и в самых различных исследовательских контекстах¹. Об-

¹ Рожновский С. Теория литературной коммуникации и практика исследования литературного процесса...; Науман М. О литературной рецепции как историческом и социальном феномене // Науман М. Литературное произведение и история литературы. Сб. изб. раб. – М.: Радуга, 1984. – с.с. 175 – 185, а также «Литературные связи и литературный процесс»: материалы Всероссийской межведомственной научной конференции: Сб. докладов. - Ижевск: изд-во Удмуртского госуниверситета, 1992. – 243 с.; «Синтез документального и художественного в литературе и искусстве»: Материалы Международной научной конференции. – Казань, Казанский государственный университет, 2006 г., а также уже упомянутые монографии М. Наумана, А.П. Чудакова, коллективный труд ИМЛИ РАН «Русская литература в историко-функциональном освещении», М., 1982.

ласть литературного сознания формируется в культуре нации практически одновременно с появлением письменности и грамотности, когда возникает возможность заменить непосредственность жизненного практического опыта универсальным семантико-символическим субститутом – Словом¹.

Именно в слове отдельный человек становится не просто индивидом, но и личностью: запечатленный в слове опыт его бытия снимает нерасчлененность жизни коллектива, позволяя личному, из ряда вон выходящему жесту индивида стать источником дальнейшего познания мира для всего коммуникативного сообщества. Владение словом позволяет индивиду создавать письменные фиксации опыта личного характера, противопоставляя этим себя безликости коллективного бытия.

Только с письменным словом в круг осмысления культуры входит *время* как область упорядоченных смыслов человеческого существования, поскольку появляется возможность выделить в сплошном потоке становления и изменения чрезвычайные, узловые моменты судьбы и, главное, закрепить (датировать) их в словесном описании (истории, повествовании/наррации). Опыт слова в логоцентрической парадигме начинает определять становление индивида как культурного существа, он же становится основой культурной практики коммуникативных сообществ.

«В архаическом сознании идея биографии, видимо, вообще не могла возникнуть, так как в нем нет места из ряда вон выходящему. Порядок ритуальной жизни, с одной стороны, строго фиксирован, но в нашем смысле он не подлежит описанию»².

¹ Тайлор Э.Б. Первобытная культура / Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.; Макуренкова С.А. Онтология слова: апология поэта. Обретение Атлантиды. / Отв. ред. А.В. Марков. – М.: Логос-Гнозис, 2004 – 320 с.

² Руднев В. Феноменология события // Логос. Философско-литературный журнал. № 4. - М: изд-во «Гнозис», 1993. – с.233.

Слово обретает специфические формы (дискурсы) в различных интеллектуальных сферах общественного бытия и сознания – политике, науке, религии, философии, искусстве. Эти формы в ходе собственного развития получают различную интерпретацию в виде истолкований и оценочных практик – разного рода историй, теорий и истолковательных критик. Совокупность этих семантико-символических интеллектуальных практик и можно считать областью *литературного сознания* – особой сферой бытия и мышления, в которой слово становится Делом (factum) – выступая одновременно и *субъектом* (подлежащим *о*-смыслению знаком), и *объектом* (семантически структурированным материалом = текстом)¹.

В соответствии с определяющей феноменологической установкой, литературное сознание, как и любое другое, есть всегда некоторое «*сознание о...*», или, иначе, *о*-сознание каких-то бытийных феноменов. Это сознание формируется через призму уже наличествующего «горизонта пред-понимания» – *традиции*, – которая и задает носителю сознания определенные формы, нормы и законы восприятия и осмысления бытия и слова о нем. Всякий носитель литературного сознания – это, прежде всего, *читатель* текстов, реципиент разных видов текстуальности, вырабатывающий в себе интенции на постижение смыслов и форм действительности сообразно уже существующим правилам текстуальной рецепции. В своей практике участия в литературном сознании такой носитель рецептивной интенции, с одной стороны, ограничен традициями чтения, восприятия, интерпретации, оценки текста (объектом), а, с другой, – он достаточно независим в производстве смыслов, инициированных его

¹ От лат. *textus* – ткань, материя.

личной персональной читательской и бытийной практикой, кругом общения с другими реципиентами, внутренним ощущением эмоционально-образной значимости читаемого, «созвучностью» текстуальной организации его/ее субъективным переживанием. По этим критериям можно создать некоторую классификацию видов, типов и форм литературного сознания, выделить в нем те или иные взаимосвязанные и исторически обусловленные классификационные уровни.

1.1. Дневник как жанр сублитературы

Одним из таких уровней является «суб-литература» – корпус текстов, объединяемых определенными внешними чертами и внутренними характеристиками. Это понятие включает в себя такие формы словесности (речевые акты), в которых полностью или частично, имплицитно или эксплицитно, отсутствуют признаки авторской интенции на публикацию текста:

«Суббота, 20 июня 1942 г.

Несколько дней я не писала, хотелось серьезно обдумать — зачем вообще нужен дневник? У меня странное чувство — я буду вести дневник! И не только потому, что я никогда не занималась «писательством». Мне кажется, что потом и мне, и вообще всем не интересно будет читать излияния тринадцатилетней школьницы. Но не в этом дело. Мне просто хочется писать, а главное, хочется высказать все, что у меня на душе.

«Бумага все стерпит». Так я часто думала в грустные дни, когда сидела, положив голову на руки, и не знала, куда деваться. То мне хотелось сидеть дома, то куда-нибудь пойти, и я так и не двигалась с места и все думала. Да, бумага все стерпит!

Я никому не собираюсь показывать эту тетрадь в толстом переплете с высокопарным названием «Дневник», а если уж покажу, так настоящему другу или настоящей подруге, другим это неинтересно. Вот я и сказала главное, почему я хочу вести дневник: потому что у меня нет настоящей подруги! (с. 1. *Курсив мой – А. Л.*)»¹.

«Суб-литература» возникает и существует как своего рода архив публичной литературы, ее «подполье», в которое складываются тексты, не предназначенные для публичного чтения, написанные не с целью авторского воздействия на читателя, но направленные автором к «самому себе» или достаточно близкому человеку. Диалогический характер таких текстов ослаблен, и, даже если текст и имеет определенную адресацию, он все равно практически недоступен читателям своей эпохи.

Текстуальные «запасы» жанров суб-литературы формируются на основе *«дискурса личности»* – высказываний личного, зачастую интимного характера, в которых индивидуальное переживание коллективного опыта запечатлевается как «микро-история», «слово о времени и о себе».

Под *«дискурсом личности»* можно понимать определенную совокупность речевых актов, в которых создатель текста выступает в тройной функции – как автор-производитель, как актер-организатор и как актант-субъект наррации. Иными словами, в «дискурсе личности» эмпирическая личность в ходе создания

¹ Дневник Анны Франк. Перевод [Р. Райт-Ковалёвой](#), предисловие [И. Эренбурга](#) // <http://lib.aldebaran.ru>

повествовательного текста не формирует никаких специфических творческих инстанций типа «героя/персонажа»; повествование складывается в модусе «от себя лично», «от своего собственного лица». При этом событийный план такого повествования концентрируется вокруг собственного бытийного и экзистенциального опыта личности, «стягивая» время культурного бытия в своего рода точку, или, напротив, разворачивая «точечный» личный опыт «пробывания-в-мире» (Da-Sein) до пределов универсума.

К суб-литературным жанрам «дискурса персональности» можно отнести четыре основных нарративных формы: личный дневник (*diary*), частную переписку (*epistolaria*), воспоминания (*memoire*) и жизнеописание (*autobiographia*). В данном исследовании **личный дневник** (*Diary*) будет рассматриваться как жанровая «единица» суб-литературного дискурса, самостоятельно бытующая в рамках литературного сознания нации. Дневниковая запись будет представлена как формально-содержательное словесное целое (речевой жанр *нарратива*), в котором авторский замысел, характер повествования, а также события, факты, характеры, нравы, портреты, пейзажи, психологические зарисовки и вообще все то, что обычно составляет поэтологическую специфику литературно-художественного произведения, будет исследовано в плане взаимодействия дневника как с формами коллективного нехудожественного дискурса (газетно-журнальной публицистикой, политико-идеологической пропагандой, морально-религиозной проповедью), так и с фикциональными (литературно-художественными) нарративами (роман, рассказ, повесть). Таким путем исследование может вывести к пониманию специфики дневника как одного из средств личностного (интимного) само-выражения, в котором, наряду с культурными и литературными стереотипами эпохи, наличествуют и специфическая эстетическая позиция, и определенная риторико-поэтическая организация.

Как и другие формы общественной культурной практики, литературное сознание очевидным образом демонстрирует наличие двух взаимопересекающихся сфер – личной и коллективной. Обе они в равной степени участвуют в формировании зрелого литературного сознания, действуя на его носителя с различных сторон. Личное сознание формируется, прежде всего, в семье, на уровне до-литературных, фольклорно-бытовых жанров и горизонтов восприятия литературной информации (сказки, песни, прибаутки, стереотипные высказывания на темы словесного творчества и т.д.). Коллективные формы имеют чаще обучающий характер и формируют более широкие горизонты литературной рецепции – вкусы, предпочтения, склонности, иные формы доверия к тем или иным текстуальным феноменам и литературным дискурсам – эпистемы, идеологии, клише и стереотипы. Общим началом для формирования как индивидуального, так и коллективного литературного сознания является *традиция* – систематизированный перевод одних рецептивных форм в другие, более сложные, и обратно – своего рода возвратно-поступательный механизм метафорического и метонимического мышления индивида и коллектива¹.

Через коллективные формы традиции в литературно-рецептивную сферу «просачиваются» иные, нефигуративные дискурсы – религиозные верования, научные представления, философемы и логико-риторические конструкции/концепты, – которые ретранслируют феномены литературного сознания в сферу общественного бытия и создают возможность контаминации ментального и практически-бытийного опыта личности с онтологиче-

¹ Щитцова Т.В. К герменевтике события у Хайдеггера и Бахтина; Гучинская Н.О. Метафора как инструмент толкования; Вольский А. Герменевтика поэтического текста // ПОНИМАНИЕ И СУЩЕСТВОВАНИЕ. Сб. докл. международного научного семинара. – Минск, изд-во Европейского гуманитарного университета ПроPILEI, 2000. – с.с. 27 – 32; 118 – 132 URL: <http://www.biblioteka.org.ua/book.php?id=1120001220&p=14>.

скими опытами Иных/Других/Чужих. Традиция, в таком ее понимании, становится ничем иным, как совокупностью повествовательных дискурсов и их жанровых форм, своего рода мета-нарративом, в пределах которой и осуществляется ее главная функция – *пере-вод*, – или ретрансляция одной установленной формы знания (эпистемы) об отношениях человека и мира в другую. При этом парадоксальным образом именно в рамках устоев традиции готовится и происходит радикальный переворот (субверсия) самой систематики этих знаний – парадигмы – когда нечто, принимаемое *a priori*, без критической рефлексии и оценки, внезапным или неприметным образом рефигурируется, поставляя новым поколениям иные основания для интерпретаций, оценок, наделений смыслом и т.д.

1.2. Логос дневника

Позиционирование феномена личного дневника в дискурсивный контекст конкретно-исторической эпохи снова возвращает исследовательскую мысль к онто-феноменологической паре соотношения бытия и слова о нем (со-бытия). С точки зрения классического детерминизма, в стихийно-хаотическом потоке онтического (в бытии) ничто не происходит и не совершается случайно. Каждый момент онтического связан с другими моментами теми или иными формами причинно-следственных связей. Однако большая часть этих связей недоступна человеческому сознанию в силу его «простого» отсутствия в моменте онтической случайности либо в силу недостатка возможностей восприятия (знаний) о природе и структуре этих связей, *gesp.*, их слишком большой сложности для осмысления и понимания.

Согласно феноменологической концепции культуры (например, В. Руднева), событие в его полноте есть с-каз об онтической случайности, нарушившей привычное течение жизни: поразившая человеческое сознание бытийная случайность становится экзистенциальным семантико-символическим «актом-поступком», Словом (М.М. Бахтин), текстом-дискурсом, который может вступать в интеракции с другими текстами и дискурсами. Однако для превращения онтического в феноменальное, для перехода бытия в со-бытие, для того, чтобы «дело» стало «словом», от человеческого сознания требуется еще целый ряд операций («ментальных репрезентаций»), важнейшей из которых является логос события. В самом общем виде концепт нарративного «логоса» (logos = fictio) может быть сформулирован как превращение жизненного опыта в словесную практику (текстуализация), или путь личного сознания из пределов бытия к со-бытию. Короче говоря, логос – это то, что формирует «слово» как «дело», что придает жизненному порядку иную модальность – «рас-с-казанной событийности».

Естественный порядок жизни (онтос) мало тревожит глубины обыденного человеческого сознания; в «спокойные» исторические эпохи лишь поэты и философы, хранители «дома бытия» (М. Хайдеггер), пытаются о-смыслить онтическое с позиций духовно-феноменального, возвышенного, Иного. Более того, повторяющиеся привычные формы бытия стремятся в ментальности к тому, чтобы быть закрепленными, фиксированными, снова и снова воспроизводимыми, привычными и о-своенными. Так закладываются ре-итерационные ментальные структуры мифа, фиксируемые в жестких порядках коллективных практик общения с Иным/Природой – обряде, ритуале, культе.

В архаических пра-культурных сообществах онтическое (естественное, «само-собойное») движение жизни и охраняющие ее «мифологичные» обрядово-ритуальные человеческие опыты равновесны до тех пор, пока

в них не произойдет чего-то «из-ряда-вон-выходящего», какого-то нарушения привычного и знакомого, близкого и понятного («чуда» или культурного шока). Такой «излом» онтического порядка, выпадение из него чего-то из устойчивого и незыблемого вызывает психическую (ментальную) реакцию человека в форме аффекта, рефлекса, импринта и т.д. Ментальная реакция более сложного порядка, чем мифические страх и ужас, порождает любопытство, стремление сблизиться со случившимся и усмотреть в нем то, что перестает пугать, т.е. что-то знакомое = общее, с чем возможны конфликты, контакты и интеракции. В этих поисках мысль «встречает» различные формы для своего воплощения – от примитивного жеста-указания до развернутых форм художественного изображения (мимесиса). Наиболее «близкой» и приемлемой формой полноценного выражения мысли становится всеобщий «ментальный эквивалент» – Слово/Текст, – которое позволяет «воссоздать» совершившийся *actus realis* в рефигурированной форме со-бытия уже как вербального порядка, заключенного в жанре повествовательного текста/дискурса (рас-с-каза).

«Событие заключается в некоем отклонении от законного, нормативного в данном мире, в нарушении одного из тех правил, соблюдение которых сохраняет порядок и устройство этого мира»¹.

Говоря проще, событие – это не то, что случилось или про-изо-шло где-то и как-то, но то, что *некто* увидел, запомнил и высказал (записал), а затем по-ведал Другим, Иным и даже Чужим. Таким именно образом некое Нечто становится Со-Бытием – Словом о бытии, – и пре-**бывании** в нем Человека.

¹ Шмид В. Нарратология. - М.: Языки славянской культуры, 2003. - 312 с. - (Studia philologica). С. 14.

Если соблюдение сложившегося текучего порядка бытия (онтоса) в коллективном сознании довольствуется мифом и его семантико-мифологическими формами (ритуал/обряд/культ), постольку и функция мифа есть сохранение неизменного порядка в поле «ментальных репрезентаций», которые этим помогают хранить и крепить сакральную нерушимость онтоса. Все особые усилия проникнуть в толщу бытия «профессионально» исполняются специальными людьми – жрецами, ведунами, магами, волхвами – и не требуют участия каждого в сакральных герменевтических и семиотических практиках. Нарушение же онтически-ситуативного равновесия, разрыв обыденного течения жизни, провоцирует любого члена коммуникативной общины, носителя ментальности, на обретение неповторимого личного персонального опыта, на испытание (экзистенцию) индивидуального характера. А этим опытом порождается уже иная, чем миф, форма ментальной репрезентации – *Логос*, – т.е. о-сознанная бытийная реакция, «духовный» ответ сознания на вызов реальности бытия. Своим рождением, таким образом, нарративный логос (или личная установка на рас-с-казывание бытия), обязан наличию/проявлению в бытии двух элементов: 1) онтической случайности (или про-ис-шествия) как чего-то исключительного, особенного, выходящего из ряда вон привычного (о-своенного) бытийного порядка и 2) личности (*актора*), способной не только увидеть, но и о-сознать это нарушение, о-смыслить его связь с прошлым и настоящим, создать возможность для придания осмысленному формы, интеллектуально-эмоциональной выразительности и зафиксировать ее в каком-то особом, персонально-интимном, дискурсе.

При всей дискуссионности понятия «логос» в нарратологических исследованиях¹ большинство литературоведов сходятся на том, что логос есть принадлежность (качество, аспект, структурный элемент) особого рода дискурса – художественного=поэтического=фикционального=миметического, т.е. искусственно организованного повествования. Однако простое обращение к текстам дневниковых записей показывает, что этот концепт (как и парный ему концепт «лексиса») продуктивнее всего работает именно в текстах суб-литературного характера, не нацеленных на пере-сотворение бытия (реальности) или на замену ее «инобытийным» художественным континуумом фантазии и вымысла, образным миром. Именно логос повседневной записи, подмечая наметившиеся нарушения в привычном течении бытия, «сгущает» мысль вокруг этих моментов бытия, создает возможность для перевода бытия в иную плоскость – в *со-бытие*. Логос же создает возможность и для последующей ре-презентации *со-бытия* уже как последовательности вербальных актов – текстов – и их коммуникативных порядков – жанров и дискурсов.

Исследование контекста традиции, в котором реализуются жанры «дискурса персональности» как таковые, показывает сложное переплетение условий появления *logos*'а как «акторского» (интенционально действенного) отношения к событийному ряду. То, что происходит с человеком как членом коммуникативного сообщества в условиях военного времени, в присутствии видимого и «невидимого» (дискурсивно сформированного)

¹ Женетт Ж., Указ. соч.; Шмид В. Указ. соч.; Нарратология: основы, проблемы, перспективы. Мат-лы к спецкурсу. Составитель: проф., д. ф. н. Е. Г. Трубина
URL: http://www2.usu.ru/soc_phil/rus/courses/narratology.html.

Чужого, требует интенсификации мысли, напряжения эмоционально-интеллектуальной деятельности и «сгущения смысла» – формирования более или менее отчетливых «ментальных репрезентаций»: образов, эйдосов, концептов, образующих цельность нарративного логоса.

Альтернативный путь персонального дискурсивного опыта – это восприятие и принятие готовых «ментальных конструкций» из «внешнего», общественного дискурсивного круга – литературы, журналистики, религии, anecdotic'и, документалистики и других форм дискурсивно-рецептивной традиции. Этот путь, вполне удобный и адекватный в условиях более менее устойчивого онтического порядка, текучего образа бытия; но он становится весьма затруднительным и даже невозможным в моменты культурного шока, в периоды, когда рушится одновременно и устоявшийся порядок жизни, и способы его публичного дискурсивного выражения, и привычные формы ментального усвоения (о-смысления).

Практически все «внешние», т.е. социально-значимые, «коллективные» дискурсы культурно-шоковой эпохи (религия, политика, философия, мораль, право, литература) демонстрируют заинтересованной личности (актору) не только взаимную конфронтацию и внутреннюю противоречивость, т.е. проявляют логическую неустойчивость в самых важных проблемах современности, но и явную неспособность возратить бытию устойчивость, исправить нарушенный ход вещей и событий. В литературном сознании нации образуется своего рода дискурсивный «провал», разрыв между общественно-значимым и персонально-интимным опытами бытия и сознания. Этот провал и разрыв культурно ответственная личность (*persona agens*) и заполняет суб-литературными

жанрами «дискурса персональности» – личной перепиской, мемуарами, дневниками. Именно в этих жанрах исполняется основная функция нарративного «логоса» – дело собирания/закрепления (λέγω, fictio), или сгущения мысли до ее естественного предела – λέξις'а (dictio), т.е. словесного акта высказывания = текста.

Тот, кто увидел исключительное, из ряда вон выходящее, нарушающее, жизненный покой, испытывает иные формы культурного шока, чем мифологический человек, лицезреющий «чудо» как нарушение онтического порядка. Культурно искушенному человеку для выражения вновь полученного, ломающего привычный опыт бытия онтического события, недостаточно соблюсти устоявшиеся обрядово-ритуальные или дискурсивные формы, его «ментальность» требует особенных, специфических актов для своего вербального семантико-символического выражения. Единственно возможной феноменологической реализацией такого опыта и становится «дискурс персональности», т.е. личное, интимно ориентированное послание о том, что в привычно установленном порядке бытия произошло нечто, угрожающее или прямо повреждающее сложившийся порядок бытия, что должно быть «о-смыслено» и оценено как новое и непривычное¹.

Нарушение традиционного онтического порядка бытия требует от личности какого-то специального опыта, испытания своих возможностей в понимании происходящего и способностей его о-смысления = присвоения. Мысль свидетеля «нарушений» бытийного порядка начинает «сгущаться» вокруг тех моментов, которые его

¹ Проблемы общения в пространстве тотальной коммуникации = Issues of communication in contemporary cultural contexts / Рос. ин-т культурологии МК РФ И РАН (С.-Петербург. отд-ние); Филос.-культурол. исслед. центр «Эйдос» (С.-Петербург. союз ученых); Глав. ред. Л. Морева. – СПб., 1998. – 532 с. – (Международ. чтения по теории, истории и философии культуры; Вып. 6). – Парал. тит. л. на англ. яз.; Текст на рус. и англ. яз.

нарушают, искажают сущее, угрожают его непрерывности моментами внезапного появления Иного/Чужого, способного и готового своими действиями подорвать «нормальное» течение жизни¹. Логосом повествования (нарратива) можно считать мыслительную фиксацию нарушения существующего порядка жизни, а ее формальным выражением – лексис дневника (или другого жанра «дискурса персональности»).

1.3. Литературное сознание в эпоху гипер-текста

Общую «схему» концепта литературного сознания эпохи как системы и структуры дают американские исследователи (*рис. 1*). Проект представляет собой сетевой Интернет-портал, в котором собирается, хранится, обрабатывается и представляется пользователю информация о различных текстуальных репрезентациях эпохи до, во время и после основных событий Гражданской войны. В окне главной страницы создатели портала визуализировали архетип библиотеки, где текстовая информация определенным образом каталогизируется, классифицируется и оформляется для доступа заинтересованных читателей. Каждый из культурно-исторических периодов представлен в форме своего рода плана библиотечного хранилища, но на самом деле в виртуальном компьютерном пространстве этот объект является гипертекстовым переходом (ссылкой) на определенный архив текстов, мультимедийных файлов и гипертекстов, где исследователь может без труда отыскать нужную информацию по

¹ Милевская Т.В. Дискурс, речевая деятельность, текст. // Теория коммуникации и прикладная коммуникация. Вестник Российской коммуникативной ассоциации. Вып. 1. Ростов н/Д : ИУБиП, 2002, с. 88-91.

проблеме. Поиск ведется простым «щелчком» компьютерной мыши с дальнейшим переходом к различным секторам хранилища через опцию гиперссылок.

Интересно отметить, что левое «крыло» каждого сегмента – это суб-литературные тексты (письма и дневники), правые края – газетно-журнальная публицистика (пресса/официоз), середину же «хранилища литературного сознания» заполняют документы – церковные книги и записи актов гражданского состояния, военные сводки и карты боевых действий, статистические отчеты и т.д., – сведенные в единый «Справочный центр».

В основе схемы лежит импликация идеи «осевого времени» К. Ясперса, вектор которого перемещается слева направо – из прошлого в будущее. При этом видно, что, по мысли авторов проекта, официоз/пресса, приходя к архивам суб-литературных жанров, формирует их концептуально-содержательные и риторико-поэтические аспекты, создавая устойчивые текстуально фиксированные ментальные структуры: образы/эйдосы, рецептивные стереотипы, идеологические клише и др. Документальные референты определенным образом «фильтруют» официальную информацию, так что на новом этапе суб-литературного творчества должно возникать как иное содержание дневниково-эпистолярного дискурса, так и его новые поэтологические характеристики.

На самом деле в данном цифровом проекте отсутствует очень важный элемент литературного сознания – фикционально-миметический дискурс (или, традиционно, «художественная литература»). Официоз не является единственным каналом прохождения информации о событиях; в его рамках и за их пределами создаются литературные произведения разных родов и жанров, и их эстетико-поэтическая структура также оказывает свое влияние, как на отдельного реципиента, так и на коммуникативное сообщество в целом. В отношении среднего сег-

мента – War Times – авторы из университета Вирджинии относительно правы, поскольку художественная литература этого периода в значительной мере функционировала как общественно-политический пропагандистский дискурс. Однако сегменты Antebellum’a и эпохи Реконструкции очевидно должны содержать в себе и особый «читальный зал» – Fiction and Imagination – где были бы доступны художественные тексты, хотя бы только нарративные жанры¹. Именно так поступили авторы другого подобного проекта, [Dr. George H. Hoemann](#) и [Mary Myers](#) из университета штата Теннесси, создатели портала <http://sunsite.utk.edu/civil-war/aboutcwarhp.html>.

Проблема структуры литературного сознания как сферы коммуникации современные французские философы Поль Рикёр² и Эмманюэль Левинас³ подробно раскрыли в рамках проекта «заботы о бытии», постулированного в работах Мартина Хайдеггера⁴. Вслед за ними подобную работу начали и отечественные исследователи:

«Письменный текст фиксирует нам лишь сказанное, произнесенное, то есть что-то хотя бы однажды уже словесно оформленное, логически преобразованное, “о-логосившееся” (т.е. превращенное в логос или *лексис*) - если мы оставим пока в стороне вопрос о том, кем именно это, самое важное, словесное преобразование проделано. В целом здесь и заключена важная и, возможно, даже **важнейшая** часть того доступного человеку *мимесиса*, изобразительного подражания оригиналу, который вмещался в обязанность поэзии еще во времена Платона и Аристотеля. У древних греков был также еще и такой термин, как *диегезис*, обозначавший правильную расстановку, или последовательность действий в сюжетной канве повествования»⁵.

¹ The American South. Portrait of a Culture / Ed. by Louis D. Rubin, Jr. – USIA, Forum Reader Sirues, 1979. – 423 p.

² Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью. - М.: Academia, 1995. – 159 с.

³ Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека / Перевод с французского А.В. Парибка. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. – 265 с.

⁴ Хайдеггер М. Время и бытие. - М.: изд-во «Республика», 1993. - 445 с.

⁵ Михаил Михеев. Парадоксы дневниковой прозы. *Мысль на пути между рассказом и ...* URL:http://uni-persona.srcrc.msu.ru/miheev/doklad2.htm#_ftn1#_ftn1
(выделено мною – А.Л.)

Другая проблема состоит в том, как различаются формы *литературного сознания* и собственно *литературы*. С современной точки зрения, отношения художественной словесности и некоторых форм литературного сознания не носят четко определенного фиксированного дифференцирующего характера:

«Строго говоря, границ между обыденной литературой [дневники, записные книжки, черновики, заметки в альбом, маргиналии,...], с одной стороны, с другой стороны, между документальной литературой и, наконец, с третьей стороны, между литературой художественной вообще не существует. Одна переходит в другую и они обе – в третью. Но переход, как правило, однонаправленный – лишь только обыденная и документальная литературы (как литературы фактов) могут быть преобразованы в литературу художественную: любой малый жанра обыденной литературы, а также любой документ может быть «подхвачен» беллетристкой и обыгран ею как какая-то частная художественная форма»¹.

В классической парадигме любой «факт» литературного сознания есть демонстрация вовлеченности/отстраненности субъекта события (и рассказа о нем) от самой сущности совершающегося бытия. В классической тема-рематической модели текстуальности мира фактичность событий, осуществляемая в пересечении трех основных модальностей – сущего, возможного и должного, – предстает как единство двух главных определений – *что* (или о *чем*) рассказывается, и *как* (или каким *языком/дискурсом*) рассказываемое репрезентируется в един-

¹ Михаил Михеев. Дневники и записные книжки. Фактографическая проза или “обыденная” литература?...URL: http://uni-persona.srcs.msu.su/miheev/doklad2.htm#_ftn1#_ftn1.

стве текста. Онтология (знание о событии как знаке бытия) определяет собой феноменологию (способность наделить этот знак определенным значением и смыслом). Так, например, произошло со словом «история» (др. греч. ἱστορία), которое изначально не означало ничего, кроме «вести, сказания, рассказа» о чем-то, произошедшем вне ее и помимо нее. В традиции же закрепилась практика онтологизации феномена – словом «история» стали именовать сам бытийный порядок жизни, и появилась даже специальная наука с таким названием, хотя в основе многих зарубежных жанровых терминов сохранился изначальный древнегреческий корень – англ. *story*, франц. *l'histoire* – «рассказ, повесть».

В этом отношении феноменология дневника должна по-иному сочетать бытийное и ментальное в некое единство мысли и слова, которое только и можно определить как «факт»¹ литературного сознания – с учетом того, каковы степень его *достоверности*, *фикциональности* или *нарративной конгруэнтности*. Феноменология дневника строится иначе, нежели классическое парадигматическое разделение слова на «художественное» и «простое», т.е., на то, которое в силу своей «сложности» требует к себе и особого отношения («литературного вкуса»), и такое, которое выглядит как «прозрачное», доступное и понятное без всяких специальных усилий со стороны реципиента.

Если полностью принять все положения концепций Э. Левинаса и П. Рикёра, то современный читатель и исследователь культуры окажется все в том же тупике классической теории – если *только* художественное выражение вкупе с его философским осмыслением выражает действительно необходимую «заботу о бытии», то

¹ От лат. *factum est* – законченное, сделанное, изготовленное, пригодное для дальнейшего употребления.

куда же отнести те существенные фрагменты культурного творчества, которые так и не обрели в существующей парадигме статуса творческих достижений и остались, по сути, архивами культуры, ее скрытыми, не проявленными жестами – черновики, записные книжки, личные записи повседневного характера, мемуары, личную переписку и т.д.? Если судить о состоянии культуры на сегодняшний момент, то во многих случаях окажется, что как раз эти «незавершенные» диегетические «жесты» культуры вызывают наибольший интерес не только у профессиональных культуроведов, но и у рядовых «потребителей» культуры, т.е., собственно, у тех, к кому они не обращены онтологически, феноменологически и функционально.

Очевидно, что решение проблем отношений между понятиями *«литературное сознание»*, *«суб-литература»*, *«дискурс персональности»* и *«рассказанной событийности»* как форме их текстуальной репрезентации должно основываться на исследовании конкретных исторических форм, в которых раскрывались различные аспекты этих концептов, и по которым могут быть установлены различные виды их взаимодействия. В последующих главах монографии личный дневник рассматривается именно в такой перспективе: 1) как феномен литературного сознания; 2) как жанр «дискурса персональности» и 3) как нефикциональный нарратив.

ГЛАВА 2. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ЛИЧНОГО ДНЕВНИКА

Существование личного дневника как феномена культуры и словесности, ставшее проблемой современного гуманитарного знания, имеет сложный многоаспектный и междисциплинарный характер. В различных социально-исторических и национально-культурных контекстах дневник проявляет себя по-разному, демонстрируя различные свои аспекты, стороны и «ипостаси». В одном случае это – повременная запись различных происшествий, которых автор был свидетелем или очевидцем; в другом – подробная фиксация внутренних интимных переживаний автора записи; в третьем – это эмоционально-выразительная субъективная оценка существующего порядка вещей, характеров, действующих лиц, их взаимоотношений, морально-нравственных коллизий, в четвертом – все это выступает как единый текст нарративного характера, и т.д.

Всякий раз, однако, дневниковая запись демонстрирует наличие двух взаимосвязанных («ядерных») пластов текста: 1) событийного порядка, организованного автором в соответствии с его/ее личным опытом бытия в мире; и 2) личных эмоционально-интеллектуальных качеств дайариста, его/ее культурного личного горизонта восприятия культуры и своего собственного места в ней. Первый пласт может быть подвергнут исследованию, так сказать «из-вне», через анализ его соотношений с общепринятым, «коллективным» опытом историографического знания о событиях. Иначе говоря, дневник можно прочитать с точки зрения того, говорит ли дайарист «правду» о событиях, выявляя степень близости его текста к т. наз. «авторитетным» текстам и авторам. Таково использование дневниковой записи в классической историографии.

Второй пласт дневникового текста более «закрыт» для исследования, поскольку речь здесь может идти о плохо контролируемом с внешней стороны «внутреннем мире» личности, о психике и эмоциях, которые не соотносятся ни с каким «авторитетом», кроме самой «души» скриптора (автора) дневниковой записи. Это дает возможность создания на базе дневника некоторого рода повествований квази-креативного характера, вроде знаменитой серии «Жизнь замечательных людей», или психоаналитических портретов исторических деятелей, или биографий художников в духе Андре Моруа.

В современном литературном сознании дневник имеет амбивалентный рецептивный статус: с одной стороны, читателю «скучно» читать повседневные бытовые фиксации, часто слишком подробные и постоянно повторяющиеся:

ИЗ ДНЕВНИКОВ НИКОЛАЯ РОМАНОВА «Тобольск, 1917 г.

13-го октября. Пятница

Уже два месяца, что мы живем в этом доме. - Отличный солнечный день; провели его как всегда.

18-го октября. Среда

Наконец показалось солнце, день был хороший, таяло. Пилил дрова. Вечером читал вслух "Женитьбу" Гоголя.

20-го октября. Пятница

Сегодня уже 23-я годовщина кончины дорогого папа и вот при каких обстоятельствах приходится ее переживать! Боже, как тяжело за бедную Россию! Вечером до обеда была отслужена зауспокойная всенощная.

22-го октября. Воскресенье

В 8 час. пошли к обедне и всей семьей причастились св. таин. Такое душевное утешение в переживаемое время! Погода стояла мягкая, целый день шел снег. Долго пробыли в саду.

27-го октября. Пятница

Великолепный солнечный день. Днем помогал трем стрелкам копать ямы для постановки столбов под новый навес для дров, даже вспотел. Написал мама.

29-го октября. Воскресенье

Встали в 7 час. с полной темнотой и в 8 час. пошли к обедне. После вторичного чая погуляли. Погода мягкая, серая. Написал Ольге. Начал Х т (ом) Лескова. Сегодня производили сбор пожертвований вещами на улицах в пользу армий на фронте.

3-го ноября. Пятница

Дорогой Ольге минуло 22 года; жаль, что ей, бедной, пришлось провести день своего рождения при нынешней обстановке. В 12 час. у нас был молебен. Погода стала снова мягкая. Пилил дрова. Начал новую интересную книгу "The elusive Pimpernel!".

4-го ноября. Суббота

Утром был обрадован письмом от Ксении. - Выпало много снега, очищал от него место для прогулки, а днем переносили дрова в сарайчик.

Уже два дня не приходят агентские телеграммы, - должно быть, неважные события происходят в больших городах! В 9 час. была всенощная.

11-го ноября. Суббота

Выпало много снега. Давно газет уже никаких из Петрограда не приходило; также и телеграмм. В такое тяжелое время это жутко. Дочки возились на качелях и соскакивали с них в кучу снега. В 9 час. была всенощная.

14-го ноября. Вторник

День рождения дорогой мама и 23-я годовщина нашей свадьбы! В 12 час. был отслужен молебен; певчие путали и сбивались,-

должно быть, не сделали спевки. Погода была солнечная, теплая и с порывистым ветром. За дневным чаем я *перечитываю свои прежние дневники - приятное занятие (курсив мой – А.Л.)*.

С другой стороны, именно в этих «мелочах повседневности» и раскрывается искомые читателем «правда жизни» и «тайники души», особенно если дневник записан в переломный исторический момент, в эпоху деструкции традиции и коммуникативного разрыва, когда личности просто не с кем поделиться своим внутренним опытом.

Отсюда возникает необходимость применения феноменологической редукции при исследовании личного дневника. Текст дневника, даже если он не завершен, отрывочен, фрагментарен или не полон, он, так или иначе, предстает перед исследователем как «целое», как нечто, имеющее собственную внутреннюю связность, последовательность и «текстуальную логичность (конгруэнтность)». В этом отношении феноменологический подход не противопоставляет рассказываемый в дневнике персонально организованный событийный порядок общепринятым, коллективным формам мышления истории и не дезавуирует личные особенности позиции дайариста. То и другое предстают как взаимосвязанные уровни повествования (нарратива), объединенные общей авторской позицией – стремлением высказать свое мнение «о времени и о себе». Реализуемая дайаристом неповторимая «ментальная репрезентация» жизненного опыта создает уникальный *со*-бытийный континуум (хронотоп) «дискурса личности», через который автор становится не просто свидетелем или очевидцем внешних со-

¹ URL: <http://rom-dinastiya.narod.ru/NicDn.html>

бытий, но выступает как их *актор* и *актант* – реально действующее лицо, участник события, «свидетель и судья» (*М.М. Бахтин*). Иначе говоря, дневниковый рассказ о бытии – это есть личное *со-бытие* автора с другими, особая транс-историческая форма литературной коммуникации, существующая в культурном сознании нации наряду с другими формами дискурсивного выражения жизненного опыта и вступающая с этими формами в сложные коммуникативные связи. В этом плане дневник входит в историю культуры не только как свидетельство присутствия эмпирической личности в бытийном континууме/хронотопе, но и как существенно значимый текст повествовательного рода, в котором наличествует особая, индивидуально-неповторимая точка зрения/видения (фокус) общественно-значимых явлений и процессов.

2.1. Дневник как нарративная форма литературного сознания

Проблема событийности в ее словесном выражении – одна из самых острых проблем современной нарратологии¹, находящаяся на стыке литературной теории, философии культуры и историографии. На сегодняшний день среди самих нарратологов нет единства взглядов, как по поводу сущности данного понятия, так и по общим

¹ См., например, Шмид В. Нарратология. - М.: Языки славянской культуры, 2003 – 311 с.; а также <http://slovar.lib.ru/terminologies/schmid.htm>;

принципам исследования предмета. Например, авторитетный немецкий историк современного литературоведения Ангар Нюннинг выделяет семь основных теоретико-методологических направлений в нарратологии¹, каждое из которых пользуется своим представлением о событии и его дискурсивной репрезентации. Поэтому в данном исследовании имеет смысл рассмотреть проблему событийности в ближайшем к выбранной тематике контексте.

«Событием является некое изменение исходной ситуации: или *внешней* ситуации в повествуемом мире (*естественные, акциональные и интеракционные события*), или *внутренней* ситуации того или другого персонажа (*ментальные события*). Таким образом, нарративными, в структуралистском смысле, являются произведения, которые излагают историю, в которых изображается событие»².

Личный дневник как форма записи событий (их персональная *фокализация*) может быть проблематизирован следующим образом:

«Взаимодействие в дневниковой прозе внешних обстоятельств создания текста и волевого начала, выливающееся подчас в некие специфические формы, нуждается в пристальном совместном изучении психологов, историков и филологов - будь то художественный *вы-*

¹ Ansgar Nünning, *Narratology and Cultural History: Tensions, Points of Contact, New Areas of Research // The Wider Scope of English. Papers in English Language and Literature from the Bamberg Conference of the International Association of University Professors of English*. Ed. By Herbert Grabes and Wolfgang Viereck. – Frankfurt am Main etc.: Peter Lang GmbH, 2006. – 222 p.

² Шмид В. Нарратология. - М.: Языки славянской культуры, 2003. - 312 с. - (Studia philologica). С. 13.

мысел, устная *легенда*, сознательное расщепление повествования, заполняющее собой кажущиеся “нелогичными” лакуны и пустые “неживописные” места памяти или же только невольная подмена, а также сама *сплетня* (опять-таки, про которую не всегда понятно: то ли она порождена кем-то умышленно, то ли бессознательно пущена в оборот, родившись сама собой, без злого умысла)»¹.

В данном исследовании под «культурным событием» понимается определенная *коллизия* – столкновение различных дискурсов и «голосов», освещающих историческое «пространство» нации с определенных концептуально выраженных и эстетически оформленных позиций. Рассказ о культурном событии – *повествование*, *диегезис*, или *нарратив* – выступает как комплекс определенных приемов и способов повествования, включающих в себя как элементы традиционной поэтики, например, «*фабула*», «*сюжет*», «*рассказ*», «*история*», «*хроника*», «*описание*», так и концепты, возникшие уже в современной неофеноменологии текста («*фикциональность/документальность*», «*фокализация событий*», «*рефигурация нарратора*», «*горизонт восприятия*», «*нарративная конгруэнтность*», и т.д.)².

Хотя некоторые нарратологические аспекты эпистемы событийности были отмечены еще в работах М.М. Бахтина 1960-х гг., в отечественных науках о культуре она начала складываться только в конце XX века:

«Мы будем считать, что произошло событие, если выполняются три условия:

(1) это происходит с кем-то, кто обязательно должен обладать антропоморфным сознанием [...]

¹ Михеев М.Ю. Парадоксы дневниковой прозы. Мысль на пути между рассказом и дневниковым текстом. Особенности памяти дневннциста // http://www.srcs.msu.su/uni-persona/site/ind_res.htm

² URL: <http://slovar.lib.ru/dictionary/sobytiya.htm>.

(2) для того, чтобы происходящее могло стать событием, оно должно стать для личности-носителя чем-то из ряда вон выходящим, более или менее значительно меняющим его поведение в масштабе всей жизни, либо какой-то ее части. Событие всегда окрашено модально, то есть изменяет отношение сознания к миру [...] Событие меняет модальный оператор у высказывания [и]... влечет за собой другие события, так что, если модальный оператор вначале сменился с негативного на позитивный, то он может смениться на негативный вместе со следующим событием.

(3) событие только тогда может стать событием, когда оно *описано* (курсив автора – А.Л.) как событие [...] В сущности, **событие** в значительной степени это то же самое, что и рассказ о событии (*подчеркнуто мною – А.Л.*), не имеющий ничего общего с физическим действием [...]. Пока он [*герой – А.Л.*] не рассказал того, что с ним произошло, об этом мог так никто и не узнать, и о его душевном перевороте наблюдали бы только извне. Событие осталось бы внутренним душевным событием [...], не выведенным из его «личного языка» в нормальную языковую игру с окружающими. **Только описание придает событию цельность и законченность и определенность** (*Выделено мною – А.Л.*).

Для события, понимаемого таким образом, последовательность физических процессов в необратимом линейном времени может не играть роли, так как физические процессы могут протекать своим чередом, а событие может произойти для одного человека и не произойти для другого (то же самое физическое действие может стать событием, но совсем другим, для третьего человека).

[...] «простой хронологической последовательности событий» просто не существует, хотя, может быть, имеет смысл говорить о том, что существует хронологическая последовательность физически необратимых (термодинамических) процессов, но, вероятно, и она все не такая простая»¹.

Итак, ничто не является происходящим (случающимся) до тех пор, пока о нем не сказано тем или иным Словом, его дериватами или субститутами (речью, письмом, формулой, графикой, электронным цифровым креативом и т.д.). Написание слова как **«Со-бытие»** – это не типографический изыск, а «просвет» сущего в бытии

¹ Руднев В. Феноменология события // Логос. Философско-литературный журнал. № 4. - М: изд-во «Гнозис», 1993. – с.с. 226 – 238.

слова, явление истины как «света знания» в толще физических вещей, явлений и процессов (*М. Хайдеггер*). Расказанное событие – это, собственно, и есть само бытие в его человеческом (культурном) измерении, и, как такое, оно может быть вовлечено в ряд подобных дискурсивных разномасштабных, но взаимосвязанных *со-бытий* – *традицию* и *историю*.

Так сказанное (рас-с-казанное) слово вовлекается также и в сферу *литературного сознания* – в сложный процесс осмыслений, толкований, интерпретационных и оценочных практик и иных коммуникативных актов культуры. Единичное (словесная репрезентация сознания) неизбежно устремляется к своему целостному истоку – общему потоку бытия:

«Событие становится событием в системе событий. Хронология лишь частный способ изложения системы событий. Система событий в целом [курсив автора – А.Л.] задается господствующей в культуре моделью исторического времени, и каждый раз [курсив автора – А.Л.] тем, кто описывает конкретную систему событий»¹.

Данное мнение профессионального философа и теоретика культуры можно полностью принять в качестве исходной теоретической установки данного исследования, особенно учитывая заключительное утверждение:

¹ Там же, с. 227

«Событие – форма речевого акта [...] и как любой речевой акт, оно прежде всего акт говорения, рассказ [курсив автора – А.Л.] о событии, так как то, что произошло, но никому не стало известно, на феноменальном уровне не произошло вовсе. То, что рассказано в виде события, при том, что оно может быть симулировано, имеет шанс остаться событием порой даже на значительное время, а может быть, и навсегда.

Просто «факт» - упавший с горы камень – если он не задавил никого и не встревожил, не только не является событием, но даже и не является фактом, если некому сказать, что он имел место»¹.

Развивая феноменологические положения работы В. П. Руднева, можно сформулировать те характеристики, которые соответствуют понятию «*со-бытие*». Это нечто, происходящее в присутствии человека, способного рас-с-казать его (о нем). Онтические случайности – *acta realia*, – независимо от их масштаба и динамики (движение песка по пустыне, схватка кашалота с гигантским спрутом в океане, падение камней с горы и т.д.), если их свидетелем не был человек – это не *со-бытия*. Более того, *со-бытия* как таковые часто могут не иметь никаких физических связей с реальностью (сновидения, иллюзии), но, будучи рассказанными, обретают статус именно *со-бытий*, или приключений духа (сознания, интеллекта), поскольку, также как и онтические случайности, зафиксированные человеком/нарратором, они трансформируются в *facta verbalia* – дискурсивные формы выражения «ментальных репрезентаций» бытийного опыта, *тексты*.

«Но что остается делать в том случае, когда словами события все-таки не исчерпываются, как и бывает в большинстве случаев? - когда кроме них изнутри события просвечивает или в нем остается еще остаток, или «ззор» не оформленного в *логосе* (или в *лексисе*)? Ведь

¹ Там же, с. 238

не всякий раз нам с руки записывать видеофильм о своей жизни. (Когда мы занимаемся киносъемкой или даже просто фотографируем, то поневоле оказываемся исключенными из жизни, делаемся ее метанаблюдателями)¹».

Языковой мир – это мир *со-бытий*, он же – текстуальный континуум – такую цепочку можно вывести из феноменологического опыта. Какое место займет в этой цепочке дневник как единство события и рассказа о нем? Какие характеристики будет иметь этот персонально организованный нарратив в пределах литературной традиции рецепции и коммуникации текстов? Ответы на эти вопросы может дать феноменологическая дескрипция дневниковых записей в контексте культурной и литературной традиции – в литературном сознании нации и эпохи.

Согласно П. Рикёру, в культурно-коммуникативных (письменных) сообществах одной из форм безопасного самосохранения личной идентичности может стать создание некоей *life-story* – автобиографии, фиксирующей идентичность только данного индивида, одновременно хранящей его особость и создающей возможность для сочетаемости с другими подобными посредством общей *нарративной структуры* – повествовательного дискурса в форме лично или коллективно организованной истории. В принципе, каждый человек мог бы сам составить рассказ о своем собственном существовании и дать читательскому сообществу неоспоримое свидетельство своего присутствия здесь-и-сейчас. Тем самым было бы возможно обеспечить некую форму личного бессмертия, хотя бы и в пределах литературного сознания. Однако здесь возникает проблема *нарративной конгруэнтности*,

¹ Михаил Михеев. Парадоксы дневниковой прозы. Мысль на пути между рассказом и дневниковым текстом. Особенности памяти дневничества. http://uni-persona.srcf.msu.ru/miheev/doklad2.htm#_ftn1#_ftn1 .

или *диегетичности* – способности организованного знаково-смыслового единства (текста и дискурса) воссоздать событие в его целостности и неповторимости, а также проблема связи разнородных и разновременных событий в определенный логический ряд посредством риторико-поэтических феноменов – т.е., о возможности войти в традицию посредством лично созданной *поэтической* жизненной истории. В принципе, каждый человек стремится оставить свой след в потоке событий, превратить свою жизнь в текст, доступный пониманию и осмыслению. Однако этого почему-то не происходит даже тогда, когда некто целенаправленно берется за создание подобной *life-story*, т.е. делает самого себя одновременно героем и рассказчиком собственной жизни.

Российский философ В. Руднев указал на одно обстоятельство, которое подрывает нарративную конгруэнтность автобиографии личности вообще и вызывает сомнения в убедительность рикёровской позиции в частности:

«Биография человека – не прямая линия. Ее моделью служит нелинейная память [...] Человек на самом деле не знает всей своей биографии [...] О жизни другого (*и, по большей части, о своей собственной – А.Л.*) я узнаю из его рассказа или рассказов кого-либо еще. И тогда он или другие рассказывают историю его жизни так, как они ее себе представляют. Ясно, что *никакой рассказчик (выделено мною – А.Л.)* не может знать всего – ни о жизни другого, ни о своей собственной. Тот, о ком рассказывают (будь это он сам или другой) станет аксиологическим центром рассказа, его главным героем»¹.

¹ Руднев В. Феноменология события...., с. с. 234 - 235

На этот же пункт своей концепции указал и сам Поль Рикёр, дополнив (или расширив) понятие повествовательной идентичности понятием «рефигурированного «я». Любой повествователь, для того, чтобы стать таковым, так или иначе, должен сформировать особый поэтический конструкт, который может превратить его из «самого себя» (ipsum) в героя или персонажа (idem), действующего в «хронотопе» наррации соответственно ее законам, и, следовательно, не обладающего авторитетом инстанции «всезнающего творца»:

«Искусство повествования утверждает главным образом ведущую роль третьего лица в познании человека. Герой есть некто, о ком говорят. В этом смысле исповедь или отправляющаяся от нее автобиография не обладают никакими исключительными привилегиями и не служат исходным материалом для дедукции. Мы гораздо больше узнали о человеческом бытии благодаря тому, что в поэтике немецкого языка называется Eg-Erzählung – повествование от третьего лица»¹.

Для Рикёра важно выявить то, каким образом каждый отдельный человек может оставить свой неповторимый след в общей истории рода, не потерявшись в общей коллективной обрядово-ритуальной игре, и как это сохранение личности (себя как такового) может способствовать приращению культурных смыслов всего коммуникативного сообщества. Сделать это в рамках чисто природного существования не так-то просто. Необходимо учитывать возможность неправильного (ложного) прочтения – mis-interpretation. Так возникает неизбежность герменевтики (ἑρμηνεία) – искусства и умения интерпретировать знаковую систему не только *правильно*, но и

¹ Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика... с. 30

верно – *диегезис* vs *пойезис*. Отсюда берет начало формирование нормативно-риторической определенности *литературного сознания* коллектива, общества, индивида: *esse est percipi*¹. Для того, чтобы *со-бытие* произошло, его надо не только *рас-с-казать*, т.е. изложить в определенной последовательности слов (диегезис), но и воспринять/понять рассказанное в определенном контексте и порядке (герменейя). Однако всякую связность повествованию придает еще и особый стиль повествования (*λέξις*, слог, *dictus*, по определению Ж. Женетта). Именно он зачастую и определяет принадлежность высказанного слова миметическому (фикциональному) либо диегетическому (нефикциональному) разделу словесности.

Классическая структура литературного сознания как сознания только творческого, авторского, художественно-поэтического, парадигматически смещает отношения онтологического и феноменологического в слове и открывает весьма смутный путь к феноменологической дескрипции в силу того, что в нем не сформировались (а, может быть, никогда и не сформируются) четко выраженные основания для литературно-художественной аксиологии – оценки литературного текста с эстетических позиций.

Такой подход говорит лишь об одном: классическое литературное сознание в отношении «художественности» как уникальной специфики текста обладает весьма и весьма неразвитой различающей способностью. Если на уровне непосредственной интуиции «широкая» публика непрофессиональных читателей практически без под-

¹ Лат. «существовать (быть) – значит быть воспринимаемым»

сказки отличает тексты «высокохудожественные» от «низкопробного чтива», «серьезную литературу» от «массовой» и др., то попытки перевести такую интуицию на уровень рационально-логической рефлексии пока терпят неудачу даже среди профессионалов-литературоведов:

«Стоит хоть немного вдуматься в этот вопрос — и становится ясно, сколь условны, сколь шатки наши эстетические критерии и сколь сложно наше восприятие эстетических ценностей, и сколь поэтому, в сущности, неудовлетворительны, приблизительны, грубы такие категории, как хотя бы категория художественной литературы. Дело в том, что есть произведения, воздействующие на нас сами по себе, и есть такие, очарование которых в том, что они вводят нас в общение с автором, которых роль — служить посредниками между нами и им, которые нам дороги тем, что благодаря им мы узнали его. Это их качество вовсе не определяет собою степень их эстетической ценности: иные удовлетворяют только одному из этих требований, другие — обоим»¹.

Из современных работ, более или менее успешно осваивающих эту проблему, можно отметить, пожалуй, монографию И.П. Смирнова «Смысл как таковой»², где делается попытка объяснить феномен «художественности» слова исходя из более широкого контекста – культуры как мета-наррации.

Коммуникативную модель литературного сознания предлагает в своей монографии «Разговор по-американски. Дискурс торга в литературной традиции США» (2003) профессор Т.Д. Венедиктова³.

¹ Бицилли П.М. Гоголь и Чехов: проблема классического искусства

URL: <http://lit.1september.ru/articlef.php?ID=200200707>.

² Смирнов И.П. Смысл как таковой. - СПб: Наука, 2001. – 352 с.

³ Венедиктова Т.Д. «Разговор по-американски». Дискурс торга в литературной традиции США. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 328 с.

«Полагая основой национального бытия повышенной плотности сеть коммуникативных связей (прежде всего, но не только речевых), этнология XX в. неоднократно предпринимала попытки описать их, объективировать и измерить. При этом количественные параметры выступали на первый план за счет внимания к качественным характеристикам, и результат оказывался малоудовлетворительным [...]. В то же время речевые жанры чужой культуры (а, значит, и воплощенные в них социально-коммуникативные нормы) часто непонятны, а потому опять-таки незаметны, невидимы [...].

Налицо и сложность другого рода: репертуар речевых жанров в любой национальной культуре разнообразен и успешно сопротивляется сведению к общему знаменателю [...]. Даже ... последовательно удерживания в фокусе внимания культурную гетерогенность, мы все же мыслим бытие нации как проникнутое взаимосвязями целое, соответственно, и мир национального общения – как тяготеющий к некоторой условной доминанте»¹.

В своем исследовании американской модели литературного сознания Т. Д. Венедиктова такой доминантой делает романский дискурс, т.е. репрезентацию концепта «разговора» в художественно оформленном слове, указывая, тем не менее, и на наличие в коммуникационном процессе суб-литературных жанров культурной коммуникации – автобиографий, мемуаров, дневников.

На сегодняшний день очевидно, что в рамках классического понятия литературного сознания только как сознания художественного, невозможно уйти от вопросов о специфике восприятия произведений, способах интерпретации и оценки прочитанного, с одной стороны, и от проблем альтернативных опытов письма – нефикциональных текстов – с другой. Необходимо интегрировать нефикциональные тексты в область понятия «литературного сознания» и выделить те аспекты, в которых их фактичность и риторичность не отменяет и не подавляет

¹ Там же, с.с. 17 – 18.

других качеств – художественности (поэтичности, фигуративности). Дневниковый текст как раз и может быть такой сферой общения художественного и нехудожественного дискурсов в пределах одного речевого акта (жанра).

Литературное сознание, подчиняющееся общим законам культурного мышления, весьма консервативно в отношении легитимации тех или иных форм нехудожественного дискурса. Самое распространенное суждение, как рядового реципиента, так и читателя-профессионала – «это - не литература» – основано на интуитивном убеждении в том, что «истинный» литературный текст обладает какими-то такими свойствами и качествами, которые легко позволяют отличать его в потоке словесной продукции. А между тем поиски этих свойств и качеств неизбежно заканчиваются признанием того, что «и это – тоже литература», или, наоборот, «и это – не литература», без указания каких-либо точных отличительных признаков или хотя бы указующих маркеров «истинной художественности».

В истории литературы есть немало примеров того, как признание текста в качестве литературного осуществлялось спустя некоторое время, со сменой читательских пристрастий и рецептивных стереотипов¹. В случае же дневниковой записи личного (интимно-персонального) характера можно увидеть простую закономерность – дневник не входит в литературное сознание *своей* эпохи, т.е. он как бы отсутствует во времени своего создания. Для его актуализации и легитимации требуется время и усилия со стороны коммуникативного сообщества, в

¹ Например, литературные опыты американских романтиков – «Альгамбра» В. Ирвинга, «Уолден, или жизнь в лесу» Д.Г. Торо. Роман Г. Мелвилла «Моби Дик» не сразу получил статус художественного произведения; литература эпохи постмодерна также часто смущает литературное сознание своими формально-содержательными характеристиками.

эпоху же своего создания он имеет скрытый от широкой читательской публики «архивный» (*М. Фуко*), суб-литературный характер. Его «открытие» происходит на определенной временной дистанции, иногда довольно значительной, и при иных культурно-исторических обстоятельствах, нежели те, которые существовали на момент его создания. В отношении личного дневника можно отметить индифферентность критиков и литературоведов, до середины XX века не желавших рассматривать дневник как полноценный литературный жанр.

«Одно из благотворных последствий эволюции, происшедшей в литературе и в литературном сознании за последние полвека, состоит в том, что она привлекла наше внимание как раз к необычности, искусственности и проблематичности повествовательного акта. ... Как известно, современная литература в различных, подчас противоречивых формах переживала и иллюстрировала это плодотворное изумление, что она осознанно сделала своей сутью вопрошание, расшатывание, оспаривание повествовательного высказывания. Этот кажущийся наивным вопрос – почему бывает повествование? – мог бы как минимум побудить нас к поискам или же просто к признанию своего рода негативных границ повествовательности, к рассмотрению основных противопоставлений, посредством которых повествование определяется и конституируется по отношению к различным формам не-повествования»¹.

В конце XX века нео-феноменологией текста на ее пути к всеобъемлющей теории современной литературы был сделан поворот к проблемам суб-жанровых текстуальных феноменов, выработана новая система подходов к тому, что пока еще «просто» именуется «литературой/словесностью/поэзией». Соотношение этих понятий и близких к ним «беллетристика», «история литературы», «литературный процесс» до середины XX века

¹ Женетт Ж. Границы повествовательности // Жерар Женетт. Фигуры. В 2-х тт. Т. 1. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. *Перевод С. Зенкина*. Цит. по: URL: <http://katrina-z.fromru.com/lib/genette.html>.

казалось вполне удовлетворительным, и литературная теория практически не обращалась к «суб-литературной» жанрологии, сосредоточившись на исследованиях таких событийно-повествовательных форм, которые не требовании понятий «рефигурации» идентичности повествовательного «я» и не ставили вопроса о собственной «нарративной конгруэнтности»¹. Понадобилось появление таких текстуальных феноменов как «Дневник Анны Франк»² или дневник Тани Савичевой³, которые привлекли бы читательское внимание иным формам вербальной экзистенции и способам текстуализации событий.

К событийным феноменам «культурно-шокового» литературного сознания примыкает, например, «Дневник Кэрри Берри, август 1864 – январь 1865», *Carrie Berry Diary. August 1, 1864 - January 4, 1865*», 10-летней жительницы Атланты, которая вела свои записи с августа 1864 по январь 1865. По-видимому, это один из первых опытов дневниковой записи войны глазами ребенка. Записи сделаны со множеством трогательных ошибок в правописании («ben» вместо «been», «irly» вместо «early», «wirк» вместо «work» и др.) и не менее трогательного старания записать все точно, хотя вряд ли можно ожидать от ребенка каких-то серьезных намерений в плане диегетической «фиксации» или «свидетельства».

Кэрри ведет свой дневничок во время одного из самых жестоких эпизодов войны – бомбардировки Атланты силами армии федералов (см. соответствующие главы романа М. Митчелл «Унесенные ветром»), последующего штурма города и его разрушения войсками генерала Шермана.

¹ Поляков М.Я. Вопросы поэтики и художественной семантики: Монография. – М.: изд-во «Советский писатель», 1978. – 446 с.; Теория литературы. Том IV. Литературный процесс. – М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. – 624 с.

² Анна Франк. Дневник Анны Франк URL: <http://lib.aldebaran.ru>. В некоторых библиотеках США книга изъята из обращения как порнографический текст.

³ Дневник Тани Савичевой URL: <http://www.gustaff.ru/post29459697/>. См. также URL: <http://www.pravmir.ru/devochki-vedut-dnevnik-2/>.

Дом, в котором живет Кэрри, находится в зоне артиллерийского обстрела, поэтому большую часть времени семья проводит в погребе. Основное чувство, которое постоянно испытывает Кэрри – страх, ожидание внезапной боли и страдания от разрыва снарядов (shells). Причем она не понимает ни причин, ни смысла этих событий. С детской непосредственностью она описывает ежедневные события, иногда даже не замечая их смертельного характера:

«Генерал Джонсон перешел реку 19 июля 1864, и с тех пор у нас не было более или менее спокойных дней. Мы явственно слышали звуки выстрелов из пушек и мушкетов, но больше всего нас пугали снаряды. Один разорвался прямо под столовой, и это очень нас испугало. Другой пробил коптильню, а осколок ударил в крышу дома и упал вниз, но мы были у тети Маркхэм, так что из нас никто не был ранен. Мы сидели в тесном подвале, когда они взрывались».

Страх, который испытывает Кэрри, мифологизирует происходящее в ее сознании. Не зная законов войны и правил артиллерии, девочка представляет себе снаряд как ужасное живое существо («she»), которое летает само по себе, принося людям смерть и разрушение, заставляя их прерывать мирные занятия и спасаться в погребе:

1 августа, понедельник. В это утро шел дождь, и мы думали, что обстрелов не будет; так что я нянчила сестренку, пока мама убиралась в доме, но к ночи нам снова пришлось бежать в погреб.

2 августа, вторник. Сегодня пушки не так уж сильно обстреливали, но мушкеты стреляли весь день. Я была не очень сильно занята, нянчила сестренку. Она не очень хорошо себя чувствовала.

4 августа, четверг. Весь день летали снаряды, и нам пришлось просидеть в погребе. Утром мама дала мне носки для вязания, и я постараюсь закончить их до начала школьных занятий.

5 августа, пятница. Я вязала все утро. Вечером нам пришлось перебраться к тете и сидеть в погребе. Мы не чувствуем себя спокойно в нашем погребе, потому, что эти снаряды такие большие и очень быстро летают ...

7 августа, воскресенье. День был тихий и очень похож на прежние воскресенья. Мы с папой пошли в Церковь Троицы. Мистер Хейгуд произнес проповедь. Я в первый раз была в церкви за целый месяц ...

12 августа, пятница. Мэри вернулась домой вчера, и у нас было не много работы, поэтому я продолжала вязать носки. Мы получили подарок от нашего друга миссис Грин – целый мешок прелестных груш. Они нам очень понравились. Мы не ели свежих фруктов с тех пор, как сюда вошла армия ...

15 августа, понедельник. Утром, когда мы проснулись, обстрелов не было, и мы думали, что так будет весь день, но нет. (Боже, когда же это кончится). Вскоре после завтрака, когда я и Зоуи стояли на балконе между домом и столовой, он прилетел и проделал большую дыру в саду и разбрызгал грязь по всему двору. Я так ни разу не боялась за всю свою жизнь. Зоуи была белая как мертвец, я, наверное, тоже. Мы мгновенно слетели в подвал. Мы были наверху до ночи, хотя они летали весь день, но больше уже не падали так близко от нас ...

18 августа, четверг. Когда я проснулась утром, мне показалась, что весь город взорвался. Пушки стреляли так близко и так громко, но мы скоро узнали, что это были наши орудия, так что мы весь день были очень довольны. В этот день снарядов было меньше, чем за всю неделю ... *(В это время Скарлет О'Хара бежит из охваченной огнем Атланты на чужой лошади, надеясь спастись в своем поместье Тара – М. Митчелл, «Унесенные ветром» - А.Л.)*

23 августа, вторник *(после переезда в погреб чужого дома, на другой улице – А.Л.)* Нам здесь очень удобно, только мама все время до смерти боится пожара. В городе пожары почти каждый день. Я так устала от постоянного сидения дома. Обстрелы все хуже и хуже каждый день. Хоть бы их что-нибудь остановило ...

25 августа, четверг. Мама разбудила меня пораньше и сказала, что снаряды не летают, и что я должна сбежать и посмотреть, что случилось с тетей Хили, о которой мы давно ничего не слышали. Я оставалась дома до полудня. У нас был такой чудный обед, так много вкусного винограда, но лучше всего было то, что весь день не летали снаряды».

Постоянные обстрелы, становящиеся привычным страхом – это разновидность мучения для детского сознания, мучения тем более острого, что не известна их причина и не ясно, кончатся ли они когда-нибудь.

Рискуя обратить метафору в оксюморон, поведение маленькой девочки может быть названо *«мужес-твом»*, поскольку она продолжает делать свои нехитрые домашние обязанности, нянчит маленькую сестренку, помогает матери во всех домашних делах (стирает, гладит, чинит одежду) и выполняет свое главное задание на лето, – вяжет носки для школьного костюма, – шьет платья куклам. Все это происходит в обстановке постоянного ужаса, ожидания внезапного удара издалека по ни в чем не повинному ребенку и его семье. Десятый день своего рождения юная леди встречает в обстановке печали:

«3 августа, среда. Сегодня мой день рождения. Мне исполнилось 10 лет. Но торта у меня не было из-за тяжелых времен, так что я праздновала тем, что гладила Беллье. Надеюсь, что в следующий мой день рождения на нашей земле будет мир, и у меня будет прекрасный именинный обед» ...

Больше всего Кэрри расстраивается из-за того, что нет возможности ходить в церковь и посещать занятия в воскресной школе:

«28 августа, воскресенье. Этим утром все казалось таким спокойным. Мне бы хотелось, чтобы все люди вернулись домой, и чтобы у нас была церковь и воскресная школа ...

30 августа, вторник. Мисс Фани Хоум приходила этим утром, чтобы узнать о ее школе. Я была рада снова видеть мою прежнюю учительницу. Я надеюсь, что она возобновит занятия в нашей школе. Я так устала сидеть дома ...»

И вот неизбежное случилось – янки взяли город. Описывая это событие, юная дайаристка демонстрирует в своем дневнике не что иное, как деструкцию южной традиции – никакой ненависти к янки, простое детское любопытство:

«2 сентября, пятница. Утром мы встали, так и не проспав всю ночь. Конфедераты собрали 4 паровоза и длинный состав с вагонами, полными амуниции, а вчера ночью подожгли все это, так что произошел страшный взрыв, от которого мы все проснулись. Это напомнило нам об обстрелах, обо всех тех тревожных днях, которые разом произошли сегодня. Люди хотели забрать с собой все, что возможно, перед тем как утром войдут федералы. Все бегали с мешками мяса, соли и табака. Они вели себя глупо, взламывая лавки и грабя их. Около 12 часов несколько федералов вошли в город. Они все были испуганы. Мы тоже боялись, что они собираются с нами плохо обращаться. Вскоре подошла пехота. Они были дисциплинированными и вели себя очень хорошо. *Я думаю, что смогу полюбить этих янки (курсив мой – А.Л.)»*

Однако на пути этой позитивной деструкции встает то же препятствие – война – и оно отнюдь не способствует разрушению стереотипов. Мучения семьи Берри продолжаются теперь уже в условиях оккупации *американского города американскими же войсками (!)*.

«Четверг 8 сентября. Мы все радостно работали по дому, я и Тило гладили Беллье, мама убирала все по местам, когда пришел папа и сказал нам, что генерал Шерман приказал всем покинуть город. Это разрушило все наши хлопоты ...

Суббота 10 сентября. Все, кого я встретила, печальны. Все жители считают, что это самая большая жестокость – выслать нас из наших домов, но я думаю, что переезд – это весело. Мама выглядит очень озабоченной, ничего не может делать. Папа говорит, что он не знает места на земле, куда нам можно было бы уйти ...

Воскресенье 2 октября. Был прекрасный день. Я ходила к миссис Лестерс. Элла и я ходили смотреть, как солдаты разрушают красивые дома. Жалко смотреть, как разрушают эти красивые дома (fine houses) ...

Воскресенье 23 октября. После восхода солнца был чудесный день. Мама и папа гуляли вечером, и они сказали, что никогда не видели таких разрушений, как в Атланте. Половина домов разрушена полностью».

Оккупация города приносит новые страхи в сознание девочки – что будет с ней, если при эвакуации она потеряет своих родных и друзей:

«**Пятница, 28 октября.** Я даже не знаю, что буду делать там, куда надо убежать, если останусь совсем одна (I don't know what I will do for some place to run to when I get lonesome)»

Однако все устраивается благоприятным образом – отец Кэрри получил работу в федеральной администрации, и его семье было разрешено остаться. Однако все родные и знакомые вынуждены покинуть Атланту, и это очень огорчает Кэрри. Слухи о новом наступлении южан еще больше накаляют обстановку в Атланте:

«**Понедельник 7 ноября.** Все в полной растерянности. Черные женщины бегают вокруг, пытаюсь пробраться на север, опасаясь, что *повстанцы (Rebellions)* (выделено мною – А.Л.) вернутся и заберут их».

Интересно, что теперь Кэрри уже не называет своих «Конфедератами» или «бравыми Южными солдатами». Ее лексикон обогатился заимствованным от янки словом «мятежники» (Rebellions). Да и самих янки она

теперь именуется «федералами» (federals) или просто «солдатами» (soldiers). Однако вызванная страхом враждебность в отношении к ним не исчезает. Поведение янки в захваченном городе никак не ведет к спокойствию, продолжают грабежи и бесчинства.

«Четверг, 8 ноября. Сегодня день рождения Зоуи, и она была великолепна. Ранним утром у нас отняли последнего поросенка. Солдаты забрали его из загончика. Я и Бадди бросились искать его везде, но нам все говорили, что видели двух солдат, которые его тащили его, чтобы заколоть. Теперь нам придется кушать только хлеб ...

Суббота 12 ноября. Мы до смерти испугались прошлой ночью. Сказали, что солдаты подожгли несколько домов в разных частях города. Я не могла заснуть от страха. Боялась, что они подожгут наш дом тоже. Мы готовы были бежать от страха, потому что они сказали, что сожгут все до последнего дома, если мы не уберемся ...

Воскресенье, 13 ноября. Сегодня приходили федералы и жгли дома, а я весь день ждала, что они придут к нам.

Понедельник 14 ноября. Они жгли Атланту сегодня. Мы все в ужасе, поскольку они говорят, что останутся только когда сожгут последний дом. Нам так страшно.

Вторник 15 ноября. Ужасный день. Вокруг нас все горит. Мы всю ночь боялись, поскольку не знали, в какой момент они подожгут и наш дом. После обеда к нам приставили охрану, и мы почувствовали себя немного в безопасности.

Среда 16 ноября. О, что это была за ночь! Они подожгли склады, и ночью казалось, что весь город охвачен огнем. Мы просидели без сна всю ночь. Если бы мы не сторожили, наш дом тоже бы сожгли, потому что огонь был рядом, и солдаты бродили вокруг, поджигая все дома, которые не охранялись. Они вели себя очень плохо. Они ушли около часу ночи, и мы были рады, что они ушли, потому что никто не знает, какие еще страдания они нам принесут, когда вернутся

Суббота 19 ноября. ... Мы начали чувствовать себя как дома, но это не было похоже на Атланту. Граждане все собрались в ратуше и . [фраза оборвана – А.Л.] ... В городе осталось всего восемьдесят человек» ...

После страданий от бомбардировок и грабежей пришло испытание огнем, а затем – голодом и холодом. До начала школьных занятий основное дело детей в сгоревшей Атланте – добывание ягод и орехов, а также собирание гвоздей на пепелищах. Дом семьи Берри не сгорел, но был основательно поврежден и нуждался в ремонте. Однако жизнь не прекратилась в этом многострадальном поселении, жители начали возвращаться, и маленькая Кэрри наконец дождалась главного:

«Понедельник, 5 декабря. Я несколько раз просыпалась утром, чтобы быть готовой к школе, и вот, наконец, в половине девятого я направилась к дому мисс Мэт Лестер. Она мне очень нравится, и я думаю, что она очень хорошая учительница».

Много ли нужно для счастья десятилетнему ребенку? Весь месяц шли приготовления к Рождеству, готовились подарки и елочные украшения. Единственное, что омрачало предрождественские радости – опасение, что мистера Берри мобилизуют в армию янки, и он покинет семью, так счастливо избежавшую смертельных утрат. Но Рождество удалось, и даже присутствие янки в городе не испортило праздника. А дальше – привычные для ребенка «дела»: учеба, игры и работа по дому, в которой Кэрри становится главной помощницей мамы, поскольку черные слуги либо ушли с армией Конфедератов, либо взяты на работы для нужд победившей армии Союза. Однако теперь ее главная забота – учеба в школе:

Среда 29 декабря. Сегодня у меня не было рождественских каникул. Сегодня я изучала умножение. Я так сильно старалась, что чуть не заболела.

Четверг 29 декабря. Я выучила таблицу умножения на шесть, но мне кажется, я знаю ее не очень твердо ...

Пятница 30 декабря. Я училась умножать на семь, и вижу, что это сложнее, чем на шесть ...

Суббота 31 декабря. Я научилась умножать на восемь, и выучила эту таблицу очень хорошо ...

Воскресенье 1 января 1865. Сегодня Новый Год. Я проснулась утром и хотела сделать маме новогодний подарок. Но ничего не нашла. Потому что теперь очень трудные времена ...

Понедельник 2 января. Утром мы все пошли в школу к мисс Мэтти. Элла, я и Бадди изучаем арифметику, правописание, чтение и географию. Мы хотим понять, что из них научит нас более важному.

Вторник 3 января. У меня был очень трудный урок по географии. Элла пошла домой со мной, и мы вместе его учили, пока не выучили на отлично. Нам нужно много учиться, и у нас нет времени ни на что другое, хотя мы играем достаточно, но оставляем время для книг.

Среда 4 января. Мисс Мэтти проверила нас по таблице умножения и сказала, что мы ее выучили очень хорошо. У меня все предметы на отлично»¹.

Возрастную «пару» к дневнику Кэрри может составить «юниорский» дневник 16-летней Эллис Уильямсон (*Alice Williamson*), жительницы Галлатина, штат Теннесси. В 1862 г., до того, как занятия были прерваны из-за войны, девушка была ученицей старших классов в Женском Институте Хоуарда. Она закончила его в 1867 г., после возобновления занятий в Институте в мае 1866 г. Эллис Уильямсон умерла в 1869 г., в возрасте 21 года, оставив 36-страничный дневник, повествующий о жизни ее семьи в Галлатине после его окружения войсками северян генерала Элиезера А. Пэйна. В дневнике в основном описываются школьные события и ежедневные личные встречи, есть также немногочисленные наблюдения за передвижениями войск, пересказы сводок с ближних и дальних фронтов. Как и дневничок Кэрри Бери, записи Эллис – форма «простой» фиксации и дескрипции

¹URL: http://www.americancivilwar.com/women/carrie_berry.html.

происходящего, скорее напоминающая современный ежедневник. В нем очень мало рассказывается об ее собственных переживаниях, и в этом отношении он значительно уступает по своей эмоциональной напряженности дневнику Кэрри.

Дальнейшая судьба дневника Кэрри Берри не известна, как неизвестна и судьба его создательницы. Скорее всего, он перешел в «школьный дневник» – фиксацию учебных событий, – а, возможно, так и не был продолжен, или возобновился позже, когда девочка выросла, стала невестой, а потом вышла замуж и сменила фамилию. Эта часть дневника так и не вышла из культурного архива эпохи, и лишь случайная находка ученых-историков позволила узнать, как видела себя во времени 10-летняя девочка, пережившая бомбардировку и штурм Атланты войсками северян.

Фактически, в дневнике Кэрри Берри демонстрируется «пред-литературный» уровень развития культурного сознания. Странно уже то, что девочка, которая еще не ходит в школу, умеет писать, и делает это достаточно уверенно. Можно было бы предположить, что Кэрри активно читает и потому имеет возможность письменно выражать опыт своих внутренних переживаний в организованном слове. Однако в дневнике не упоминается никаких книг или текстов, кроме Библии и ежедневных газет, которые читают взрослые и в которые лишь изредка заглядывает Кэрри. Возможно, именно потому, что опыт чтения Других у девочки не сформировался, она и продемонстрировала первичную форму «дискурса персональности» – «простую» фиксацию событий с минимальной степенью рефигурации нарратора и слабой событийной конгруэнтностью. По сути дела, дневник Кэрри – это один из первых нарративных опытов детского восприятия войны, сопоставимый по своей эмоционально-рецептивной нагруженности с более поздними текстами Анны Франк и Тани Савичевой.

Тем не менее, в этом дневничке исследователю показываются почти все возможности «взрослого» дневникового «логоса» и «лексиса» как жанрообразующих компонентов. Кроме того, факт наличия этого дневника говорит о том, что в литературном сознании американцев эпохи Гражданской войны повседневная дневниковая запись существовала как часть письменной традиции, как форма семейно-личного архива бытийного опыта. При этом очевидно, что такая форма фиксации опыта личности не возникла на пустом месте, ей предшествовала довольно развитая история становления жанра.

Простой факт существования дневника Кэрри Бери показывает, что для построения интегративной феноменологической модели отношений личного дневника с другими формами литературного сознания, необходимо обратиться не только к теории, но к историческому опыту (диахронике) этих отношений и проследовать за теми изменениями, которые наблюдаются в пределах относительно определенной культурной традиции.

Так, через полтора столетия, в параллель к дневнику маленькой американки – свидетельницы войны Севера и Юга – в Интернете неожиданно возник текст нашей современницы, также вовлеченной в коллизию гражданской войны:

Жительница Славянска обращается к руководству АТО. Этот текст был опубликован одной из местных жительниц Славянска. Приводим его полностью, без редактирования.

June 3, 2014

«Это очень сложно все описать. Никакие буквы на мониторе не смогут убедить тех, кто не хочет верить в правдивость моих слов. Я попытаюсь, при помощи некоторых событий, и логики этих событий пояснить.

АТО в Славянске проходит уже много дней. Сколько точно я не помню, потому что я не могу толком вспомнить, какой сегодня день, число и месяц, в магазине, покупая молоко.

Дни тянутся бесконечно. Итак, про АТО.

Как вы знаете, хотя раньше никто не верил, Славянск захвачен террористами, в Славянске их база. А город окружен украинскими войсками. Окружение – это конечно очень громко, потому, что в Славянск ХЗ какими тропами прибывают новые боевики и оружие, отсюда они же убывают захватывать другие города.

За все время окружения я помню не больше трех раз активных фаз. То есть когда украинская армия действительно ведет инициативный бой с террористами. Но когда это инициатива армии, мы все знаем точно- не работает мобильная связь. Власть, имея рычаги, ее отключает. Если связь работает, а стрельба и взрывы слышны, это значит, что боевики обстреливают блок посты украинской армии. Тогда невыносимо больно и страшно, потому что я знаю, что стрелять в ответ наши не могут, потому что эти твари каждый раз ведут стрельбу из жилых домов. Были моменты, конечно, когда отвечали. Ну там история с «бронепоездом» или когда диверсанты приближались для ближнего боя.

Все это время мирные жители никуда не ехали, сидели по своим домам, потому что знаю, уверены, что «солдат ребенка не обидит». То есть, хоть и есть часть населения, которая за ДНР, но даже эта часть доверяла «хохлам».

Дни идут. Референдум прошел, ДНР все больше себя дискредитирует. Машины отжимают, из квартир выселяют (устраивают там минометные гнезда), дефицит всего, свободы передвижения нет. Короче в Славянске полная жопа и поддержки среди населения ноль. Людей, желающих воевать с украинской «хунтой» нет вообще. Ну, может есть какие-то контуженные на всю голову, я лично их не знаю. Стрелкову нужно что-то срочно с этим делать . и они придумали. Возможно такая тактика уже где-то использовалась, может Попробовали и у нас. У них была отжата у наших «срочников» НОНА, из нее они хуярили по Карачуну и Комбикормовому (блокпосты).

После обеда я услышала несколько взрывов, где-то рядом, шум и крики. Взрывов было четыре или пять. Совсем рядом. Телефон работал, значит не АТО. Тогда что? Оказалось, что стреляли в дом, где живет мой дядя. На следующий день крупица за крупицей я начала собирать информацию оказалось, что боевики пришли во двор около детского сада и начали вести огонь из миномета в сторону «Монголии» ушли, а через время со стороны Вокзала, Володарского произошел ответный выстрел в жилой дом. Такая же история была с Пед. университетом. Все это было со стороны Мрии (там ЗАГС) Люди из этого дома говорили, что Нона стояла у них прям под окнами. Все это видели, но снимать боялись, потому что за съемку у нас могут убить. В СМИ это все выдали, как обстрел мкр. Артема с Карачуна. До карачуна 8 км, а вот дом 21 по Батюка, в который попали расположен так, что не находится на линии «огня» с Карачуном. 8км, вдумайтесь! При этом разрушения для артиллерии или как там ввали градом не такие. Мой знакомый живет рядом, служил, он сразу сказал, что про обстрел с Карачуна не может быть и речи. Но даже не это главное, главное то, что всю эту инсценировку видели куча свидетелей. И никакие «проплаченные сплетницы» не смогли убедить людей, как ни старались.

По идее Стрелкова-Гиркина народ должен был возмутиться и бежать на передовую, а бабье с плакатами прогонять военных с Карачуна.

Нихрена. Люди побежали из города. Массово. Это показатель того, что ДНР никто не верит. Армия стоит давно, в дома никогда не стреляли и вдруг, после призыва о «мобилизации в ДНР» начала вдруг палить? Господа, которые повторяют за каналами России24, включите логику. Я не скажу, что все такие разумные, может какие идиоты и поверили, что мина пролетит 8 км., но не все.

Итак, люди начали сваливать, не помогло. Через день такая же история с 13 школой и рынком. Школа эта еще дальше от Карачуна. Люди побежали из города еще быстрее. Нону, которая кругом ездит и стреляет не видел уже только ленивый. Причем, она была выведена из строя какими-то партизанами. При помощи самодельного взрывателя. Террористы поставили ее на грузовик и возили под тентом. Привозили, расчехляли, стреляли и быстренько сваливали. Появлялись рашаТВ и снимали все это. Причем с собою привозили коммунистку. Которая орала про геноцид русских в Славянске. За несколько дней они обстреляли все районы. Причем метили в уч заведения и больницы. Ну, чтобы показать все ужасы карателей.

Ой бя. Напрашивается вопрос, почему каратели не карают мирное население там, где они стоят? Например в Изюме- 40 км от Славянска. Там другие люди? Не хотят в «ДНР»? Не восстали? А знаете почему? Потому что никому нах не нужно это ДНР и люди живут себе в Украине, пока туда не приходят российские диверсанты, с их минометами.

Вот сейчас они снова стреляют по Комбикормовому.

P.S. Если меня прочитает кто-то из руководства АТО! Я вас прошу начните уже активную фазу, а то уже сил нет терпеть эту срань на нашей земле. И не смотрите на ебнутых, которые кричат для роликов. Это безмозглые продажные старухи и их дочки, которые думают. Что они нужны Путину. Странно, они в молодости не были никому нужны. Зачем они кому-то в старости?

Имя я свое не называю, я боюсь, боюсь, что меня придут и “расстреляют по законам военного времени, как они это делают тут со всеми подряд. И фотку с паспортом не добавлю. Банально. Но вот фото, которое сделано лично мною. Ее нет нигде, можете гуглить.

P.P.S: Если АТО начнется под танки уже никто не ляжет это точно»

Эта запись также доступна на: Украинский¹.

В феноменологическом подходе к дневниковому повествованию выясняется, что в ситуации радикальной культурной коллизии (напр. Гражданской войны) в литературном сознании нации выявляется один и тот же текстуальный феномен – одинокий «голос» Человека², ставшего, помимо своей воли, актантом этой коллизии,

¹ URL: <http://inforesist.org/zhitelnica-slavyanska-obrashhaetsya-k-rukovodstvu-ato/>.

² Жак ДЕРРИДА. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля. Presses Universitaires de France, Paris 1967. Издательство «АЛЕТЕЙЯ», Санкт-Петербург, 1999

объектом (жертвой) воздействия коллективных насильственных акций, и использующего для текстуализации личного интимного опыта бытия нарративные структуры (диегетические жесты «дискурса персональности»). Последние, хотя и зависят от пола, возраста, этнической и культурно-коммуникативной идентичности автора/дайариста(ки), но реализуются в любом историческом и социокультурном контексте как общие всем эпохам структуры дневникового логоса и лексиса, традиционно присутствующие в общем для него/нее литературном сознании.

2.2.. Риторика и поэтика дневникового жанра

В литературном сознании Соединенных Штатов Америки форма личной дневниковой записи появляется еще в колониальную эпоху XVII в. Переселенцы из Старого Света, наряду с необходимыми материальными элементами «материнской» западноевропейской культуры (оружие, инструменты, семена растений, домашних животных, предметы быта и обихода), привозили с собой на новые земли также и «продукты» духовно-интеллектуального характера: книги, рукописи, личные и семейные архивы, церковные и общинные хроники. С ними со-

хранялись и перемещались формы культурной традиции и литературного сознания: – грамотность, умение описывать события, читать и интерпретировать записанное. На первых порах, в условиях незнакомого, а порой и враждебного природного окружения, тексты ежедневного «дискурса личности», создаваемые грамотными переселенцами, были просто набором фенологических и метеорологических наблюдений, этнографических описаний, картографических и хозяйственно-бытовых записей, повествовательный характер которых маркировался лишь датировками событий, краткими определениями действующих лиц и нравственными оценками.

Например, среди первых личных записей повременного характера в бумагах юриста и богослова Адама Уинтропа (1548 – 1623), родоначальника одной из самых интеллектуально активных семей американских колонистов, был обнаружен и жанр *Diary*¹. Кроме того, среди тех, кто вел дневники в колониальную эпоху, было немало женщин – домохозяйек и «профессионалок» (акушеров, сиделок, церковных ассистенток, секретарей),² – записи которых, подчас весьма занимательные с исторической точки зрения, оставляли, однако, мало пространства для культурно-эстетической интерпретации. В эпоху Войны за независимость и Американской Революции (1774 – 1787 гг.) различные суб-литературные жанры, в том числе и личные повседневные записи, активно использовались представителями разных слоев белого культурного сообщества как в персональном, так и в социально-публичном обиходе. Этот период американской дайаристики является темой отдельного научного исследования³.

² URL: <http://www.pikle.demon.co.uk/diaryjunction.html>}; <http://dohistory.org/diary/index.html>.

³ URL: <http://www.pbs.org/ktca/liberty/>; <http://www.historyplace.com/unitedstates/revolution/> и др.

При всем том, что эти суб-литературные записи имели в качестве исходного образца жанры западноевропейских дневников-путешествий, само-конфессий и авторефлексий, они не просто реплицировали эти свои пре-тексты, но приобретали черты национальной языковой и культурной специфики.

Более того, в американской культурной традиции в XIX в. сложилась даже особенная жанровая разновидность «литературного» личного дневника – так называемый «франклиновский журнал», разновидность морально-этической автоглоссы¹, который оказал довольно существенное влияние на пуританскую часть американцев. По-видимому, основой франклиновского типа ежедневного морального самоотчета мог стать дневник Робинзона Крузо (см. выше). Помимо этого, особую роль в дневниковой традиции США сыграло сатирическое произведение Джеймса Рассела Лоуэлла (*Lowell, James Russell*, 1819–1891) «Записки Биглоу, *The Biglow Papers*», которые автор издавал на протяжении почти всего девятнадцатого века и в которых использовались отдельные элементы дневника как «дискурса персональности».

В данной главе исторический феномен Гражданской войны между Севером и Югом США 1861 - 1865 гг. рассматривается в контексте проблем междискурсивной коммуникации. Основная сложность заключается в том, что явление такого масштаба принципиально не может быть описано и рассказано с какой-то одной, пусть очень авторитетной и прочно аргументированной, точки зрения. То, что происходило на территории США в обозначенный период, не могло и не может иметь однозначной оценки ни в каком публичном или персональном поле

¹ URL: <http://odur.let.rug.nl/~usa/D/1726-1750/franklin/voy.htm>.

словесности (дискурсе) в силу того, что в историческом процессе участвовали различные культурно-коммуникативных группы, обладавшие несходными, порой прямо противоположными дискурсивными картинами мира и формами ее репрезентации.

Главная проблема феноменологического подступа к проблеме личного дневника культурно-шоковой эпохи – это наличие так называемой «официальной», традиционной, или общепризнанной концепции оценок, причин, поводов, истоков и хода Гражданской войны, которая в настоящее время доминирует в большинстве культурных сообществ всего мира, в то же самое время подвергаясь активной ре-интерпретации и радикальной деконструкции с самых разных позиций у себя на родине, в США¹. Как и любое радикальное социально-историческое изменение в жизни нации, Гражданская война в общественном сознании подверглась и до сих пор подвергается различным, порой прямо противоположным, идеологическим, научно-историческим, морально-философским и художественно-эстетическим интерпретациям.

В неофеноменологических исследованиях конца XX века Гражданская война в США рассматривается как специфический культурно-шоковый феномен, который генерировал целый комплекс дискурсивных практик, по-разному выражавших историческую событийную и смысловую конгруэнтность и обладавших (и до сих пор обладающих) определенным рецептивным статусом.

¹ URL: <http://www.civilwar.com/>; <http://www.civil-war.net/>; <http://sunsite.utk.edu/civil-war/> и мн. др.

В данной главе событийный и смысловой аспекты Гражданской войны как самого «болезненного» шока национальной культурной истории США рассматриваются в плане специфики их дискурсивного (словесно-литературного) выражения в различных культурно-коммуникативных практиках с преимущественным вниманием к личной дневниковой записи опыта тех лиц, участие которых в «реальных» действиях военного характера имело минимальный и случайный характер. Интертекстуальные переключки социально-значимых публичных дискурсов с повествовательными текстами тех, кто не участвовал в боях, не руководил тактикой, стратегией и политикой войны, неизбежно откроют современному исследователю какие-то скрытые стороны Гражданской войны как исторического события в фактологическом и в концептуальном плане. В таком аспекте конфигурация традиционной «классической» истории Гражданской войны может принять иной вид, поскольку ее «фактичность» будет перемещена в иной «хронотоп», т.е. в другие временные рамки и в иные социально-культурные и коммуникативные практики, смыслы и контексты.

Этот корпус текстуальности включает в себя религиозные, моральные и идеологические сочинения, политико-пропагандистские и критические статьи в литературных журналах, литературно-художественные произведения и дневниковые записи. Основным содержательно-смысловым бинаром при рассмотрении феномена Гражданской войны в ее дискурсивно-коммуникативном аспекте является «фактография/беллетристика», т.е. оппозиция способов осмысления и выражения комплекса исторических событий в различных вербальных практиках.

Как представляется, такой путь определения места, роли и функции личного дневника в общем дискурсивном поле культурной эпохи поможет в формировании более целостной модели и четкой конфигурации литературного сознания США в переломную культурно-историческую эпоху. Этот же подход позволит выявить и систематизировать специфику интертекстуальных связей и взаимодействий дневниковой записи с другими жанровыми структурами и литературными опытами эпохи.

Гражданская война в США как дискурсивный феномен культуры – это, прежде всего, разрушение сложившейся в предшествующую эпоху системы коммуникации суб-культурных дискурсов. Идеиный раскол нации, острые дискуссии по вопросам эмансипации рабов и сецессии Южных штатов приводят к тому, что исчезает единство дискурсивного выражения национальных проблем; каждая из сторон стремится утвердить только свою правду, используя все имеющиеся в традиции выразительные средства.

Так, почти вся «высокая» литература этой эпохи существует как идеологически ангажированный социальный дискурс – все без исключения писатели, журналисты и литераторы так или иначе были задействованы на какой-то одной идейной стороне гражданской войны, представляя другую как тотально враждебную и недостойную положительной рецепции. К тому же, южная культура в это время, даже в лучших своих проявлениях, оставалась сугубо подражательной или явно провинциальной¹. При этом в литературном сознании Юга обнаруживался явный парадокс:

¹ Литературная история Соединенных Штатов Америки. Т. 2 / Под. ред. Р. Спиллера, У. Торпа и др. М.: изд-во «Прогресс», 1978, с.с. 140 – 141.

«Всеобщее отвращение к сочинительству, испытываемое на Юге, находится в прямом соотношении с хорошим образованием и развитым литературным вкусом»¹.

На самом деле, именно привычка образованного аристократического плантаторского меньшинства к ведению дневниковых записей формировала этот развитый литературный вкус. Между тем, выделяя рецептивный аспект феномена Гражданской войны, американские исследователи отмечают:

«Наиболее примечательными художественными отражениями войны являются роман Стивена Крейна «Алый знак доблести» (*The Red Badge of Courage*, 1896) и Маргарет Митчелл «Унесенные ветром» (*Gone with the Wind*) 1936), а также выдающееся стихотворное произведение Стивена Винсента Бенета «Тело Джона Брауна» (1928). Количество же исторической литературы не поддается подсчету; фактически нет и какого-то одного общего библиографического указателя, кроме, пожалуй, Allan Nevins et al., ed., *Civil War Books: A Critical Bibliography* (2 vol., 1967–69)»².

Это означает только одно – важнейшее событие в культуре нации не нашло достойного выражения в социально-значимых «коллективных» дискурсах, а «опустилось» в суб-литературные формы дискурса, на уровень личного восприятия событийного ряда и персонально организованных способов выражения этого восприятия. «Голоса» же фикционального, публицистического, религиозного и других дискурсов не составили сколько-нибудь отчетливой традиции как единства *logos*'а и *lexis*'а.

¹ Там же, с. 140.

² URL: <http://www.answers.com/topic/american-civil-war>.

Предметом аналитического внимания данной главы являются условия формирования дневникового «лексиса» как сферы, в которой образно-эйдетическая система элементов повествовательного жанра (его логос) взаимодействует с набором нарративных структур, через которые «реальные события» – онтические случайности и ситуации, – а также их «ментальные репрезентации» – идеи, образы, концепты – получили ту или иную степень риторико-поэтической оформленности.

Очевидно, что в личном дневнике как сознательно-волевом речевом акте фактографический и беллетристический лексисы «дискурса личности» не противостоят друг другу, а выстраиваются во взаимодополняющее эйдетико-стилистическое единство микро-истории, в результате чего дневниковый текст предстает как календарно маркированный «рассказ о времени и (все-таки) о себе».

В этом плане важно также проследить, как основная социально-политическая проблема и коллизия эпохи Гражданской войны – рабство/сецессионализм – трансформировались в проблему со-общения суб-культурных дискурсов в ходе радикальной деконструкции культурного сознания и бытия нации. Для этого надо увидеть, как трансформировался «мифопоэтический» эйдос «южного образа жизни» на уровне личного культурного опыта и как этот опыт выражался персонально-риторически – в жанре дневниковых записей.

2.3. Личный дневник эпохи постмодерна: форум, чат, блог и социальная сеть

В последней четверти XX столетия в мире формируется небывалая прежде конфигурация контекста межкультурной коммуникации. Создание Евросоюза, падение империи Советского Союза, финал «холодной войны»

совпали по времени с компьютерной кибер-революцией и созданием глобальных информационно-коммуникационных сетей.

Литературное сознание новой эпохи («постмодерн») получило неведомый прежде вызов со стороны науки и технологии. С появлением «электронного слова»¹ на рубеже XX и XXI веков традиционный дискурсивный порядок логоцентрической культуры начал стремительно смещаться в сферу цифровых технологий и глобальных информационных обменов. Вместе с тем, в среде профессиональных гуманитариев сохраняется и даже культивируется классическая форма дневника, функционирующая либо в качестве «рабочей записи» на будущее, либо как самостоятельная жанровая форма фиксации персонального культурного опыта. При этом в ней происходит интертекстуальное смешение трех основных жанров суб-литературы – собственно личного дневника, мемуара и письма/послания – в пределах одного текстуального жеста².

Таким образом, личный дневник культовой фигуры («enfant terrible») – американского интеллектуального истеблишмента, Камиллы Пальи (Camille Paglia, b. 1947), который она (без особого, впрочем, энтузиазма) продала для публикации в сборнике собственных эссе, изданных лондонской газетой «Гардиан» под заголовком **«ДНЕВНИК: СЕКС, ИСКУССТВО И ПРОДАЖИ»:**

«Среда. В самолете в Лондон на завтрак стюард предлагает мне «пузырьки и писки» (британское блюдо, состоящее из поджаренных остатков того, что не съели накануне). Я онемела, решив, что он делает мне сексуальное предложение. Перед глазами у меня сцены из

¹ Lanham R. The Electronic Word. Democracy, Technology, and the Arts. – Chicago and London, The Univ.of Chicago Press, 1993. – 285 p.

² Paglia C. Vamps and Tramps. New Essays. - N.Y., Vintage Books, 1994. – P.p. 421 – 424.

водевила Цыганка Роза Ли. В Хитроу меня встречает Сара Сач, очень энергичная глава отдела по связям с общественностью издательства «Пингвин», которая и организовала эту мою поездку для рекламы книги «Секс, искусство и американская культура». Пока мы выезжаем в темный, как канава город, я получаю свой первый урок по расистскому британскому слэнгу. Из всех острых словечек, которые Сара добавит к моему вокабуляру за время поездки, мое любимое - “*prat*” (жопа), - и я его вскоре применяю публично по отношению к принцу Уэльскому.

Застрав в пробке недалеко от отеля на Бэзил стрит, мы наблюдаем странное столпотворение перед входом в Хэрродз, где целая свора с камерами окружает невидимую жертву. Это Ричард Гир, он открывает ежегодную распродажу. «Пингвин всегда приводит меня в гущу событий» - замечаю я. Полтора года назад, во время моего визита с презентацией книги «Сексуальные персоны», окно моего гостиничного номера выходило на взбудораженный Кенсингтонский дворец за неделю до того, как книга Мортон «Диана: правдивая история» свалилась на мир.

Несколько часов отдыха, прерываемые звонками пожарной тревоги, и я начинаю неделю интервью, поддерживаемых океанами Pepsi и Evian, горами булочек и изысканных сэндвичей, которые я поглощаю с непристойным аппетитом.

Четверг. У меня неприятное свидание с европейским феном в моем номере: он выглядит как пылесос и отбрасывает меня к стене с ураганной силой. Интервью продолжаются, одно за другим. К концу дня я выкидываю вон воинствующую журналистку за непоследовательность и неточность. Когда мне потом говорят, что эта женщина считается «экспертом» по феминизму, я отвечаю: «Я заглянула в ее мозг, и увидела там полную чушь»¹.

В современной поп-культуре личные дневники разного рода «звезд» и «идолов» стали неременной частью «легкого чтения», вполне успешно замещая в своей гедонистической функции так называемую «серьезную», или «настоящую» литературу.

¹ Там же.

Цифровые технологии радикальным образом изменили и онтологию жанров «дискурса персональности». Изобретение электронной почты (E-mail), затем серверов коротких сообщений (SMS) и сетевых файлообменников типа IRC фактически обесценило жанр традиционной эпистолярки, превратив общение в письмах в легкое, быстрое, ни к чему не обязывающее развлечение. Опция «форум» дала возможность тематизировать и группировать общение посредством коротких посланий.

В виртуальном цифровом топосе Интернета личность получила возможность полной диверсификации и радикальной рефигурации: анонимность сетевых постов, замена личных имен «никами¹», создание «аватаров», т.е. цифровых имиджей, замещающих реальную личность в сетевом общении привели к тому, что на месте реальных собеседников, адресатов и адресантов общения начали появляться абсолютно фиктивные фигуры, псевдо-акторы и квази-актанты речи, сохраняющие внешне все признаки действующих субъектов. В этом киберобщении возник даже собственный, ни с чем не сходный «олбанский» язык, т. наз. эрратив², или «жаргон падонкаф», на котором обычное «человеческое общение» просто невозможно.

В постмодернистском сетевом «дискурсе персональности» появилась также и особая суб-жанровая форма электронных сетевых он-лайнных *дневников* – блогов (blog)³, или ЖЖ («живой» журнал⁴), – которая по

¹ От англ. nickname – кличка, прозвище.

² От англ. error – ошибка, неправильность речи. URL: <http://www.proza.ru/2010/07/18/825>

³ Возможно, словечко «blog» есть фонетическая компрессия английского выражения «to be logged (in/out)» - дословно «быть включенным» в список пользователей компьютерной программы.

⁴ URL: <http://www.livejournal.com/>

своему коммуникативному статусу относится, скорее, к области общественно-политической журналистики, нежели к литературно-художественным повествовательным жанрам или к суб-литературным персональным нарративам¹.

Определение «личный дневник» в его традиционном понимании вряд ли приложимо к этой форме гипертекстового и мультимедийного жанра. Сохраняя внешние формы «дискурса личности», с точки зрения своей функции они выполняют прямо противоположную задачу – не *скрывают* личные интимные переживания в особых формах записи, предназначенных исключительно для персонального само-прочтения, а, наоборот, делают их достоянием пользователей всей мировой паутины WWW.

Пример такого псевдо-дневника можно взять из URL: <http://mysli.h15.ru/>. Он представлен как своего рода литературная записная книжка, или как

«дневник затерявшихся мыслей (поэзия классиков и современников): Раздел посвящён классической поэзии 19-20 в.в. Стихи отобраны по субъективному принципу - "хорошие", "понравившиеся" стихи, а также по объективному принципу - популярная поэзия. На данный момент в разделе представлены следующие авторы: **А. Пушкин, М. Лермонтов, В. Маяковский, С. Есенин, Б. Пастернак, А. Блок, М. Цветаева, А. Ахматова, М. Горький, Ф. Тютчев, А. Кочетков, А. Твардовский, Н.З аблоцкий, В. Хлебников**».

¹ См., например, URL: http://www.creativenonfiction.org/thejournal/articles/issue%2016/16clark_the_line.htm; <http://mysli.h15.ru/>; <http://www.poezia.ru/dnevnik.php>; <http://dnevnik.ngs.ru/> и т.д.

Зачастую такой «дневник» является лишь обрамлением для рекламного сайта, способом привлечь внимание традиционного читателя не к литературе, а к тем товарам и услугам, которые авторы сайта продвигают на рынок, либо к политическим взглядам его создателей (юзеров)¹.

Несколько иное качество дневника обнаруживается на сайте <http://www.exler.ru/novels/anzhela.htm>. Он рекомендован как

«современный сетевой роман «Дневник Анжелики Пантелеймоновны», тещи Алекса Экслера».

Здесь, по крайней мере, соблюдены формальные признаки фикциональной дневниковой записи – датировка, событийная фиксация, личные впечатления, первое лицо авторского нарратива, пересказ диалогов и др. В том же духе создан и «Дневник вольного поэта, барда, писателя и журналиста Андрея Коровина, разрешенный к публикации автором и цензурой» на URL: <http://www.poezia.ru/dnevnik.php>.

Еще более близким к традиционной дневниковой модели ЖЖ является дневник русской девушки, вышедшей замуж за американца и живущей теперь в США²:

«**in November**

1.11 Видела соседку без платочка - лысую как коленка. Ночью не могла уснуть

¹ URL: <http://dnevniks.ngs.ru/>.

² URL: <http://russiandiary.tripod.com/cgi-bin/projekt.html> Орфография, пунктуация и стилистика оригинала сохранены (- *А.Л.*)

- 2.11 Купила бальзам для укрепления волос. Намазалась. Уснула.
- 3.11 Утром снова намазалась бальзамом. Чувствую что на голове что-то происходит.
- 4.11 Дошла до 5 урока Основного курса английского языка Бонка. Чувствую себя дрессированным тигром.
- 5.11 Накормила мужа гомеопатическим средством от невроза. Муж стал белым и пушистым.
- 6.11 Приняла сама гомеопатическое средство от невроза. Теперь тоже белая и пушистая.
- 7.11 Вчера чуть не померла ... Полночи в обмороки падала, приходила в себя с одной мыслью, что в день празднования Великой Октябрьской я помирать не хочу! Вроде обошлось, но мужа напугала до смерти.

В культуре начала XXI века дневник как литературная форма и поэтический прием практически переключался на необозримые просторы Интернета, став сетевым проектом, электронным способом фиксации потаенного и его художественно-*(гипер)*текстового раскрытия. Характерно, что аватары этих кибер-дайаристов по большей части напоминают униженных и оскорбленных бесов/героев Ф.М. Достоевского:

«11-е сентября. Дневничок, дневничок, дневничок... Люблю все склизкое, потайное. Особенно свои записи. Ведь я так одинок. Храню их под матрасом в мешке, часто поглаживаю тетрадку.

Больше всего я ненавижу удачников и людей счастливых. Я бы их всех удавил. Когда я вижу, что человеку везет: купил машину или хорошенькую женщину, написал книгу или сделал научное открытие — первая моя мысль: застрелить. Руки сами собой так и тянутся к автомату.

В своих самых радостных снах я видел себя в ситуациях, когда я могу всех безнаказанно убивать. Прямо так, мимоходом — идешь по улице, не понравилось тебе лицо — и бац из пистолета, как свинью, закурил и пошел дальше как ни в чем не бывало. А милиция тебе только честь отдает.

Приятные сны. Я от них всегда потный от счастья вставал. Дневничок, дневничок, дневничок.

Но в одном каюсь — на самом деле никого еще я не убивал и даже не подготавлился»¹.

Таким образом, Интернет стал новым каналом трансляции персонального опыта в культурное пространство, сохраняя в цифровом формате и игровом дискурсе приметы своего литературного «прародителя», но добавив к нему специфические формы рефигурации нарратора:

URL: <http://leo.aha.ru/dnevnik/2006/06/09.html>:

«Дневник реального лица Леонида Каганова: По случайному поиску или ссылке вы открыли листок дневника за некое число (возможно, многолетней давности). Это личный дневник на домашней страничке одного простого парня из интернета (меня). Я веду его для себя, своих друзей и доброжелателей, и никого сюда не зову: излишняя посещаемость меня настораживает. Самовольно читая мой дневник, вы должны понимать, что мои заметки не обязаны вас развлекать, а мои взгляды не обязаны соответствовать вашим. Спасибо за понимание».

Главное отличие гипертекстового «живого журнала» от классического личного дневника заключается в радикальной смене адресации. В этом аспекте блоги, чаты и форумы эпохи постмодерна как бы выворачивают

¹ {<http://rvb.ru/mamleev/01prose/2stories/2centre/01-2-2-10.htm>} - из интернет проекта «Русский дневник»: Ю. Мамлеев «Дневник молодого человека».

дневник наизнанку – дайарист обращает свое повествование не к самому себе или некоему равноценному «Ты», как это было в записях Марка Аврелия и Августина, а к любому и всякому читателю (в пределе ко всем пользователям глобальной сети). Блоги объединяются в социальные сети¹, которые позволяют превратить интимные записи личного дневника не просто в диалогическое послание (*epistola*, *message*), но в «полифонический» интержанровый дискурс (скрипт, пост), когда реципиенты-пользователи (юзеры) компьютерных программ и аккаунтов могут вторгаться в текст любого кибер-дайариста со своими собственными комментариями и лайками/оценками, создавая в хронотопе Интернета собственные гипертекстовые коммуникативные сообщества/группы.

При этом внутренние, субъективные переживания личности выступают не в формах лирического экфразиса, автоглоссы или саморефлексии, но как основная диегетическая структура повествования – его *логос*. Смена адресации изменила и функцию дневниковой записи – из скрытого суб-литературного жанра «дискурса персональности» она становится коллективным социально-значимым феноменом культуры, не просто конкурируя, но и вытесняя собой традиционные жанры и дискурсы из культурного сознания нации.

Своеобразная ситуация с блогами и соцсетями сложилась в современной России к началу 2010-х гг. На сегодняшний момент против блогеров возбужден целый ряд уголовных и гражданских дел с самими разными обвинениями – в разжигании национальной, конфессиональной и социальной розни, в клевете и оскорблении чести и достоинства, подготовке террористических актов и т.д. Возникший как своего рода суб-культурная забава молодежи, личный Интернет-дневник неожиданно стал предметом острой социально-культурной коллизии. Если

¹ URL: <http://www.social-networking.ru/>

сами блогеры и их сторонники рассматривают чаты, форумы и сетевые посты как место свободного индивидуального самовыражения («Это – мое личное»), подобного надписям на заборах и в общественных туалетах, то представители юридической власти приравнивают их к средствам массовой информации, подлежащим правовому регулированию и социальному администрированию. Как разрешится эта коллизия, пока не ясно, но можно предположить, что ситуация с блогами указывает на существенную культурную тенденцию: после определенного периода тотального одиночества и отчуждения личности, характерного для первой половины XX века, люди снова готовы к социализации и коммуникации, хотя бы на уровне цифровых аватар и сетевых дневников. Начнутся поиски новых форм общения и со-общения между индивидами, поиски полей Общего, в которых могло бы происходить личное самоутверждение индивида или осуществление его контактов с Другими как с ближайшими Своими.

Очевидно, что авторы и разработчики сетевых блогов и чатов всерьез озабочены проблемами меж- и внутрикультурной коммуникации, поскольку весьма активно предлагают пользователям новые способы общения и со-общения. Очевидно, у блога-дневника-журнала и соцсети как формы культурной саморефлексии и межкультурного общения, есть определенное будущее, по крайней мере, среди тех, кто имеет и активно использует доступ в Интернет.

Можно предположить также, что традиционные личные дневники наших современников, (а таковые, как показывает практика, все-таки ведутся в определенных слоях населения), в будущем станут конкурировать именно с блогами и поп-чатами за право считаться действительно культурно значимой формой «дискурса персональности».

ГЛАВА 3. ГЕРМЕНЕВТИКА НЕФИКЦИОНАЛЬНОГО ЖАНРА: ФАКТОГРАФИЯ И БЕЛЛЕТРИСТИКА

Историко-текстологический анализ феномена личной записи, проведенный в предыдущей главе выявил следующее:

Личный дневник как дискурсивный акт, осуществляемый в сфере литературного сознания, обладает специфической жанрово-поэтической природой природой и речевой (поэтической) структурой. Эта специфика состоит в том, что жизненный опыт индивида (эмпирической личности), его/ее интимные внутренние эмоциональные переживания и интеллектуальные рассуждения, будучи формально текстуализованными и опубликованными, становятся *со-бытием* традиции и фактом культуры. Это, в свою очередь, дает исследователям возможность сформировать особый, не конвенциональный взгляд (угол зрения) на уже освоенные и общепринятые явления и пересмотреть «авторитетные» историологические конструкции с иных позиций.

Феноменологический подступ к проблеме личного дневника в западной культурной традиции показывает определенную историческую закономерность – дискурс персональности формируется в таких условиях, когда изменяется роль личности в процессе межкультурной коммуникации. Дневник оказывается необходимым средством преодоления социально-культурной разобщенности, растерянности коммуникативного сообщества перед лицом новых опытов бытия и вызовов со стороны новых культурных явлений. Общество, переживающее

культурный слом или небывалое обострение внутри-культурных коллизий, буквально вынуждает некоторых индивидов обращаться к непубличным интимным формам репрезентации личного духовного опыта.

Переживание внешних по отношению к личности факторов воздействия как бы разворачивает персональный интерес человека во-внутрь собственного духовного универсума и дает возможность личностного самораскрытия без опоры на внешние интеллектуально-нравственные авторитеты и риторико-поэтические конвенции. В условиях взрыва культурных коллизий человек обращается к самому себе в поисках опоры существования, для оправдания и объяснения событийного беспорядка и культурного хаоса. В этом отношении дневник, как и другие суб-литературные жанры (мемуары, письма, автобиографии), есть способ сохранения культурной традиции и одновременно возможность ее аккуратной *деструкции*, перестройки и адаптации к новым условиям культурного общения и со-общения. Будучи особым, персонально-личностным способом переосмысления культурной традиции, дневник выступает одновременно и как специфическая форма ее репрезентации в нефикциональных и непубличных дискурсивных полях действующей культурной парадигмы. При этом дневник, оставаясь скрытой, *непубличной* формой повествовательного высказывания, вступает в различные отношения с общественно-значимыми дискурсами и их жанрами, раскрывая собственные жанрообразующие элементы – *логос* и *лексис* – в интертекстуальном корпусе «дискурса персональности».

Эпохи культурных шоков, переломов национальной традиции активизируют личную текстуальную деятельность и актуализируют в литературном сознании нации жанры «дискурса персональности» как противовесы официозу традиционных публичных форм дискурса и культурной коммуникации.

Проблема заключается в том, что современный историк культуры и литературы неизбежно оказывается в плену той или иной эпистемы/идеологии, которая имплицитно или эксплицитно навязывает систематику восприятия событий через рецептивную систему уже оформленного слова – исторического текста. Можно отметить, что в периоды гражданских войн любой публично-значимый дискурс в той или иной степени теряет свою доминантность и безусловную авторитетность, и на первый план в литературном сознании выходят интеракции как общественно-структурированных форм идеологической пропаганды (газетно-журнальная публицистика, агитационные текстовки, политические прокламации и т.д.), так и неструктурированные устно-письменные формы информационного дискурса – слухи, сплетни, анекдоты, – а также переписка и личные дневники.

В ситуации дискурсивного разброда поиск некоего «правдивого» дискурса/голоса становится не просто необходимостью, но экзистенциально важным аспектом жизни. Причем «поиск» такого голоса затруднен самим фактом разнобоя в изложении и разночтении при восприятии одних и тех же событий.

3.1. Военный опыт гражданских лиц: Confederate Women's Diary

Начало Гражданской войны на Юге США не было отмечено каким-то жанровым «взрывом» «дискурса личности». В немногочисленных дневниках белых южанок, начатых еще в предвоенную эпоху, в отличие

от публично-значимых «коллективных» дискурсов литературы и журналистики, логос военного времени как осмысление процесса разрушения устоявшегося порядка, проявился не сразу. Его черты начинают складываться спустя довольно долгое время после начала «дискурсивной войны» и реальных боевых действий. Онтологический опыт «Южного мифа» не был поколеблен даже первыми актами вооруженного насилия, появлением раненых и известиями о смерти родных и близких.

На первых порах в немногочисленных личных записях 1861 – 1862 гг. этот опыт осмыслялся как естественное продолжение южного образа жизни: южные джентльмены, хранители идей справедливости и свободы, под знаменами Конфедерации побеждают, хотя и с потерями, ненавистного врага, который покушается на честь и достоинство «южного порядка», преисполненный зависти, угрожает всем ценностям истинно американского культурного сообщества. Можно сказать, что на первых порах войны «южный» логос поддерживал, продолжал и даже развивал некоторые элементы «южного мифа», и лишь впоследствии миф и логос пришли к конфронтации в соответствии с изменением онтической ситуации и ее культурной феноменологии.

Сохранилось не так много женских дневников первых лет войны¹. При этом практически во всех записях «южных леди» происшествие у форта Самтер осмыслялось как восстановление поправленной справедливости, им «рисовался» эйдос народа, объединяющегося вокруг находящегося в опасности «славного (brave) Южного дела»,

¹ URL: <http://library.duke.edu/specialcollections/bingham/>; URL: <http://docsouth.unc.edu/impls/homelife.html>.

формулировались концепты достойного ответа на провокации бесчестных янки против «истинных джентльменов-южан». При этом в дневниках эксплицитно репродуцируются основные идеологемы южной журналистской пропаганды, в частности, журнала «Southern Literary Messenger»¹.

«Ведущий американский историк Гражданской войны Шелби Фут однажды сказал:

«Любое понимание нашей нации должно основываться на изучении Гражданской войны. Она определила нас. Революция внесла свою лепту. Наше участие в европейских войнах, начиная с Первой мировой войны, также внесло свою лепту. Но Гражданская война сделала нас, такими, какие мы есть, определила наши хорошие и плохие стороны, и, если вы собираетесь постичь американский характер, вам совершенно необходимо изучить великую катастрофу XIX века. Это был перекресток нашего бытия, и этот перекресток был адским»² (Выделено мною – А.Л.).

Собственно онтически-бытийный контент Гражданской войны, ее *Acta realia*, т.е. настоящие военные действия и сопутствующие им интерпретативные процессы, обретали свой *со-бытийный* характер в разнообразных и разнородных дискурсах, по-разному выражавших личный и коллективный опыт тех, кто стал участником, свидетелем, наблюдателем и истолкователем действительно происходившего. Этот опыт закреплялся в коллективных и персональных вербальных речевых (устных и письменных) актах, между ко-

¹ URL: <http://www.sc.edu/uscpres/2007/3671.html>

² Цит. по: Лазарев А. Шелби Фут - Гомер Американского Юга // Новое Русское Слово. 12 декабря 2005 г. Адский перекрёсток: Гражданская война в США. URL: <http://america-xix.org.ru/civilwar/>.

торами складывались различные виды и формы отношений. Таким образом, целостный культурно-исторический феномен, обозначаемый как «Гражданская война между Севером и Югом», выступает перед исследователем как совокупность его частей/дискурсов, имеющих определенный текстуальный и интертекстуальный характер, через который, в свою очередь, регулируются процессы восприятия, интерпретации и оценки тех или иных аспектов целого.

Документально-дискурсивным сигналом к началу Гражданской войны можно считать «Обращение собрания граждан Штата Южная Каролина к жителям рабовладельческих Штатов Соединенных Штатов Америки (*Address of South Carolina to Slaveholding States,*)», датируемое 25 декабря 1860 года¹. Этот текст обладает всеми признаками *documentum publicum* – четкое обозначение адресата («К жителям рабовладельческих Штатов Соединенных Штатов Америки») и адресанта («Собрание граждан Штата Южная Каролина»), точная датировка, рецептивная интенция, четко сформулированный идеологический логос и фигуративно-поэтический лексис:

[...] Последние тридцать пять лет внутри Конфедерации нарастало недовольство и возмущение. Штат Южная Каролина дважды созывал собрание своих граждан с целью осудить агрессию и неконституционные действия, совершаемые жителями Севера по отношению к жителям Юга. Жители Юга надеялись, что эти безобразия прекратятся. Но их надежды оказались тщетны. И вот,

¹ URL: <http://america-xix.org.ru/library/south-carolina-address/1.html>

вместо того чтобы постоянно терпеть творимый произвол, граждане Южной Каролины вновь собрались и разорвали отношения с этими Штатами, выйдя из Соединенных Штатов ...

[...]Братская любовь Севера и Юга обернулась ненавистью, и мы, Южане, объединившись, должны принять суровую судьбу отдельного существования. Ваш горький опыт, вероломство и жадность ваших Северных конфедератов были нужны, чтобы оценить важность тех принципов свободного Правительства, на которых покоятся свободы мира и приготовиться к великой миссии их защиты и восстановления.

В данном случае официальный жанр коллективного дискурса – публичный документ – выступил как прямой призыв к началу насильственного разъединения Союза штатов, и он же стал провокативным лого-лексическим и риторико-поэтическим источником для других дискурсивных практик эпохи, прежде всего, для литературной журналистики¹, а через нее и через ее читательское восприятие – и для суб-литературных дискурсов, в том числе и для многочисленных личных дневников, созданных белыми южанками.

¹<http://www.philsp.com/data/data293.html>; <http://www.usna.edu/EnglishDept/poeperplex/slmp.htm>; <http://onlinebooks.library.upenn.edu/webbin/serial?id=slm>; <http://www.sc.edu/uscpres/2007/3671.html>.

3.2. Дневниковый лексис: хронотоп и фокализация событий

Если следовать теоретической мысли Жерара Женетта и признать, что любой повествовательный текст, от устной байки до научного трактата, обладает неким исконным структурным «о-смысляющим» компонентом – нарративным логосом (*fictio*), – то непременно следующим шагом в описании природы, структуры и функции нарратива станет признание того факта, что логос не может выразить себя сам, а нуждается в неких внешних по отношению к нему самому формах само-стояния и бытования. В концепции Ж. Женетта такой формой является лексис (*dictio*), что в русских переводах передается термином «слог»¹.

Если логос есть экзистенциально-экзегетическое действие мысли, которая отталкивается от нарушающего момента в текучем постоянстве онтических случайностей бытия и формирует критическую точку «сгущения» смысла – собственно Логос, *λόγος*, т.е. «собирающую» идею-образ-концепт, то лексис есть словесное выражение этой ментальной репрезентации, ее вербальная фиксация. В силу своей ментальной – мета-физической природы – мысль-Логос ищет путей для «реального» само-выражения, для обретения действительной формы, способной вернуть ей онтические основания и снова подключиться к процессу жизненной коммуникации.

¹ Женетт Ж. ГРАНИЦЫ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОСТИ URL: <http://katrina-z.fromru.com/lib/genette.html>.

Такой формой и путем реализации для мысли-логоса может стать только слово – лексис, λέξις. В своем бегстве от Бытия логос устремляется к своему «ближайшему» метафизическому «соседу», обладающему «реальной» семантико-символической формой – Слову, – которое вполне способно вернуть ментально/метафизическое (Логос) обратно в онтический исток, в бытие.

Так слово/речь, будучи знаком реальности, становится Словом/текстом – номинативом, сигнификатом, оповещением, объяснением, сигналом опасности и указанием пути к избавлению от нее через дискурсивную коммуникацию с Другими членами сообщества, прежде всего – со Своими, но не только. Слово, связываясь в нарративные тексты, апеллирует к дискурсам и дискурсивным контекстам – логос и лексис становятся основой для Со-бытия, т.е. фактом культуры, который подлежит новому восприятию (рецепции), творческому осмыслению (наделению контекстуальным и дискурсивным смыслами), и, наконец, пере-означению в акте интерпретации и оценки.

Лексическая специфика дневниковой записи имеет двуслойный характер. На «поверхности» дневникового письма проявляются его явные, жанрово маркирующие элементы – датировка (время, хронос), указание места (топос), онтические ситуативные очертания (исторический контекст). Время повествования становится фактически линейным, отступления носят четко определенный характер, образы-характеры чаще всего изображены в какой-то одной перспективе. В этом отношении дневниковая запись, в отличие от художественного произведения, выглядит «прозрачным» текстуальным феноменом, не требующим для своего понимания особых аналитико-дескриптивных или интерпретирующих процедур.

Однако второй «слой» дневникового текста, в котором выявляются элементы присутствия авторского начала как специфического видения событий и конфигурации ситуаций, оценки происходящего, и, главное, собственной «голосовой» позиции нарратора, его/ее личной лексико-семантической структуры (стиля/слога), дает значительно больше материала для литературоведческих размышлений. Причем в имеющихся дневниках, которые по необходимости или условно признаются как «законченное/завершенное целое», оба слоя лексиса переплетаются самым тесным образом, лишь изредка обособляясь в виде интродукций, отступлений или предисловий.

Стоит напомнить, что в классической тема-рематической модели литературного произведения понятие «логос» чаще всего соотносится с вопросом «что», или «о чем» повествуется в данном тексте; термин же «лексис» реферируется с вопросом «как», или «каким образом (языком, стилем)» репрезентируется содержание воспринимаемого. Между тем очевидно, что понятия «логос и лексис» как структурообразующие (жанрирующие) элементы текста, не тождественны классическим интенциям вопрошания о природе, структуре и функции литературно-художественного феномена.

Базовый элемент дневникового лексиса – это, по-видимому, записанный «голос» его создателя, т.е. того реального физического эмпирического лица, которое совершало акт смыслопорождающего письма (*écriture*), или, по выражению Поля Рикера, того, «кто держит речь, *qui tenir le discours*»¹. В отличие от «автора» художествен-

¹ Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью. М.: - АО КАМИ, издательский центр «Академия», 1995. – с.с. 19 – 37.

ного (фикционально-миметического) дискурса, дайарист(ка) практически не формирует особых повествовательных личных инстанций, т.е. не ре-фигурирует собственную идентичность относительно того, о чем и о ком повествуется. Речь пишущих дневник за редким исключением ведется от первого лица – «Я» или «Мы». События, в которых дайарист(ка) не принимали участия, но которые стали им известны от третьих лиц (или через публичные дискурсы), обычно четко выделяются особыми интермедиями типа «Пронесся слух о ...; Мне рассказал Имярек ...; Как мне стало известно ...» и т.д.

Поэтому, в отличие от «автора» сочиненного текста (*fictionia*), тот, кто ведет дневник «реальных», непредуманных актов бытия, является, скорее, **актором** наррации, т.е. лицом, «участно»-находимым (М. М. Бахтин) во времени и пространстве онтической случайности (ее хронотопе), а, значит, и действующим лицом со-бытия (*persona agens*), даже если это действие было ограничено всего лишь наблюдением за происходящим.

Актеры повествования (нарраторы) как личности не нуждаются ни в какой специфической «фигуративности»; они есть именно те, кто они суть (*ipsum*) по жизни, а не вымыслу (*fictionia*) некоего Другого.

Проблема состоит в том, кто или что направляет тот «голос/письмо», которыми он/она пользуются для повествования, ведь фактически ни один дневник не является персональной *life-story* и не рас-с-казывает пред-историю нарратора, поскольку не считает ее событийно конгруэнтной происходящему или фактически релевантной рассказываемому. Проще говоря, дайрист не «со-чиняет», а, скорее, «из-лагает» события, и это изложение, вопреки мнению Жерара Женетта, больше соответствует термину «диегезис», нежели жанровые разновидности мимесиса, или *facta fictionalis*.

Основная функция логоса, по-видимому, есть превращение бытия в со-бытие путем сгущения знаков и смыслов вокруг определенных онтических случайностей, ситуаций и происшествий. Функция лексиса носит обратный характер – это возвращение ментального к онтическому через Слово, точнее, через его рецепцию, интерпретацию и оценку. В дискурсивном феномене – тексте – она обретает двухуровневый интерактивный вид.

Во-первых, лексис есть создание нарративной конгруэнтности, т.е. формирование текстуальной связности бытийного и событийного рядов путем соположения различных ситуативных моментов: событий «большого времени» (М.М. Бахтин), происходящих вдали от хронотопа нарратора; событий, непосредственно затрагивающих жизненные обстоятельства самого повествующего; и внутренних (интра)событий, т.е. собственных эмоциональных переживаний повествователя. Так нарративная структура организует целый комплекс дискурсивных явлений-со-бытий как:

«внешней ситуации в повествуемом мире (естественные, акциональные и интеракциональные события), или внутренней ситуации того или другого персонажа (ментальные события)¹».

Вторая функция лексиса – это сигнификация и коммуникация между описываемыми событиями и эмоциональным состоянием дайариста(ки) (событийная фокализация). Она реализуется через лексико-семантический порядок рас-с-казывания (в классической терминологии – стиль повествования).

¹ Шмид В. Нарратология ... с. 13.

Как указывалось выше, текстуализация личного бытийного опыта, т.е. актуализация дневника как «дискурса персональности», жанрируется в пределах повествовательного рода словесности через единство и взаимодействие фундаментальных нарративных структур – логоса (λόγος, logos, fictio) и лексиса (λέξις, lexis, diction). Последние реализуются в конкретной текстуальной практике как совокупность риторических тропов и поэтических фигур¹.

В данном исследовании под термином «риторика» понимается комплекс изобразительно-выразительных средств, сложившийся в традиции дневникового повествования к началу XIX века, а «поэтика» определяется как фигуративная речь, посредством которой «простые» фиксации и дескрипции событийного ряда в «голосе» нарратора обретают эмоционально-выразительные обертоны. Риторико-поэтическая организация дневникового жанра отличается от фикционально-миметических нарративов (художественных повествований) целым рядом особенностей. Если в романе, рассказе, повести она раскрывается как искусственно организованное связное чередование повествовательных ходов (нарративная конгруэнтность логоса) и как рефигурация нарратора на уровне лексиса, то в дневнике как жанре «дискурса персональности» нарративный логос выступает как инвариант жизненных онтических ситуаций, поэтому его повествовательная модель сводится к своей самой простой форме – ежедневной записи происшествий и случайностей, имеющих четкую календарную датировку и линейную последовательность. Рефигурация нарратора в дневниковом тексте, как правило, носит минимальный характер (автоглосса, авторефлексия, конфессация), нарратор предстает как актер, т.е. тот, кто, участвуя в событийном

¹ Женетт Ж. Работы по поэтике. Фигуры. Т.2. ... с. 16 – 35.

повествовании в качестве первого лица, не имеет, однако, возможности варьировать/изменять ситуацию или как-то иначе влиять на ее модальность. Поэтому дневниковый лексис в основном формируется как дескрипция (описание) ближайших к нарратору вещей, предметов, случаев и образов – пейзажа, портрета, характера, – а также как фиксация за-данной последовательности случаев и происшествий. Более того, во многих (а иногда и во всех) этих происшествиях и приключениях нарраторы – он/она – выступают также и в роли актантов – пассивных свидетелей, деятельность которых управляется и контролируется внешними факторами и обстоятельствами.

Таким образом, следуя теоретической концепции Жерара Женетта, к области используемых актором наррации риторических фигур дневникового лексиса можно отнести «хронотоп» и «фокализацию событий», а к сфере поэтических тропов – интроспективную рефигурацию нарратора. Как представляется, тот факт, что термин «хронотоп», возникший в теоретико-литературной концепции М.М. Бахтина, а также «фокализация», который возник уже в рамках пост-классической нарратологии, относятся прежде всего к поэтике произведений художественной литературы, т.е. к жанрам фикционально-миметического дискурса словесности¹, не должен смущать мысль современного исследователя, обращенную к жанровой специфике суб-литературных феноменов.

В современной феноменологии текста, расширяющей сферу текстуальных исследований, их использование представляется вполне продуктивным в приложении к жанровым формам «дискурса личности», разумеется, с учетом всех текстуальных особенностей последних. В данном исследовании эти термины покрываются

¹ Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике ...

понятием «нарративного логоса», репрезентирующего пейзажи, портреты, характеры, т.е. то, что окружает повествователя в процессе его нарративной деятельности. «Лексис» же дневника в этом отношении есть переход от структур логоса – образов, эйдосов, концептов – к вербально-семантическому, или риторико-поэтическому уровню организации повествовательного текста.

Взятый в такой исследовательской перспективе, термин «хронотоп» охватывает собой не художественно-вымышленное «времяпространство» (М.М. Бахтин) текста, а как раз те «реалии», которые инициировали рождение логоса и формирование лексиса дневниковой записи. Хронотоп дневника «южных леди» – это те места «страны Дикси» и то время Гражданской войны, в пределах которых возникло «сгущение смысла» и осуществилась его вербализация в форме дневниковой записи. Иными словами, хронотоп в дневнике – это не вымысел (*fictia*), но и не просто пассивно бытующие вещи (*res*); хронотоп, это, скорее, ментальная связь между вещами, явлениями, процессами и обстоятельствами, на которую «навлекается» мысль дайристки и которая позволяет людям, вещам, процессам и действиям вступить в определенные отношения, разместиться в жанровом образно-эйдетическом и лексико-семантическом порядке. Через хронотоп происходит и междискурсивная интеракция, поскольку его формирование есть объединение фактографической фиксации и беллетристической фигуративности, т.е. текстообразующие процессы, общие всем дискурсам и их жанрам национальной словесности в данную историческую эпоху.

В сфере «дискурса персональности» хронотоп функционирует как первичный жанрообразующий элемент. Именно определенное, хотя и не целеполагающее, вербальное упорядочивание времени и пространства бытия дайристки превращает обыденную речь (беседу/разговор, устный рассказ, байку, сплетню, слух и др.) в

текстуальное единство (жанр), который может трансформироваться в пределы других дискурсов и жанров, в том числе, и в художественно-поэтический (фикционально-миметический).

Фокализация событий актором нарратива также выполняет жанрово структурирующую функцию, но уже с обратным «вектором движения» – формируя персональное, часто глубоко интимное эмоциональное переживание происходящего, дайаристка создает неповторимый и невоспроизводимый «угол зрения», перспективу жизненной ситуации, которая впоследствии может стать либо уникальным актом лексиса, либо реплицировать что-то уже существующие «взгляды», либо совместить то и другое в одном жесте акторского письма. Лексис дневника имеет и коммуникативный интертекстуальный аспект. При определенной творческой обработке «разноликий» (Ж. Женетт) дневниковый лексис может составить основу фикционального (беллетристического) дискурса, т.е. выступить как эстетико-художественное «авторское» творчество. Особо выдающимся примером такой транс-дискурсивной функции дневникового лексиса является роман Маргарет Митчелл (1900 - 1949) «Унесенные ветром» (1936), который можно определить как «анти-героический эпос Гражданской войны»¹. В других случаях один и тот же дневник может использоваться в аспектах *documentic*² и *argumentic*² и в историографических и культурологических исследованиях, репрезентирующих различные идеологии и эпистемологии².

¹ URL: <http://www.historyinfilm.com/gwtw/gwtwlink.htm>.

² URL: <http://library.uvm.edu/nucleus/LibNews.php?itemid=227>}; <http://library.louisville.edu/research/womens/>; <http://www.coloradocollege.edu/library/SpecialCollections/Manuscripts.html>, etc.

Риторика дневника, таким образом, через свои структурообразующие компоненты (фигуры) снимает мнимое противоречие (оппозицию) художественного/нехудожественного, фактографического/беллетристического, вымышленного/правдивого, идеального/реального. Можно заметить, что это удастся далеко не во всех нарративных текстах, получивших статус художественного произведения и даже включенных в дискурсивный mainstrim фикционального (поэтического) канона.

Вопрос о «поэтике» жанра дневникового текста на сегодняшний день также не решается однозначно. В классической парадигме – «исторической поэтике» – имело место определенное смещение понятий «поэтических тропов» и «риторических фигур». Под «тропом» чаще всего понимался определенный способ обращения со словом, в результате которого последнее обретало какие-то особые выразительные качества:

«**ТРОП** ... Стилистический перенос названия, употребление слова в переносном (не прямом) его смысле в целях достижения большей художественной выразительности; ср. метафора, метонимия, синекдоха»; «... Использование тропов создает в художественной речи новые сочетания слов, с новым их значением, обогащает речь новыми оттенками смысла, сообщает определяемому явлению то значение, оттенок смысла, который нужен в данном случае говорящему, передает его оценку явления (курсив автора – А.Л.). Т р о п свойственен разговорной речи, но в художественно-литературном творчестве т р о п ы особенно распространены ... Различают следующие виды т р о п о в: простейшие – сравнение, эпитет; сложные – метафора, метонимия, синекдоха, аллегория, ирония, гиперболa, литота, перифраз» (*курсив мой – А.Л.*)¹.

¹ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Издание второе, стереотипное – М.: изд-во «Советская энциклопедия», 1969. – с. 481; Краткий словарь литературоведческих терминов. / Под. Общ. Ред. Л.И. Тимофеева. – М.: гос. Уч.-пед. Изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1952. – с. 135 - 136.

Таким образом, можно сказать, что историческая поэтика, стремясь отделить «простое», обыденное, конвенциональное употребление речи от языка художественного произведения, на самом деле смешивала в одном понятии стилистические приемы авторской обработки речи и «естественный» порядок интенционального эмоционально-фигуративного сочетания слов в организованном тексте-дискурсе¹. На это обстоятельство обратили внимание Жерар Женетт и другие представители неофеноменологической нарратологии².

Исходя из этимологии и исторического употребления термина «троп, τρῶπος» – поворот, оборот речи, способ выражения, слог, стиль» – можно предположить, что «троп» есть некоторое естественное движение (оборот) «внутренней» и «внешней» формы слова, вызванное обстоятельствами (контекстом, ситуацией), в которых происходит речевой акт/со-бытие. Такое «возвратно-поступательное» движение лексико-семантического единства действительно создает необычное, непривычное (творческое) словоупотребление – ποιῆμα, – что, в свою очередь, заставляет оборачиваться «прямые» диегетические конструкции, менять их «регистр», «тон» и пафос.

В этом смысле дневниковый текст не чуждается использования различных непривычных «оборотов» слова, особенно в напряженной жизненной ситуации, в момент культурного шока. Самый распространенный пример такого диегетического оборота/тропа – это лирические экфразисы в дневниковом нарративе, когда актор дискурса превращается в автора собственных стихотворений в дневниках Сары Уодли, Белль Эдмондсон, Сары Морган Доусон и других молодых женщин. Когда логос повествования достигает высокой степени сгущения,

¹ Потебня А.А. Теоретическая поэтика. – М.: Высшая школа, 1990. – с.с. 158 – 164.

² Жерар Женетт. Фигуры. В 2-х тт. Т. 1. ... Шмид В. Нарратология. - М.: Языки славянской культуры, 2003. - 312 с. - (Studia philologica).

мысль нарратора «перенапрягается» и «оборачивается» в непривычные формы выражения – стихотворные произведения.

Классический вопрос о том, для чего пишется дневник, заданный в рамках литературного сознания переломной культурно-исторической эпохи, приводит к решению действительной важной герменевтической задачи – к объяснению процесса коммуникации и развития культуры с точки зрения самой культуры и ее внутренних ресурсов (архивов и архетипов, форм сознания, эпистемологий, идеологий, художественно-эстетических систем, риторических норм и т.д.), т.е. к понятию «традиции».

Естественно, что новые смыслы этого понятия нуждаются в контекстуальном осмыслении, т.е. в рассмотрении самого момента преломления привычного хода мысли и слова в какой-то конкретной текстуальной практике. Как представляется в свете уже сказанного, наиболее репрезентативным текстуальным феноменом в таком отношении является именно личный дневник – слово «свидетеля и судии» о «времени и о себе», – причем слово, сказанное именно в переломный момент времени, по ходу культурно-исторического шока.

3.3. Герой-нарратор в дневниках «южных леди»

Хронотоп и фокализацию событий можно отнести к динамическим структурным элементам дневникового лексиса, поскольку их референция подвижна. Она, во-первых, носит «внешний» характер, поскольку в ней фиксируются отношения с другими людьми, их портреты и характеры, особенности пейзажей, описания приключений, встреч и разговоров; референция хронотопа и фокализации также фиксирует смену

темпа и ритма повествования; во-вторых, ее со-бытийная конгруэнтность имеет изменчивый временной масштаб (темпоральность), распространяясь от рассказов о «большом» времени (военных операциях и политических действиях), о том, что произошло недавно или в уже отдаленном прошлом, до записи того, что случилось «только что», или творится «на глазах» нарратора.

Другой слой дневникового лексиса можно представить как статический компонент жанра, удерживающий текстуальность наррации от «расплывчатости» и хаотичности. Этот компонент можно определить как степень «нарративной идентичности», или концентрации повествовательного «я» рассказчика, раскрытия его само-присутствия или само-проявления в тексте дневника. Именно этот компонент можно считать еще одним радикальным *differance* (Ж. Деррида), дистанцирующим документальные и фикциональные тексты от жанров «дискурса персональности».

Проблема структуры и функции повествователя в тексте имеет довольно давнюю историю. В XX веке она почти одновременно была актуализирована в работах Ролана Барта (1915 - 1980) «Критика и истина» (1966) и «Смерть автора» (1968)¹, в трудах М.М. Бахтина и Ю. Кристевой².

«... объяснение произведения всякий раз ищут в создавшем его человеке, как будто в конечном счете сквозь более или менее прозрачную аллегоричность вымысла нам всякий раз «исповедуется» голос одного и того же лица – автора.

¹ URL: http://www.geocities.com/svr_2000svr_us/bart/brt-3.html

² URL: <http://mmbakhtin.narod.ru/>; <http://www.koob.ru/kristeva/>

... Что же касается современного скриптора, то он рождается одновременно с текстом, у него нет никакого бытия до и вне письма, он отнюдь не тот субъект, по отношению к которому его книга была бы предикатом; остается только одно время - время речевого акта, и всякий текст вечно пишется здесь и сейчас. Как следствие (или причина) этого смысл глагола писать должен отныне состоять не в том, чтобы нечто фиксировать, запечатлеть, изображать, «рисовать» (как выражались Классики), а в том, что лингвисты вслед за философами Оксфордской школы именуют перформативом - есть такая редкая глагольная форма, употребляемая исключительно в первом лице настоящего времени, в которой акт высказывания не заключает в себе иного содержания (иного высказывания), кроме самого этого акта.

... Ныне мы знаем, что текст представляет собой не линейную цепочку слов, выражающих единственный, как бы теологический смысл («сообщение» Автора-Бога), но многомерное пространство, где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным; текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников. ... он может лишь вечно подражать тому, что написано прежде и само писалось не впервые; в его власти только смешивать разные виды письма, сталкивать их друг с другом, не опираясь всецело ни на один из них; если бы он захотел выразить себя, ему все равно следовало бы знать, что внутренняя «сущность», которую он намерен «передать», есть не что иное, как уже готовый словарь, где слова объясняются лишь с помощью других слов, и так до бесконечности»¹.

При этом феноменологическая дискурсивная инстанция создателя произведения Р. Бартом «выносилась» за пределы собственно словесности («умирала») и перемещалась в сферу читательской рецепции и межкультурной интертекстуальности², замещаясь концептом «актора наррации», тогда как в работах М.М.

¹ Барт Р. Смерть автора URL: <http://www.geocities.com/Paris/Palais/6854/bart/brt-7.html>.

² URL: <http://www.russianparis.com/literature/authors/barthes.shtml>.

Бахтина она «внедрялась» в структуру текста через понятие «рассказчика/повествователя»¹. Можно сказать, что бартовскую концепцию подхватили и развили нео-феноменологи Констанцкой школы (Р. Яусс, В. Изер), а идеи Бахтина в большей степени оказались в центре внимания постструктуралистских нарратологических штудий конца XX века².

Стоит еще раз напомнить, что почти во всех случаях исследование данного структурного элемента происходило в сфере художественной литературы, или фикционально-миметического дискурса словесности. Ретрансляция концепта нарратора в область суб-литературного «дискурса персональности» – в жанр личного дневника – дает возможность увидеть новые грани как самого феномена дневниковой записи, так и его междискурсивных и интертекстуальных взаимодействий.

Поскольку дневниковая запись есть дискурсивный повествовательный акт (нарратив), то он не может обойтись без определенного комплекса, или цепочки инстанций, этот акт совершающих. В истории нарративной словесности можно выделить определенную последовательность, или системность, этих нарративных инстанций, основанную на степени участия нарратора в лого-лексико-эйдетической конструкции дневникового текста. Иначе говоря, можно проанализировать то, насколько или, лучше, каким образом «клик» (persona) повествующего обозначается (фигурирует) в тексте собственноручной записи.

¹ URL: <http://www.ruthenia.ru/tiutcheviana/search/bakhtin.html>.

² URL: <http://www.folk.ru/propp/rech/veselova.html>; Нарратология: основы, проблемы, перспективы ... ; Тюпа В. Очерк современной нарратологии. URL: <http://www.nsu.ru/education/virtual/es5tjupa.htm>.

«Нулевой» инстанцией повествователя, по-видимому, является безымянный хронист/летописец, полностью «закрытый» в глоссариях и тезаурусах нормативной риторики и никак не обозначающий свою личность в наррации¹.

На противоположном полюсе цепочки находится лирический певец-эгоцентрик (например, античный Архилох), для которого весь логос и лексис нарратива может уместиться в одной строке типа: «Я – гений, Игорь Северянин, своей победой упоен...» и для которого интимная авторефлексия или конфессия (исповедь) практически идентичны жанру рассказа «о времени и себе». В промежутке между этими полюсами размещаются другие инстанции повествовательной идентичности нарратора – анонимный бюрократ-актор инструкции или циркуляра; эпический поэт, апеллирующий к авторитету музыки; «всеведущий автор» (Бальзак); лиро-эпический рассказчик (Байрон, Пушкин); повествователь-документалист (журналист); лирико-драматический актант, оплакивающий судьбу своего поколения («Исповедь сына века» А. де Мюссе).

Особое место в этом ряду «ликов» нарратора занимают дайаристы (ки) – создатель (ницы) ежедневной записи лично-интимного характера, выступающие одновременно и как акторы нарратива, и как его актанты, адресаты и адресанты. В большинстве случаев в дневниках тех же «южных леди» степень рефигурации нарратора едва отличается от нулевой летописно-хронографической автоглоссы. Однако в моменты

¹ Заборов М. А. Современники-хронисты и историки крестовых походов.—с. 137—161. [Византийский временник](#), №51 (1965); Заборов М. А. Введение в историографию крестовых походов. (Латинская хронография XI-XIII вв.). - М.: Наука, 1966. - 381 с.; Клари, Р. де. Завоевание Константинополя. Пер., ст. и комм. М. Заборова. - М.: Наука, 1986. - 174 с. (Памятники исторической мысли.) Добиаш-Рождественская О.А. Крестом и мечом. Приключения Ричарда I Львиное Сердце. - М.: Наука, 1991. - 109 с.

плотного сгущения логоса, когда внешняя социально-культурная коллизия непосредственно вторгается в личный интимный хронотоп дайаристики, в ее тексте существенно изменяется степень самопроявления и происходит заметная трансформация повествовательного лексиса – возникает то, что можно было бы назвать «*интроспекцией нарратора*» (См. раздел «Источники»).

Гражданская война – один из самых драматичных моментов в процессе развития национальной внутрикультурной коммуникации. Сообщение субкультур в ходе гражданской войны фактически редуцируется до пра-культурного бинара «Свой/Чужой», в котором обе стороны функционируют как взаимовраждебные начала, тотально отвергая и опровергая друг друга в качестве носителей культурных ценностей. Ход гражданской войны – это раскол национальной культуры и взаимное применение вооруженного насилия одной частью нации по отношению к другой. В результате происходит взаимное уничтожение людей, материальных ценностей и ресурсов, что неизбежно ведет к упадку и регрессу духовной культуры, к утрате общенационального гуманитарного общения и невозполнимым потерям интеллектуального богатства нации.

В американском литературно-художественном дискурсе, как и в других формах публичной словесности, уже в эпоху *Antebellum* шли своего рода словесные боевые действия, которые сосредоточились вокруг проблемы рабства. К началу 1860-х гг. возник второй полюс коллизии – проблема сецессии как права каждого штата на отделение от Союза и образование новых союзных отношений с другими штатами и государствами.

Особая роль «южных леди» – образованных белых женщин, в основном принадлежавших к плантаторскому классу и имевших достаточный уровень развития литературного сознания, чтобы выступить в качестве акторов нарративного логоса и авторов собственных микро-историй – личных дневников, состоит в том, что их личные записи стали словесным топосом в деструкции культурной традиции, т.е. переходе к новым формам суб-культурного общения и сообщения.

В развитом культурном сообществе, основанном на патриархальной традиции, которое сложилось на Юге США к концу 1850-х гг. (эпоха Antebellum), радикальные культурные шоки были весьма редки. В устойчивом порядке бытия, когда все идет своим чередом, когда кругом только Свои, а все, что происходит, легко объяснимо, повторяемо и пред-с-казуемо, имеется очень мало возможностей для таких онтических случайностей, которые угрожают самим основам сущего, а, значит, маловероятно проявление такой ментальной репрезентации, которая может поставить человека в экзистенциальную ситуацию *inter-esse*, т.е. поместить его мысль между тем, что им о-своено, и чем-то, чего он/она могут не по-нять, охватить мыслью, и что ставит их перед необходимостью эту самую мысль (*mens*) заставить работать в «форсированном режиме».

Военное, политическое и культурное поражение Юга напрямую отразились в «женском» голосе дневниковых записей. Логос «внешнего» круга событий, т.е. осмысление специфики общей исторической ситуации национального и регионального масштабов перемещается во «внутренний» хронотоп, в сферу

эмоционального переживания личности, вытесняя из нее даже семейные проблемы, заботы о близких и трудности повседневной жизни.

В то же время в лексисе дневников активизируются элементы рефигурации нарратора, т.е. происходит смещение актора дискурса в сферу поэтической образности. Если актер выступает как носитель безличного нарративного логоса, то герой-нарратор как дискурсивная инстанция, обретает «лицо» – грамматическое, стилистическое, поэтическое, – становясь личностью, персонажем собственной микро-истории, т.е. поэтическим образом.

Последние записи в дневниках Сары Уодли, Эммы Холмс, Белль Эдмондсон и других южных дай-аристок звучат практически в унисон. Они почти одними и теми же словами характеризуют свое душевное состояние как полное отчаяние перед лицом наступившей реальности и одновременно демонстрируют свое нежелание просто примириться с новой действительностью:

Из дневника Эммы Холмс:

«Обратно в Союз!!! Ничем не описать тот ужас, который охватил нас при этих кратких словах. Наши души начали содрогаться от одной мысли об этом. Что может стереть ту пугающую бездну крови, страданий, мучений, несчастий и беспричинного страха, длившихся все эти прошедшие четыре года? Кровь наших павших героев громко взывала против такого конца, – если это было концом. Мир на таких условиях – это война для будущих поколений. Мы не хотели, мы не могли в это поверить. Наша южная кровь пролилась в самом бурном восстании, чем когда-либо, и мы все утвердились в том, что если нам суждено сдаться, то **им никогда** не удастся *подчинить нас* (выделено автором – А.Л.).

3.4. Выводы по главе 3

Анализ риторико-поэтической организации ряда дневниковых текстов эпохи Гражданской войны в США 1861-1865 г.г. выявляет разнообразие используемых в них изобразительных и выразительных стилистических средств. *Во-первых*, это те необходимые жанровые маркеры, которые ранее сформировались в традиции дневниковой записи, и без которых она утратила бы свою специфику: датировка, темпоральная линейная последовательность изложения в сочетании с автоглоссами, автоадресациями и конфессациями нарратора. *Во-вторых*, это набор традиционных для художественной литературы поэтических приемов, таких, например, как ирония, сарказм, комическая негация, романтический гротеск и патетика возвышенного (дневники Мэри Чеснот, Белль Эдмондсон, Сары Доусон, Сары Уодли, Мэри Эймс). *В-третьих*, это комплекс риторико-поэтических конструктов, которые не «вписываются» в привычные литературоведческие методики исследования и дискурсы репрезентации: авторефлексия, ламентация, глорификация и кондеминация.

Как и любой повествовательный дискурс, дневник обладает своеобразным *logos*'ом и *lexis*'ом, т.е. идейно-концептуальным содержанием и риторическим оформлением, отношения между которыми носят особый, отличный от художественно-поэтического и документального дискурсов, характер. Западноевропейские традиции ведения личного дневника во многом реплицируются в североамериканской культуре,

однако сама специфика американской культурной истории и особенности литературного сознания в США показывают весьма существенные отличия от европейского опыта и дают другой материал для профессиональных размышлений над проблемой.

Личный дневник, создаваемый в период радикальных культурных перемен (шоков), выступает в функции интертекстуального дискурсивного фокализатора. Он стягивает в своем повествовательном поле различные культурные дискурсы – религиозно-нравственный, идеолого-политический, литературно-публицистический, документальный и анекдотический. С одной стороны, это позволяет раскрыть новые грани событийного ряда, увидеть такие стороны событий, которые не раскрываются или, наоборот, скрываются традиционными дискурсами за идеологическими и нормативно-риторическими феноменами. С другой стороны, в дневниковой записи раскрывается внутренний мир автора, ее личное интимное переживание событий, их персональная интерпретация и оценка.

В персональных нарративах американских дайаристок в сфере *lexis*'а наблюдается сочетание художественной поэтики с персонально-авторски организованной риторикой, в которой поэзия может смещаться из области суб-литературного жанра в сферу авторского сочинения, становясь лирическим экфразисом (Сара Уодли, Белль Эдмондсон) в тех случаях, когда эмоциональное напряжение авторского переживания достигает предела и не вмещаются в простую фиксацию событийного ряда.

Особую роль в дневниковом лексисе приобретает хронотоп как способ дискурсивной организации пространственно-временного и событийного опыта дайариста. В дневнике заполнение (фокализация) повествовательного времени и пространства: образы, портреты, пейзажи, характеристики действующих лиц, случаи и ситуации, располагаются в таком порядке, который, с одной стороны, следует определенным в традиции правилам построения жанра, а с другой – дает возможность индивидуально-субъективной интерпретации событийного ряда. В этом смысле лексис дневника имеет интертекстуальный характер и проявляется как совокупность голосов других дискурсов – устных и письменных, – в которых автору дневника являются уже готовые формы наррации, и которые она либо подвергает критическому сомнению, либо имплицитно следует им.

В этом отношении личные дневники «южных леди-конфедераток» могут быть классифицированы как мобильные (дневники-путешествия, рассказы о бегстве и насильственном переселении), стабильные (локализующие нарратора в одном топосе), и смешанные.

Интертекстуальность дневникового лексиса позволила южным дайристам показать Гражданскую войну как процесс деконструкции сложившегося в эпоху Antebellum культурно-коммуникативного сообщества Юга. В ходе войны произошла смена ролевых и социальных позиций: черные рабы стали в ряде случаев спасителями и охранителями своих белых хозяев, а последние вынуждены были искать новые способы общения с «младшими» членами общины, занимая их место в хозяйственной жизни. Именно в жанре личного

дневника был зафиксирован и обратный процесс – восстановление разрушенной культурно-коммуникативной практики черных и белых американцев на основе равноправия и отказа от прежних мифологем и стереотипов.

Таким образом, в дневниковом жанре эпохи культурного перелома пролагается путь от диегезиса (простой фиксации и дескрипции происходящего) к экзегезе – объяснению и истолкованию причин и истоков культурных событий, к установлению их логических или псевдологических взаимосвязей.

ВЫВОДЫ ОБЩИЕ

1). Онтологический и феноменологический подступы к феномену дневниковой записи на примере Confederate Women's Diary показывают, что она является особым рода поступком (действием, актом) экзистенциального характера, в котором личность выходит за пределы налично данного бытия (Da-Sein), превращая его в со-бытие – истолкование и текстуальное отображение исторической специфики определенного времени. В акте дневникового письма бытие личности и коллектива проявляется как субъектная организация хода *истории*, т.е. вербальная реализация событийного ряда эпохи (фокализация) осуществляется с

точки зрения бытийного опыта отдельного человека. В функциональном плане личный дневник, как и всякий речевой акт, служит характеристикой действующих лиц и социально-культурных сообществ определенной эпохи, и потому его изучение имеет важное значение для современных исследований культурного опыта наций на отдельных этапах их культурного и литературного развития.

2). Дневник принадлежит к повествовательно-прозаической разновидности словесности, в котором историческая эпоха становится личным «временем» дайариста, без интенциональной установки на публичное внимание и понимание, а коллективная «история» предстает как «традиция», т.е. напряженный диалог Своего и Иного. В пределах дневниковой записи, таким образом, устанавливается своеобразный коммуникативный круг – персональный логос дайариста пересекается с общественно-значимыми дискурсами в различных формах – от простого контакта-чтения до морально-философского суждения.

3). В контексте межкультурной коммуникации, когда любой текст, независимо от его эстетической ценности, может выступать как культурный сигнификатор, включенный в общий диалогический круг культурного общения и сообщения, личный дневник выступает как жанр «дискурса личности», в котором Чужое пере-водится в Свое через деструкцию традиции.

4). Таким образом, выясняется, что в определенные периоды культурной истории нации фикционально-миметические формы литературного повествования и порождаемые ими модели литературного сознания меняют свою основную, эстетическую, функцию и начинают играть не свойственную им роль поли-

тико-пропагандистского дискурса, искажая и деформируя истинную картину межкультурной коммуникации, подчиняя себя внешним факторам – идеологемам и морально-этическим стереотипам. В художественном творчестве происходит смещение фактографических оснований в сторону идеологических конструкций, при этом их беллетристическое начало – фикциональность и миметичность – подчиняются внешним формам общественного дискурса – политике и идеологии. Лишь по прошествии времени литература возвращается к своему исконному миметическому функционированию, выстраивая повествование в соответствии с определенной эстетико-художественной парадигмой, а не как разновидность той или иной идеологии.

Стоит подчеркнуть, что персональные размышления личности о своем со-стоянии с временем мира и бытия могут разворачиваться, во-первых, только в определенном концептуально-историческом континууме – в рамках культурной эпохи, в поле внутри- и межкультурной коммуникации, во-вторых – как демонстрация интертекстуальных и междискурсивных отношений на уровне жанров «дискурса личности» – в мемуарах, переписке, автобиографии, и, особенно, в личном дневнике. Именно в этих дискурсивных областях и жанрах словесности обнаружилась продуктивность таких структурных концептов современной нарратологии¹ как «логос событийности» и «лексис нарратива».

¹ Женетт Ж. Границы повествовательности // Жерар Женетт. Фигуры. В 2-х тт. Т. 1. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Перевод С. Зенкина. URL:<http://katrina-z.fromru.com/lib/genette.html>.

В чем состоит специфика дневникового рассказывания, какова нарративная природа, коммуникативная структура и рецептивная функция личной дневниковой записи, можно проследить на примере коллекции **Confederate Women's Diary**, или личных дневников, написанных в сообществе так называемых «южных леди» в эпоху Гражданской войны 1861 – 1865 гг. (См раздел «Источники»).

Сопоставление личных дневниковых записей и коллективных дискурсивных практик изменяет устоявшиеся представления и о литературном процессе эпохи. Многие литературные произведения, написанные женщинами в то время, сложили неверную картину реальности, отобразив скорее желаемое, чем сущее и действительное. В американской литературе – это роман Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» и инспирированные им «анти-Томовские» романы Кэролайн Ли Хенц и других «писательниц Старого Юга».

Ломка социально-культурного порядка жизни, деструкция устоявшихся взглядов и этикетных стереотипов приводят, в частности, к новому эстетическому утверждению «южного мифа», в традициях которого были написаны роман Маргарет Митчелл «Унесённые ветром» (1936) и трилогия Джона Джейкса «Север и Юг» (1982-1987), где связь между прошлым и настоящим, преемственность старой и новой культуры показаны с современных художественно-эстетических позиций.

Гражданская война в США 1861 – 1865 гг. как главное событие американской истории девятнадцатого века получила свое выражение в различных культурных дискурсах – от фольклора и мифа до научных анализов и политико-юридических документов. Сегодняшнему исследователю личных дневников как

жанра «дискурса личности» открываются иные со-бытийные измерения войны, которые по ряду причин остались за пределами коллективных изобразительно-выразительных форм словесности (дискурсов американской культуры), и нашли свое выражение в письменном слове только на уровне саморефлексии отдельной личности. Их структурно-смысловая организация, жанровая природа и культуuroобразующая функция представляют несомненный интерес для современного исследователя мировой литературы и культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последней трети XX века западное гуманитарное знание сумело выработать ряд теоретических концепций и исследовательских подходов, в своей совокупности составляющих нынешнюю, пост-классическую научно-гуманитарную парадигму. Встреча философии экзистенциализма, феноменологии и герменевтики в науках о культуре сформировала новые представления о сущности сознания и бытия современного человека, в котором особая роль принадлежит Слову (языку, речи, тексту) и в котором формируются его основные знания, верования, убеждения, представления, а также складывается система отношений человека и мира.

Дискурсивная картина мира, в основе которой лежит концепция межкультурной коммуникации, в свою очередь, создала возможность для пересмотра традиционных классических теорий словесности, вводя в поле гуманитарных исследований такие ее виды и формы, которые раньше выступали как скрытые, невидимые, воспринимаемые лишь как частные случаи «мета-истории» культурной традиции нации в различные эпохи.

К таким «суб-литературным» жанрам принадлежит личный дневник (*diary*) – письменная форма вербальной репрезентации индивидуального опыта переживания исторических событий, которая на момент совершения этих событий пребывает в своего рода контекстуальном архиве культурной памяти и стано-

вится фактом литературного сознания (предметом читательской рецепции) только по прошествии некоторого времени, когда событие уже совершилось, т.е. обрело устойчивое текстуальное выражение в формах «коллективных» дискурсов – в исторических исследованиях, литературно-художественных сочинениях, исторических исследованиях, политико-идеологических и морально-этических трактатах.

Личный дневник как жанр словесности выражает уникальное индивидуальное отношение к культуре на уровне внутренне-личного, интимного самоопределения, которое долгое время оставалось за пределами филологических исследований. Формы «дискурса личности» (дневники, письма, автобиографии и мемуары), воспринимаемые только как второстепенные источники в историко-литературных исследованиях, приводили к противоречиям и неадекватным интерпретациям взглядов на формирование и развитие американской литературы и культуры. Между тем, как выясняется, эти формы не только дополняют картину прошлого и делают ее более правдоподобной. Дневники, созданные в процессе различных культурных переворотов, представляют наибольшую ценность как выражение таких бытийных опытов, в которых выступает именно «действительность», а не та или иная «историческая реальность», которую хотелось бы видеть представителям той эпохи и их наследникам.

Исследование культуры как способа коммуникативной организации бытия показывает, что сущность исторической эпохи в культуре нации зачастую ярче и полнее «освещается» именно через суб-литературные жанры, и именно «дискурс личности» действует как более «правдивая» история, нежели признанные культурные шедевры словесного искусства или формы социально-политического дискурса. В

отношении же понимания исторического времени событий, как раз дневники, письма, биографии и мемуары составляют основание единого гносеологического горизонта, выводя в свет знания то, что неизбежно теряется в контрадикции коллективных форм и жестов культуры – личное отношение нарратора ко времени и к себе, не замкнутое на идеологические схемы и штампы.

Сопоставление личных дневниковых записей изменяет устоявшиеся представления и о литературном процессе эпохи. Многие литературные произведения, написанные женщинами в то время, сложили неверную картину реальности, отобразив скорее желаемое, чем сущее и действительное. В американской литературе – это роман Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» и инспирированные им «анти-Томовские» романы Кэролайн Ли Хенц и других «писательниц Старого Юга».

Ломка социально-культурного порядка жизни, деструкция устоявшихся взглядов и этикетных стереотипов приводят, в частности, к новому эстетическому утверждению «южного мифа», в традициях которого были написаны роман Маргарет Митчелл «Унесённые ветром» (1936) и трилогия Джона Джейкса «Север и Юг» (1982-1987), где связь между прошлым и настоящим, преемственность старой и новой культуры показаны с современных художественно-эстетических позиций.

Гражданская война в США 1861 – 1865 гг. как главное событие американской истории девятнадцатого века получила свое выражение в различных культурных дискурсах – от фольклора и мифа до научных анализов и политико-юридических документов. Сегодняшнему исследователю личных дневников как

жанра «дискурса личности» открываются иные со-бытийные измерения войны, которые по ряду причин остались за пределами коллективных изобразительно-выразительных форм словесности (дискурсов американской культуры), и нашли свое выражение в письменном слове только на уровне саморефлексии отдельной личности. Их структурно-смысловая организация, жанровая природа и культуuroобразующая функция представляют несомненный интерес для современного исследователя мировой литературы и культуры.

Феноменологический подступ в исследовании природы дневниковой записи показывает, во-первых, ее родственность другим дискурсивным порядкам нарративного характера, таким как художественно-поэтическое повествование (эпос), директивно-индикативные (документалистика) и дескриптивно-историографические (летопись/хроника) дискурсы; во-вторых, в феноменологии дневника обнаруживаются его отличия от указанных вербальных практик в плане субъективно-личностной организации нарративного логоса и лексиса.

Общность природы разнообразных повествовательных дискурсов состоит в том, что во всех них, так или иначе, прodelывается одна и та же ментальная операция – текстуализируется совокупность онтических случайностей, действий и ситуаций, объединяемых сложным термином «со-бытие». Нарративные дискурсы, вербализуя хаотический поток бытийных переживаний, придают ему определенную форму, систематику и структуру, превращая онтическое (*acta realia*) в феноменальное (*facta verbalis, unu textis*).

Через различные формы жанровой интеракции (контакты, конфликты, конкуренцию, субординацию) повествовательных дискурсов формируется литературное сознание индивида, нации и эпохи, складываются условия существования традиций жанра в словесности и возникают возможности их продуктивной деструкции. Эти же аспекты определяют и внутреннюю структуру нарративных жанров, характерные черты их риторической и поэтической организации. Последняя во многом формирует функционально-коммуникативные аспекты личного дневника как жанра словесности.

«Действительно, в любом повествовании содержатся (пусть и перемешанные друг с другом, притом в самых различных пропорциях), с одной стороны, изображения действий и событий, образующие собственно наррацию, а с другой стороны, изображения вещей и персонажей, представляющие собой результат того, что ныне именуется описанием. Оппозиция повествования и описания, подчеркиваемая и в школьной традиции, составляет одну из главных черт нашего литературного сознания. Между тем их различие возникло сравнительно недавно, и следовало бы изучить историю его зарождения и развития в теории и практике литературы»¹.

Специфика ретрансляции различных дискурсивных картин мира в период Гражданской войны в США 1861 – 1865 гг. лучше всего раскрывается именно через дневниковые записи современников, причем

¹ Женетт Ж. Границы повествовательности. *Повествование и описание ... (выделено мною – А.Л.)*

большинство этих записей принадлежит перу именно «южных» леди. Объяснение этим особенностям литературного сознания легко находится в общих тенденциях южной региональной культуры. Если южный джентльмен проводил свое время между охотой, спортом, хозяйством и политическим клубом, то южная леди могла выразить себя только в личном дневнике, ведение которого считалось такой же неотъемлемой чертой жены плантатора, как умение вышивать и исполнять музыкальные сочинения.

В современных исследованиях по истории культуры США (Cultural Studies) дневники женщин из плантаторского круга практически заместили собой как традиционные документальные источники, так и фикционально-миметические (художественные) произведения. Именно в них пост-классически ориентированные исследователи усматривают особое качество того, что именуется «исторической правдой», и что явным образом противостоит, с одной стороны, жанрам фикционального нарратива – «сочинениям» (стихотворным произведениям, прозаическим жанрам романа, повести, рассказа, новеллы), – а, с другой, – критически переосмысляет политико-идеологический и религиозно-нравственный дискурсы эпохи, которыми заполнены публицистические тексты газетно-журнального формата.

Разумеется, без этих факторов литературного сознания дневник «южной леди» просто не мог бы возникнуть; именно публичные формы наррации, независимо от их фикционального потенциала, формируют устойчивые правила рецепции и воспроизводства литературных текстов. Что читать, как, и, главное, как оценивать и интерпретировать прочитанное – эти вопросы и порождаемые ими интертекстуальные

связи формируются с самых ранних лет образования и затем становятся основой клишированных и стереотипных моделей литературного мышления и сознания. Дневник в этом отношении играет роль персонального медиатора между общепринятыми и установленными нормами и формами рецепции и интимным опытом переживания слова каждым участником коммуникативного сообщества.

Исследование личных дневниковых записей во взаимодействии с другими дискурсивными практиками, включение этого жанра «дискурса личности» в современную методологическую перспективу феноменологической эпистемологической стратегии – один из новых шагов в деле формирования междисциплинарного и кросс-культурного подхода к проблемам глобальной интеллектуальной интернационализации современной мировой культуры и литературы. Этот шаг, по мере возможности, был реализован в данной монографии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов, С.Р. Сакральный и поэтический текст как предмет филологической герменевтики (на материале германских языков): автореф. дисс. ... докт. филол. наук / С.Р. Абрамов.– СПб.: ГОУ ВПО РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. – 36 с.
2. Аврелий, М. Наедине с собой. Размышления : пер. с древнегр. / под общ. ред. А.В.Добровольского; прим. Б.Б.Лобановского / Марк Аврелий.- К.: Collegium Artium Ing, Ltd. – Черкассы: РИЦ "Реал", 1993.- URL: <http://abovo.net.ru/book/85880>.
3. Августин Аврелий. Исповедь / А. Аврелий. – СПб.: Азбука, 1999. – 392 с.
4. Аврелий, М. Размышления / Марк Аврелий. – М.: издательство Кристалл, 2003. – 187 с.
5. Ален, У. Традиция и мечта / У. Ален. - М.: Прогресс, 1970. - 423 с.
6. Американский характер. Очерки культуры США. - М., 1991. – 384 с.

7. Анастасьев, Н.А. Хрестоматия по американской литературе XIX в / Н.А. Анастасьев, С.К. Милославская - М.: Просвещение, 1983. - 239 с.
8. Артамонов, С.Д. Итальянский дневник Монтеня / С.Д. Артамонов // Писатель и жизнь. Вып.1.-М., 1961. - С. 215-232.
9. Артамонов, С.Д. "Опыты" Монтеня как литературное произведение / С.Д. Артамонов - // Писатель и жизнь.- М., 1987. - С. 288 - 314.
10. Артамонов, С.Д. Философский скептицизм Монтеня / С.Д. Артамонов // Писатель и жизнь. Вып.3.- М., 1966. - С. 153 - 165.
11. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. - М.: Языки русской культуры, 1999. - 896 с.
12. Афасижев, М.Н. Критика буржуазных концепций художественного творчества / М.Н. Афасижев. - М.: Высш. шк., 1984. – 127 с.
13. Барт, Р. Нулевая степень письма / Р. Барт // Семиотика. - М.: Радуга, 1983. - С. 306 - 354.

14. Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. - М.: Худож. лит., 1975. - С. 234 - 407.
15. Башмакова, Л.П. Писатели Старого Юга: Джон Пендлтон Кеннеди, Уильям Гилмор Симмс / Л.П. Башмакова. – Краснодар: изд-во Кубанского гос. ун-та, 1997. – 137 с.
16. Белов, С.Б. Современный американский роман о войне / С.Б. Белов. - М.: изд-во Знание, 1987. - 62 с.
17. Беньямин, В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе / В. Беньямин. - М.: Медиум, 1996. – 239 с.
18. Бицилли, П.М. Избранные работы по филологии / П.М. Бицилли. - М.: изд-во «Наследие», 1996. - 710 с.
19. Бицилли, П.М. Избранные труды по филологии / П.М. Бицилли. - М., 2000. - 830 с.
20. Бицилли, П.М. Избранное. Историко-культурологические работы. Том первый. /П.М. Бицилли; сост. и прим. Т. Галчевой, Г. Петковой, Хр. Манолакева; вступ. статья Т. Галчевой. - София, 1993.

21. Бичер-Стоу, Г. Хижина дяди Тома / Г. Бичер-Стоу. -- М.: Правда, 1985. - 480 с.
22. Боров, Ю.Б. Эстетика: учебник / Ю.Б. Боров – М.: Высшая школа, 2002. – 511 с.
23. Брандес, Г. О чтении / Г. Брандес. - М., 1913.
24. Брукс, В. В. Писатель и американская жизнь / В.В. Брукс. - М.: Прогресс, 1967. - 243 с.
25. Василевская, О.В. Творческий путь Стивена Крейна : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.В. Василевская, АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М., 1965. – 27 с.
26. Василевская, О.В. Творчество Стивена Крейна (1871-1900) / О.В. Василевская; АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М.: Наука, 1967. – 317 с.
27. Введение в литературоведение: учеб. для филол. спец. ун-тов / Г.Н. Пospelов и др.; под ред. Г.Н. Пospelова. – 3-е изд. - М.: Высш. шк., 1988. – 528 с.
28. Вейман, Р. История литературы и мифология / Р. Вейман - М.: Наука, 1975.

29. Венедиктова, Т.Д. Поэтическое искусство США. Современность и традиция: учеб.-метод. пособие / Т.Д. Венедиктова. - М.: изд-во МГУ, 1988. – 85 с.
30. Венедиктова, Т.Д. Разговор по-американски. Дискурс торга в словесности США XIX века / Т.Д. Венедиктова. - М.: Новое литературное обозрение, 2003. - 322 с.
31. Гайденко, П. П. Прорыв к трансцендентному. Новая онтология XX в / П.П. Гайденко. - М.: Республика, 1997. - 495 с.
32. Гегель, Г.В.Ф. Работы разных лет. В 2 т. Т. 2. / Г.В.Ф. Гегель; сост., общ. ред. А.В. Гулыги. - М.: Мысль, 1971. – 630 с.
33. Герменевтика: история и современность. Критические очерки - М.: Мысль, 1985. – 302 с.
34. Герменевтика в России: сб. науч. трудов. Вып. 1/ под ред. А.С. Кравеца, В.Г. Кузнецова, Б.В. Маркова. – Воронеж: изд-во Воронежского ун-та, 2002. – 272 с.
35. Горегляд, В.Н. Дневники и эссе в японской литературе X-XIII вв. / В.Н. Горегляд. - М., 1975. - 380 с.

36. Горегляд, В.Н. Японская литература VII – XVI вв. Начало и развитие традиции: монография / В.Н. Горегляд. – СПб: Петербургское востоковедение, 2001. – 400 с.
37. Григорьян, Т.В. Особенности натурализма в романе США 90-х годов XIX века (Г.Б. Фуллер, С. Крейн) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.В. Григорьян ; МГУ им. М.В. Ломоносова. - М., 1983. - 24 с.
38. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль; пер. с нем. Ал. В. Михайлова. – М.: Лабиринт, 1994. – 107 с.
39. Женетт, Ж. Работы по поэтике. Фигуры. В 2-х т. Т.2 / Ж. Женетт. - М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. - 472 с.
40. Зарубежное литературоведение 70-х годов. Направления, тенденции, проблемы / отв. ред. Е.А. Цурганова. - М.: Наука, 1984. – 360 с.
41. Злобин, Г.П. По ту сторону мечты / Г.П. Злобин. - М.: Худож. лит, 1985. - 335 с.
42. Ивашева, В.В. Новые формы изображения внутреннего мира персонажей в современной реалистической прозе / В.В. Ивашева // Ивашева В.В. Новые черты реализма на Западе. - М., 1986. - С. 145 - 152.

43. Игнатенко, Н.А. Читатель как участник литературного процесса: автореф. дисс ... канд. филол. наук / Н.А. Игнатенко. - Киев, 1977.
44. Историческая поэтика: литературные эпохи и типы художественного сознания: сб. ст. – М.: Наследие, 1994. – 509 с.
45. Ищенко, Е.Н. Современная эпистемология и гуманитарное познание: монография / Е.Н. Ищенко. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. – 144 с.
46. Кассирер, Э. Философия символических форм. Т. 1. Язык / Э. Кассирер. – М.- СПб: Университетская книга, 2001. – 271 с.
47. Кашкин, В.Б. Основы теории коммуникации: Краткий курс. – 3-е изд., перераб. и доп. / В.Б. Кашкин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 256 с.
48. Коммуникативные и поэтические функции художественного текста: сб. статей. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1982.

49. Колядич, Т.М. Воспоминания писателей XX века (эволюция, проблематика, типология) [Электронный ресурс]: монография / Т.М. Колядич. – URL: <http://vip.km.ru/literature/?a=6551>
50. Колядич, Т.М. Мемуары в XX веке: итоги и перспективы развития [Электронный ресурс]: монография / Т.М. Колядич.- URL: <http://vip.km.ru/literature/?a=6551>
51. Корнилова, Е.Н. Мифологическое сознание и мифопоэтика западноевропейского романтизма: монография / Е.Н. Корнилова. – М.: Изд-во ИМЛИ РАН «Наследие», 2001. – 447 с.
52. Кузнецов, В.Г. Герменевтика: эволюция идей и современное состояние / В.Г. Кузнецов // Вестн. Моск. ун-та. Серия 7, Философия. -1992. - № 2. – С. 64 – 75.
53. Кузнецова, Л.Е. Стивен Крейн - поэт и новеллист : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.Е. Кузнецова. – Воронеж: изд-во Воронеж. гос. ун-та , 2001. - 21 с. - Библиогр.: с. 19-21
54. Кузнецова, Л.Е. Протестантство, национальное сознание и нравственный идеал в поэзии Стивена Крейна / Л.Е. Кузнецова // Проблема национальной идентичности в литературе и гуманитарных науках XX века. Т.1: лекции и материалы Зим. шк. (Воронеж, 24 янв. – 4 февр. 2000 г.). – Воронеж, 2000. - С. 64-69.

55. Культура «Пост» как диалог культур и цивилизаций: монография / ред. М.К. Попова, В.В. Струков. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2005. – 360 с.
56. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. – М.: Московская школа политических исследований, 2002. – 315 с.
57. Лашкевич, А.В. «Озерная школа» в восприятии английской критики XX века: дис. ... канд. филол. наук / Лашкевич А.В. – М., 1982. – 206 с.
58. Лашкевич, А.В. Герменевтика и рецептивная эстетика в современном англо-американском литературоведении. Проблемы истории, теории и методологии: дис. ... докт. филол. наук / Лашкевич А.В. - М., 1994. – 197 с.
59. Лашкевич, А.В. Введение в герменевтику [Электронный ресурс]: электронный гипертекстовый учебник / А.В. Лашкевич. - Ижевск: Изд-во «Удмуртия мультимедиа», 2000. – 2,1 Мб.
60. Левинас, Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека / Э. Левинас; пер. с фр. А.В. Парибка. – СПб: Высш. религиозно-философская шк., 1998. – 265 с.

61. Лейдерман, Н. Л. Движение времени и законы жанра: монография / Н.Л. Лейдерман. - Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. - 256 с.
62. Литературная история Соединенных Штатов Америки: в 3 т. - М.: Прогресс, 1977. - 645 с.
63. Литературное произведение и читательское восприятие. - Калинин, 1982.
64. Лосев, А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии / А.Ф. Лосев; сост. А.А. Тахо-Годи; общ. ред. А.А. Тахо-Годи, И.И. Маханькова. – М.: Мысль, 1993. – 959 с.
65. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман. – М.: Гнозис: Прогресс, 1992. – 270 с.
66. Лотман, Ю.М. Риторика / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3-х т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. - Таллинн: Александра, 1991. - С. 167-184.
67. Макаров, М. Л. [Основы теории дискурса](#) / М.Л. Макаров. — М.: Гнозис, 2003. — 280 с.
68. Макуренкова, С.А. Онтология слова: апология поэта. Обретение Атлантиды. / С.А. Макуренкова; отв. ред. А.В. Марков. - М.: Логос-Гнозис, 2004. – 320 с.

69. Мейлах, Б.С. Процесс творчества и художественное восприятие / Б.С. Мейлах. - М., 1985.
70. Мелетинский, Е. Поэтика мифа / Е. Мелетинский. – М.: изд-во Наука, 1976. – 407 с.
71. Митчелл, М. Унесенные ветром: роман: в 2 кн. / М. Митчелл; пер. с англ. Т. Кудрявцевой, Т. Озерской. – М.: АСТ, 2003. – 636, [4] с.
72. Михеев, М.Ю. Описание художественного мира Андрея Платонова по данным языка: дисс. ... докт. филол. наук / М.Ю. Михеев - М.: Ин-т русского языка РАН, 2004. – 265 с.
73. Михайлов, А. В. Обратный перевод. Русская и западно-европейская культура: проблемы взаимосвязей / А.В. Михайлов - М.: Языки русской культуры, 2000. – 852 с.
74. Михайлов, А. В. Актуальные проблемы современной теории литературы / А.В. Михайлов // Контекст-1993. Литературно-теоретические исследования. – М.: Изд-во ИМЛИ РАН «Наследие», 1996. – С. 4 – 19.
75. Морозова, И.В. «Южный миф» в произведениях писательниц старого юга / И.В. Морозова. - СПб.: Изд-во С.- Петерб. ун-та, 2004. - 247 с.

76. Называть вещи своими именами: программные выступления мастеров западно-европейской литературы XX века. / сост., предисл., общ. ред. А.Л. Андреева. – М.: Прогресс, 1986. – 640 с.
77. Немецкое философское литературоведение наших дней. Антология. - СПб: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2001. – 547 с.
78. Неупокоева, И.Г. История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа / И.Г. Неупокоева. – М.: Наука, 1976. – 358 с.
79. Николокин, А.Н. Утраченные надежды / А.Н. Николокин. - М.: Знание, 1984. - 64 с.
80. Орлова, Р.Д. Хижина, устоявшая столетие / Р.Д. Орлова. - М.: Книга, 1975. - 112 с.
81. Паррингтон, В.Л. Основные течения американской мысли / В.Л. Паррингтон. - М.: Изд-во иностр. лит., 1962. - 591 с.
82. Писатели США. Краткие творческие биографии / сост., общ. ред. Я. Н. Засурского, Г. А. Злобина, Ю. В. Ковалева. - М.: Радуга, 1990. – 624 с.

83. Поляков, М.Я. Вопросы поэтики и художественной семантики: монография / М.Я. Поляков – М.: Сов. писатель, 1978. – 446 с.
84. Пономарева, Е.Н. Эпистолярные формы в фольклоре современной подростковой и молодежной субкультуры: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Е.Н. Пономарева – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2006. – 30 с.
85. Потебня, А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – Киев: изд-во СИНТО, 1993. – 192 с.
86. Потебня, А.А. Теоретическая поэтика / А.А. Потебня; сост., вступ. ст., коммент. А.Б. Муратова. – М.: Высш. шк., 1990. – 344 с.
87. Проблемы истории зарубежных литератур. Вып.3. Зарубежная мемуарная и эпистолярная литература. - Л., 1987. – 184 с.
88. Проблемы становления американской литературы. - М.: изд-во «Наука», 1981. - 384 с.
89. Райт, Р. Дети дяди Тома / Р. Райт. - Л.: Просвещение, 1969. - 160 с.

90. Рахманалиев, Р. Культура чтения великих писателей: монография / Р. Рахманалиев. - Фрунзе, Мектеп, 1989. – 238 с.
91. Ржевская, Н.Ф. Литературоведение и критика в современной Франции. Основные направления. Методология и тенденции / Н.Ф. Ржевская. - М: Наука, 1985. – 269 с.
92. Рикер, П. Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью / П. Рикер. - М.: Academia, 1995. – 159 с.
93. Рикер, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикер. - М.: Academia-Центр, 1995. – 412 с.
94. Рудзиевская, С.В. Дневник писателя в контексте культуры XX века / С.В. Рудзиевская // Научные доклады высшей школы. Филологические науки, №2 – М.: МГУ, 2002.
95. Руднев, В. Феноменология события / В. Руднев // Логос. – 1993.- № 48. - С. 226 – 238.
96. Русская литература в историко-функциональном освещении. - М.: Наука, 1979. – 302 с.
97. Самохвалов, Н.И. Американская литература XIX в. / Н.И. Самохвалов. - М.: Высшая школа, 1964. - 563 с.

98. Сатира времен Гражданской войны в США. - М.: Издательство МГУ, 1966. - 259 с.
99. Семиотика и художественное творчество: коллект. монография / ред кол. Ю.А. Барабаш и др. – М.: Наука, 1977. – 368 с.
100. Слинко, А.А. Литература и публицистика. Очерки Русской гуманистической мысли / А.А. Слинко. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. – 175 с.
101. Смирнов, И.П. Смысл как таковой / И.П. Смирнов. - СПб.: Наука, 2001. – 352 с.
102. Согрин, В.В. Идеология в американской истории от отцов-основателей до конца XX века / В.В. Согрин. - М., 1995. - С. 55.
103. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики. Комментарии Туллио де Мауро / Ф. де Соссюр; ред. Ш. Балли, А. Сеше; пер. с франц. А. Сухотина. Мауро Т. де Биографические и критические заметки о Ф. де Соссюре. Примечания / пер. с фр. С.В. Чистяковой; под общ. ред. М.Э. Рут. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.
104. Социальная власть языка: сб. науч. трудов. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. – 270 с.

105. Старцев, А.И. Марк Твен и Америка / А.И. Старцев // Марк Твен. Собр. соч. В 8 т. Том 1. - М.: Правда, 1980.
106. Супоницкая, И. Север и Юг: два общества в одной Америке [Электронный ресурс] / И. Супоницкая. - URL: <http://america-xix.org.ru/library/suponitskaia-antebellum/4.html>
107. Супоницкая, И. «Северянин и Южанин» [Электронный ресурс] / И. Супоницкая. - URL: <http://america-xix.org.ru/library/suponitskaia-antebellum/4.html>
108. Супоницкая, И. Гражданская война или компромисс? / И. Супоницкая. URL: <http://america-xix.org.ru/library/suponitskaia-antebellum/4.html>
109. Тахо-Годи, А.А. Жанровое своеобразие и стиль / А.А. Тахо-Годи. - М.: Издательство МГУ, 1985. - 128 с.
110. Твен, М. Приключения Тома Сойера: повесть; Приключения Гекльберри Финна: роман; Том Сойер за границей: повесть: пер. с англ. / М.Твен. – М.: Круг, 1993. – 544 с.: ил. 16.
111. Теория литературы. Том IV. Литературный процесс. – М.: Изд-во ИМЛИ РАН «Наследие», 2001. – 624 с.

112. Теории, школы, концепции (критические анализы). Художественный текст и контекст реальности. - М.: Наука, 1977. – 179 с.
113. Терминология современного зарубежного литературоведения (страны Западной Европы и США). Справочник. Вып. 1. «Новая критика», структурализм, рецептивная эстетика, нарратология, деконструктивизм / ответ. ред. И.П. Ильин, Е.А. Цурганова. - М.: ИНИОН, 1992. – 220 с.
114. Тлостанова, М.В. Литература Старого Юга. У.Г. Симмс, Дж. П. Кеннеди / М.В. Тлостанова // История литературы США. Т.2 / под ред. Я.Н. Засурского и др. – М.: изд-во «Наследие», 1999. – С. 320 – 346.
115. Тлостанова, М.В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века: монография / М.В. Тлостанова. – М.: Наследие, 2000.
116. Уайт, Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века: пер. с англ. / Х. Уайт; под ред. Е.Г. Трубиной, В.В. Харитоновой. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университе-та, 2002. – 527 с.
117. Урнов, Д.М. Литературное произведение в оценке англо-американской «новой критики» / Д.М. Урнов. - М.: Наука, 1982. – 262 с.

118. Фаустов, А.А. Герменевтика личности и этика литературного произведения / А.А. Фаустов //Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. Выпуск 21. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – С. 5 – 22.
119. Фрейд, З. Психология бессознательного / З. Фрейд; сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М.Г. Ярошевский. – М.: Просвещение, 1990. - 448 с.
120. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М.Фуко. – М.: Касталь, 1996. - 448 с.
121. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. - М.: изд-во Прогресс, 1977. - 488 с.
122. Хайдеггер, М. Время и бытие / М. Хайдеггер. - М.: Республика, 1993. - 445 с.
123. Цимбал, И.С. Проблемы войны и мира в современном американском романе / И.С. Цимбал. - Л.: Знание, 1985. - 33 с.
124. Чанышев, А.Н. Курс лекций по древней и Средневековой философии: учеб. пособие для вузов / А.Н. Чанышев. – М.: Высш. шк., 1991. - 512 с.

125. Чернец, Л.В. Литературные жанры: проблемы типологии и поэтики / Л.В. Чернец. - М.: Изд-во МГУ, 1982. - 192 с.
126. Чудаков, А.П. Слово – вещь – мир. От Пушкина до Толстого / А.П. Чудаков. – М.: Современный писатель, 1992. – 320 с.
127. Шевченко, Н.Г. Язык прозы Стивена Крейна: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Шевченко Н.Г.; Одесский гос. ун-т им. И.И. Мечникова. – Одесса, 1977. – 21 с.
128. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. - М.: Языки славянской культуры, 2003. - 312 с. - (Studia philologica)
129. Шпет, Г.Г. История как проблема логики. Критические и методологические исследования. Материалы: в 2-х частях / Г.Г. Шпет; под ред. А.С. Мясникова. - М.: Памятники исторической мысли, 2002. – 1168 с.
130. Шпет, Г.Г. Философские этюды / Г.Г. Шпет. – М.: изд-во Прогресс, 1994. – 376 с.
131. Эккерман, И.-П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни / И.П. Эккерман; пер. с нем. Н. Ман; вступ. статья Н. Вильмонта; коммент. и указатель А. Аникста. - М.: Худож. лит., 1986. – 699 с. (Литературные мемуары).

132. Юшкевич, И.А. Поэтика поздней новеллистики Стивена Крейна : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Юшкевич И.А.; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. - СПб., 1999. - 19 с.
133. Язык о языке: сб. статей / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. – 624 с.
134. Якобсон, Р. О. Лингвистика и поэтика / Р.О. Якобсон // Структурализм: «за» и «против»: сб. ст. - М.: Наука, 1975. - С. 193-230.
135. Яценко, В.И. Литература Юга США 1865 – 1900: учеб. пособие / В.И. Яценко. – Иваново: Изд-во Ивановского гос. ун-та, 1984. – 80 с.
136. Яценко, В.И. Южная школа американского романтизма: учеб. Пособие / В.И. Яценко. - Иваново: Изд-во Ивановского гос. ун-та, 1983. – 88 с.
137. The American South. Portrait of a Culture / Ed. by Louis D. Rubin, Jr– USIA, Forum Reader Sirues, 1979.– 423 p.
138. Backgrounds of American Literary Thought. - New York: New York Univ. Press, 1967. - 538 p.

139. Bateson F.W., Meserole H.T. A Guide to English and American Literature. – London: Longman, 1979. - 334 p.
140. Beauty and the Critic. Aesthetics in an Age of Cultural Studies / Ed. by J. Soderholm. Tuscaloosa and London: The University of Alabama Press, 1997. – 229 p.
141. Bové P. In the Wake of Theory. Hanover and London: Univ. Press of New England, 1992.–181 p.
142. Campbell J. The Power of Myth: Interview with Bill Moyers. – New York.: Anchor Books Doubleday, 1988. – 293 p.
143. The Cambridge Handbook of American Literature / Ed. By Jack Salzman. – Cambridge (GB): Cambridge Univ. Press, 1986. – 286 p.
144. Cott F. N. The Bonds of Womanhood. “Woman’s Sphere” in New England, 1780 - 1835. New Haven and London: Yale University Press, 1977. – 225 p.
145. Cunliff M. The Literature of the United States. - Massachusetts: Penguin Books, 1975. – 410 p.
146. The Diaries of Miss Emma Holmes 1861x1865 / Edited, with an Introduction and Notes, by JOHN F. MARSZALEK - Baton Rouge and London: Louisiana State Univ. Press, 1995. – 496 p.

147. [Douglass](#) Frederick. Narrative of the Life of Frederick Douglass, an American Slave / Introduction by [Robert O'Meally](#). - N.Y., Barnes & Noble Classics Series, 2003. – 230 p.
148. Empson W. Seven Types of Ambiguity. – London: Penguin Books in Association with Chatto & Windus, 1995. – 296 p.
149. Frank M. What Is Neostructuralism? – Minneapolis, Univ. of Minnesota Press, 1989. – 482 p.
150. Foote S. The Civil War: A Narrative by Shelby Foote (3 Volume Set) – N.Y.: Random House, 2006. – 2936 p.
151. Girard R. Deceit, Desire, and the Novel. Self and Other in Literary Structure. Baltimore: The John Hopkins University Press, 1976. – 318 p.
152. Goldman E. Living My Life. – N.Y.: Alfred Knopf, 1931.
153. Guerin W. L., Labor E., Morgan L., Willingham J. R. A Handbook of Critical Approaches to Literature. – N.Y.: Harper & Row Publishers, 1979. – 350 p.

154. Habermas Ü. From Kant's 'Ideas' of Pure Reason to the 'Idealizing' Presuppositions of Communicative Action: Reflections on the Detranscendentalized 'Use of Reason' // Pluralism and the Pragmatic Turn / Ed. by W. Rehg and J. Bohman. – London, MIT Press, 2001. – p.p. 11 – 39.
155. Hart J.D. The Oxford Companion to American Literature. - New York: Oxford University Press, 1965. - 990 p.
156. Half Sisters of History. Southern Women and the American Past / Ed. by C. Clinton. - Durham and London: Duke University Press, 1994. – 239 p.
157. Haunted Bodies. Gender and Southern Texts / Ed. by Anne Goodwin Jones and Susan V. Donaldson. - Charlottesville and London: University Press of Virginia, 1994. - 533 p.
158. High P.B. An Outline of American Literature. - New York: Longman Inc., 1995. - 256 p.
159. In Joy and Sorrow. Women, Family, and Marriage in the Victorian South, 1830 – 1900/Ed. by C. Blesser. – NewYork-Oxford: Oxford Univ. Press, 1991. – 306 p.
160. Jay Gregory S. America the Scrivener. Deconstruction and the Subject of Literary History. - Ithaca and London: Cornell Univ. Press, 1990. – 342 p.

161. Jones H.M. The Theory of American Literature. - New York: Cornell Univ. Press, 1966. - 225 p.
162. The Idea of Literature. - Moscow: Progress Publishers, 1979. - 413 p.
163. The Idea of the South. Pursuit of a Central Theme / Ed. by F. V. Iver. - Chicago and London: The Univ. of Chicago Press, 1964. – 262 p.
164. Interpretations of American History: Patterns and Perspectives. 5th edition / Ed. By Gerald N. Grob & George Athan Billias. – N. Y.: The Free Press. A Division of Macmillan, Inc., 1982. – 499 p.
165. Lanham R. The Electronic Word. Democracy, Technology, and the Arts. – Chicago and London, The University of Chicago Press, 1993. – 285 p.
166. McCullough D. John Adams. A Biography. – N.Y., London: Simon & Shuster, 2001. – 751 p.
167. Merriam-Webster's Encyclopedia of Literature. - Massachusetts, Mass. Inst. of Technology Press, 1995. - 1236 p.
168. Mott, Frank. A History of American Magazines. - N.Y.: D. Appleton and Company, 1930.

169. Noble David W. Death of a Nation. American Culture and the End of Exceptionalism. Foreword by George Lipsitz. – Minneapolis-London: University of Minnesota Press, 2002. – 340 p.

170. The Norton Anthology of American Literature. 2nd Edition. In 2 vols. – N.Y. & London, W.W.Norton and Company, 1979. Vol.2 – 2590 p.

171. Nünning A. Narratology and Cultural History: Tensions, Points of Contact, New Areas of Research // The Wider Scope of English / Ed. by Herbert Grabes and Wolfgang Viereck/ - N.Y.-Oxford-Frankfurt am Main, Peter Lang GmbH, 2006 – p.p. 154 – 185.

172. O'Brien M. Rethinking the South. Essays in Intellectual History. Baltimore and London: The John Hopkins University Press, 1988. – 271 p.

173. Paglia C. Vamps and Tramps. – N.Y.: Vintage Books, 1994. – 532 p.

174. Paine Albert B. Mark Twain. A Biography. Vols.1-2, 1912.

ВЕБЛИОГРАФИЯ*

1. <http://digital.library.upenn.edu/women/omori/court/court.html>
2. <http://docsouth.unc.edu/fpn/>
3. <http://docsouth.unc.edu/index.html>
4. <http://docsouth.unc.edu/southlit/>
5. <http://holmogor.livejournal.com/>
6. <http://gwtw.org/>
7. <http://lit.1september.ru/articlef.php?ID=200200707>
8. <http://liternet.bg/publish10/gpetkova/bicili.htm>
9. <http://scriptorium.lib.duke.edu/williamson/>
10. <http://spec.lib.vt.edu/cwlove/>
11. <http://uni-persona.srcc.msu.su/index.htm>
12. <http://uni-persona.srcc.msu.su/miheev/doklad1.htm>
13. <http://uni-persona.srcc.msu.su/research.htm>
14. <http://www.civil-war.net/>
15. <http://www.civil-war.net/searchlinks.asp?searchlinks=Letters%20and%20Diaries>
16. <http://www.civilwarhome.com/>

* Список Интернет страниц, сайтов, порталов и Web-адресов, использованных в монографии в качестве источников. Все гиперссылки в основном тексте, в сносках и в приложении активны.

17. <http://www.countries.ru/library/culturologists/bicilli.htm>
18. http://www.creativenonfiction.org/thejournal/articles/issue%2016/16clark_t_heline.htm
19. <http://www.credits.html>
20. <http://www.egodocument.net/>
21. <http://www.ibiblio.org>
22. <http://www.index.html>
23. <http://www.krugosvet.ru>
24. <http://www.lib.unc.edu>
25. <http://www.nlo.magazine.ru>
26. <http://www.poezia.ru/dnevnik.php>
27. http://www.traditio.ru/ashkerov/antichn_chuzhoj.htm
28. <http://www.traditio.ru/mordukhay/dnevnik.html>
29. http://www.wwnorton.com/naal/vol_B/welcome.htm
30. <http://www.yale.edu/lawweb/avalon/csa/csapage.htm>

ПРИЛОЖЕНИЕ: Источники*

- Дневник Тани Савичевой. URL:<http://www.gustaff.ru/post29459697/>.
- Анна Франк. Дневник Анны Франк. URL:<http://lib.aldebaran.ru>.
- Carrie Berry Diary. August 1, 1864 - January 4, 1865.
URL:http://www.americancivilwar.com/women/carrie_berry.html
- A Compilation of the Messages and Papers of the Confederacy, Including the Diplomatic Correspondence 1861-1865. 2 vols. Compiled and edited by James D. Richardson (1906).
- A DIARY FROM DIXIE, as written by MARY BOYKIN CHESNUT, wife of James Chesnut, Jr., United States Senator from South Carolina, 1859-1861, and afterward an Aide to Jefferson Davis and a Brigadier-General in the Confederate Army /Edited by Isabella D. Martin and Myrta Lockett Avery. - New York: D. Appleton and Company, 1905. – 424 p.
- The Diaries of Miss Emma Holmes 1861x1865 / Edited, with an Introduction and Notes, by JOHN F. MARSZALEK - Baton Rouge and London: Louisiana State University Press, 1995 – 496 p.
- From a New England Woman's Diary in Dixie in 1865: Electronic Edition. *Ames, Mary, 1931-1903*. University of North Carolina at Chapel Hill, 1999.
- Diary of Belle Edmondson (1864). Transcript of the Manuscript. .

* В данный перечень вошли названия источников, к которым не было найдено стандартного библиографического описания (электронные реконструкции, сетевые презентации, сканированные материалы, ксерокопии и т.д.).

- A Confederate Girl's Diary: Electronic Edition. Dawson, Sarah Morgan. - University of North Carolina at Chapel Hill, 1997.
- Diary, January 1st 1861 - Dec. 1865: Electronic Edition. Bethell, Mary Jeffreys.- University of North Carolina at Chapel Hill, 2000.
- A Woman's Wartime Journal: an Account of the Passage over Georgia's Plantation of Sherman's Army on the March to the Sea, as Recorded in the Diary of Dolly Sumner Lunt (Mrs. Thomas Burge): Electronic Edition. - University of North Carolina at Chapel Hill, 1996.
- Two diaries from Middle St. John's, Berkeley, South Carolina, february-may, 1865. Journals kept by miss Susan R. Jervey and miss Charlotte St. J. Ravenel, at Northampton and Pooshee plantations, and reminiscences of mrs. (waring) Henagan with two contemporary reports from federal officials. published by the St. John's Hunting Club, 1921.
- A. Fahs, *The Imagined Civil War: Popular Literature of the North and South* (2001).
- B. and Barbara Long, *The Civil War Day by Day* (1971, repr. 1985);
- B. Quarles, *The Negro in the Civil War* (1953, repr. 1968);
- Brigham, Clarence Saunders, 1877-1963. Wall-paper Newspapers of the Civil War / by Clarence S. Brigham. Cambridge, Mass. : s.n., 1924.
- C. C. Buel and R. U. Johnson, ed., *Battles and Leaders of the Civil War* (4 vol., 1877; new ed. 1956).
- C. Hugh Holman. *The Roots of Southern Writing. The Southerner as American Writer. Essays on the Literature of the American South.*

- David Brion Davis. Antebellum America Culture. An Interpretive Anthology.
- David S. Heidler et al. *Encyclopedia of the American Civil War: A Political, Social, and Military History* (2002).
- Elizabeth Fox-Genovese. Within the Plantation Household. Black and Whites of the Old South.
- F. Maurice, Statesmen and Soldiers of the Civil War (1926).
- Faust, Patricia L. ed, *Historical Times Illustrated Encyclopedia of the Civil War* (1986).
- Foner, *Politics and Ideology in the Age of the Civil War* (1980);
- J. C. Ropes, The Story of the Civil War (2 vol., 1898–99; completed by W. R. Livermore, 1913).
- J. F. Rhodes, *History of the Civil War, 1861–1865* (1917, new ed. 1961);
- J. G. Randall, *The Civil War and Reconstruction* (2d ed., with D. Donald, 1969);
- J. M. McPherson, *The Negro's Civil War* (1965);
- J. M. Perry, A Bohemian Brigade: The Civil War Correspondents—Mostly Rough, Sometimes Ready. 2000).
- Jon L. Wakelyn, ed. *Southern Pamphlets on Secession, November 1860–April 1861* (1996).
- Jones John B. *A Rebel War Clerk's Diary at the Confederate States Capital*. Edited by Howard Swiggert. 1935. 2 vols. (1993).
- Jones, Katherine M., *Heroines of Dixie: Confederate Women Tell Their Story of the War*, Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1955. [Электронный ресурс].
- M. M. Boatner, *The Civil War Dictionary* (1959); *American Heritage Picture History of the Civil War* (ed. by R. M. Ketchum et al., 1960).

- R. Fish, *The American Civil War: An Interpretation* (1937);
- R. S. Henry, *The Story of the Confederacy* (1931, rev. ed. 1957);
- Reynolds, Donald E. *Editors make war. Southern Newspapers in the Secession Crisis*. Nashville: Vanderbilt University Press, 1970.
- Richard B. Harwell, *The Confederate Reader* (1957).
- Richard N. Current, ed. *Encyclopedia of the Confederacy* (4 vol. 1993),
- S. Foote, *The Civil War* (3 vol., 1958–74);
- T. L. Livermore, *Numbers and Losses in the Civil War in America, 1861–1865* (1901; new ed. 1957, repr. 1969);
- The American South. *Portrait of a Culture / Ed. by L.D. Rubin*
- The Enclosed Garden. *Women and Community in the Evangelical South, 1830 – 1900. By Jean E. Friedman*
- The Everlasting South / *Ed. by Francis B. Simkins*
- The Southern Illustrated News. Richmond, Va.: Ayres & Wade, 1862-1865. [Электронный ресурс].
- Van Tuyl, Debra Reddin. *The Southern Press in the Civil War : American Wars and the Media in Primary Documents*. Westport, Conn.: Greenwood Press, 2005.
- *Voices of the Old South. Eyewitness Accounts, 1598 – 1861. Ed. by Allan Galloway.*
- W. Gallagher, *The Confederate War* (1997).
- *William R. Taylor. Cavalier and Yankee. The Old South and American National Character.*

ПРИЛОЖЕНИЕ II (переводы и оригинальные тексты дневников «южных леди»)

Герман Мелвилл:

Наиболее эффективная литература Конфедерации оставалась по большей части неизвестной в течение поколения или дольше, существуя в личных журналах (journals), дневниках и письмах» (выделено мною – А.Л.)¹.

Художественная литература эпохи *Antebellum* в лице Гарриет Бичер-Стоу и других писателей-аболиционистов² попыталась показать «сущность» рабства как плантаторскую жестокость, полную насилия в отношении белых к неграм. Эти авторы создали множество произведений, касающихся данной проблемы. Для многих главным делом их жизни стала борьба против рабства, против угнетения. Ослепленные этой борьбой, они не смогли увидеть объективную, «двустороннюю» картину реальности. Очарованные романом Гарриет Бичер-Стоу, северяне, как и жители других американских регионов и зарубежных стран, уже никогда не могли взглянуть на Юг другими глазами. Определенные образы и стереотипы укрепились в сознании людей на многие поколения, исказив картину действительности для обеих рас. Не случайно одним из лозунгов радикального черного движения 1960-х гг. станет «Мы – не дяди Томы!».

¹ Wilson, Charles Reagan, and William Ferris, eds., *Encyclopedia of Southern Culture*, Chapel Hill, N.C.: University of North Carolina Press, 1989. URL: <http://america-xix.org.ru/civilwar/sumter-ppomattox/chronology.php>.

² Лидия Мария Чайлд, «В защиту тех американцев, которых именуют африканцами», 1833, Уолт Уитмен, сб. «Листья травы», 1855, Генри Лонгфелло, «Песня о рабстве», 1842.

С другой стороны, южная интеллигенция не смогла равнодушно реагировать на успех заведомо, на их взгляд, ложной картины южных нравов и характеров. Писательницы Юга образовали своего рода женский фронт (The Southern Homefront) против аболиционистской риторики, хотя и не смогли добиться больших читательских успехов.

Проблема интеракции всех публичных американских дискурсов в пределах общенациональной культурной коллизии – двухуровневой проблемы рабства/сецессии – накануне и во время Гражданской войны разрешалась как идейно-пропагандистский «клинч» идеологических оппозиций. Это отбросило процесс национального культурного общения на уровень минимального межкультурного топоса – «Свой/Чужой», – что, по существу, прервало процесс формирования единой национальной американской культуры и «опустило» ее литературное развитие в область мифологии и архетипов, которые поддерживали, укрепляли и сохраняли бытийно-коммуникативный порядок на суб-культурном региональном поле общения. На Юге США дискурсивные негативные выпады северян и последовавшие за ними военные действия призваны были разрушить всю систему созданных на Юге суб-культурных коммуникаций и тем самым дать возможность для ее замены на северную модель межкультурного общения. Для этого было необходимо вторгнуться в основной культуuroобразующий фактор южного бытия и сознания, в то Общее, что объединяло южан, давало им повод для собственной гордости и отвержения северной и западной суб-культур. Таким основным культуuroобразующим онто-феноменологическим фактором был так называемый «южный миф» в его различных вариациях, в том числе, и в жанрах «дискурса персональности».

1: воспоминания Джона Квинси Адамса, тезки шестого президента США, чернокожего раба, ставшего свободным человеком:

«Я хочу рассказать вам о семье моих хозяев. Эта семья была одной из знатных в Вирджинии. Они были очень богаты, как неграми, так и землёй. Их семья состояла из Мистера и Миссис Каломс, 3 сыновей и 3 дочерей. Они были очень милыми и добрыми со мной и учили меня читать, если было время. По вечерам мы играли с белыми детьми [...]. По вечерам отец читал нам Библию. Он был очень счастлив, что может учить нас Слову Божьему. Молодые и пожилые приходили к нам по вечерам, послушать его. И мы все благодарили Бога, что некоторые из нас смогли читать и писать»¹.

2 А так описывает свою жизнь Уильям Гримс (1784 - 1865), бывший невольник:

«Я был рожден рабом. Мой отец и мать были рабами. У нашего хозяина Мистера Стюарта было много рабов. Моя мать работала на кухне, и поэтому, я часто бывал в хозяйском доме. У Мистера и Миссис Стюарт было четверо детей: три мальчика и одна девочка. Мы часто играли вместе. Хозяину очень нравилось, когда я рассказывал всякие смешные истории, и он всегда угощал меня чем-то вкусненьким»².

3. дневники Элоизы и Октавии:

«... моя хозяйка была молода, она была очень хорошо воспитана, всегда была вежлива со мной, никогда не кричала и не била меня. ... Однажды я была не совсем аккуратна и разбила вазу. Матильда, моя хозяйка спросила меня, все ли со мной в порядке, не заболела ли я? Я призналась, что беременна ... через неделю нас с Кибблером поженили. Это было самое замечательное время. » «В день смерти моей матери, я спустилась на кухню и увидела кухарку всю в слезах. «Я потеряла лучшего друга, который у меня был»»³.

¹ URL: <http://docsouth.unc.edu/neh/adams/adams.html>.

² URL: <http://docsouth.unc.edu/neh/grimes25/grimes25.html>.

³ URL: <http://www.civil-war.net/searchlinks.asp?searchlinks=Letters%20and%20Diaries>

4. **Сусанна Смедис**, дочь богатого плантатора из Миссисипи, владельца около пятисот рабов, вспоминала, что мать учила детей одеваться без помощи черных слуг, как было принято в других семьях. Она просила не беспокоить их по пустякам: «Они не машины, они такие же, как мы». Учила вести хозяйство: не всегда же вы будете богатыми. «Праздность — грех», — говорила мать»¹.

5. **Из дневника Мэри Чеснот: начало войны:** «Весь Хэмптонский легион наряжается во что-то странное, что якобы составляет его честь и славу, но я так и не поняла, что именно это означает. Я спросила об этом одного из них, и он ответил, что этого требует его личное достоинство и самоуважение. Я так ничего и не поняла»².

6. «Повсюду всеобщий восторг и ликование, убежденность в скорой победе и стремление поскорее к ней двигаться ... Охваченные всеобщим энтузиазмом, люди пишут на своих домах: "These foolish, rash, harebrained southern lads . . . are thrilling with fiery ardor The red-hot Southern martial spirit is in the air," ... Никто не остался равнодушным, все готовы в бой»³.

7. «В конце концов, предположим, что мы сделали все, на что так **надеялись** (*выделено автором – А.Л.*). Предположим, что мы создали великую и гордо-свободную республику. Но подумайте обо всех тех юных жизнях, которые были принесены в жертву! Если был убит каждый третий, то какая же это победа? Что хорошего принесло это миссис Хейн или Мэри Десоссюр? Исчезли лучшие и храбрейшие из нашего поколения! Генри Десоссюр потерял четырех сыновей в честь собственной памяти и из-за подражания собственному примеру. А те бедные мальчики в возрасте от 18 до 20 лет, все эти Хейнсы, Трезеванты, Тэйлоры, Рэтты и другие Имярек – они смыты, буквально смыты потоками крови. Ничто теперь не скажет, что они когда-то были на этой земле»⁴.

¹ URL: <http://www.civilwarhome.com/plantation.htm>

² Цит. по: Susan V. Donaldson, Anne Goodwyn Jones. Haunted Bodies. Rethinking the South through Gender. - Charlottesville and London, University Press of Virginia, 1994. - p. 115.

³ URL: <http://www.civilwarhome.com/plantation.htm>

⁴ Ibid., p. 117

8. Из дневника Эммы Холмс от 22 апреля 1865 г.:

«Появилось известие, что Линкольн был убит в вашингтонском театре Форда «Сатердей»: после выстрела выскочил, размахивая клинком, мужчина, выкрикивавший: «Sic Semper Tyrannus! (*так уходят тираны, лат. – А.Л.*), «Виргиния отомщена!», и что той же ночью, 11 апреля [*должно быть 14 апреля – ред.*], Сьюард (*госсекретарь США – А.Л.*) был ранен несколько раз кинжалом, а его сын получил смертельное ранение.

Это выглядело настолько нелепо и театрально, что мы некоторое время всему этому не верили, пока не пришло подтверждение от официальных властей. К следующей среде все мы уже были со всех сторон охвачены слухами о мирных переговорах, состоявшихся между генералами, о порядке нашего возвращения в Союз на прежних основаниях, со всеми нашими правами, привилегиями, собственностью и неграми, по возможности, при том условии, что мы будем сражаться с французами».

9. Весной 1861 г.: «Город, кажется, внезапно превратился в военный лагерь. Слышно только о приготовлениях к войне. Большая часть граждан, похоже, настолько уверены в справедливости нашего дела, что всерьез начали молиться Богам Войны»¹.

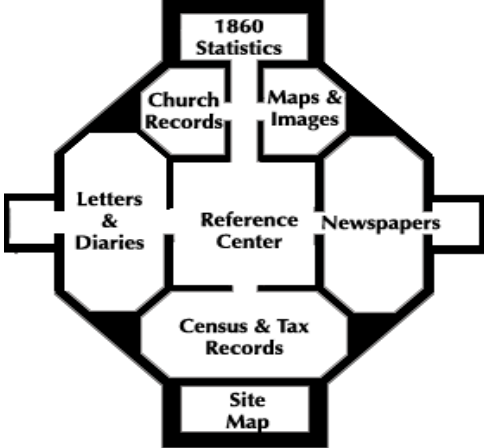
«Иногда я думаю, что мой дневник превращается просто в каталог смертей». В марте 1865 г.: «Homeless exiles we are now indeed in the bitterest sense, when our very graves & altars are profaned and ruined by the vilest of hands».

26 июля 1865 г.: «Свадьбы также многочисленны, как и в дни войны, *weddings are as numerous as during the war*»².

¹ URL: <http://civilwarwomen.blogspot.com/2007/02/emma-holmes.html>.

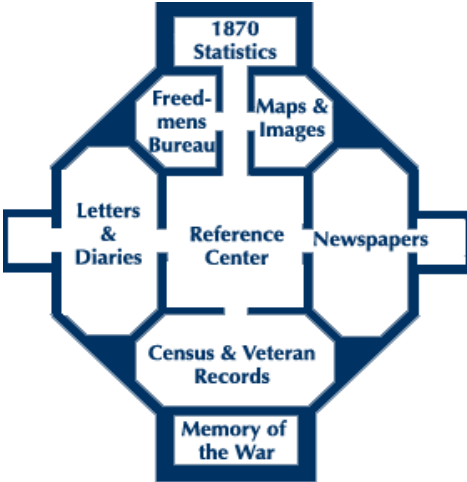
² Emma Holmes, *The Diary of Miss Emma Holmes, 1861-1866*. Ed. John Marszalek. - Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1979. P. 463.

The Eve of War

Fall 1859 to Spring 1861

The War Years

Spring 1861 to Spring 1865

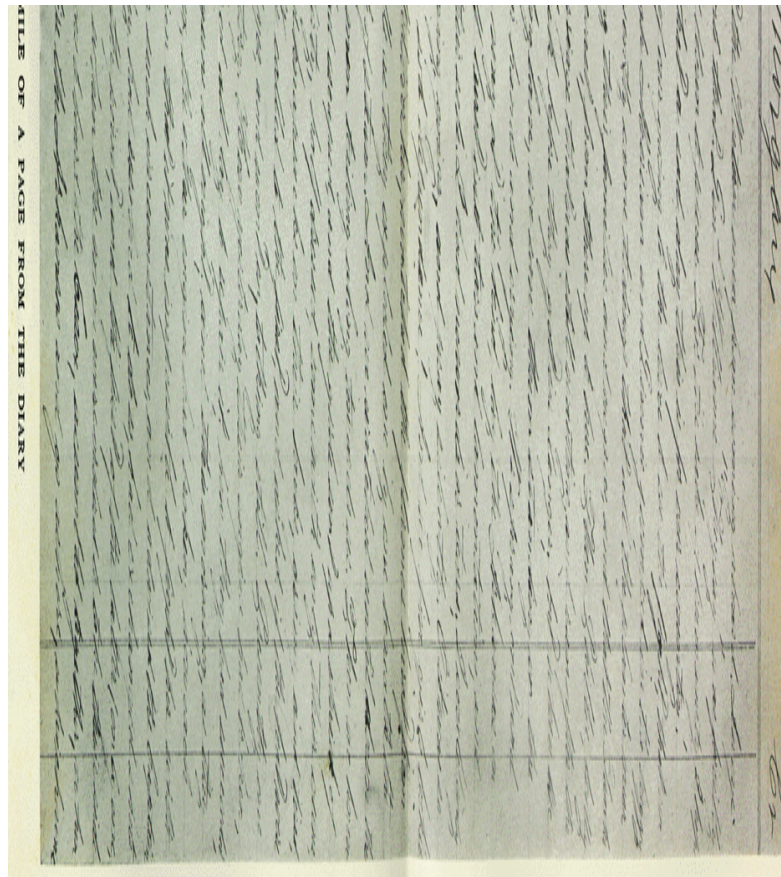
The Aftermath

Spring 1865 to Fall 1870

Рис.1. Модель литературного сознания эпохи (цифровой вариант)

Рис. 2. Рукопись дневника – исходный вариант.

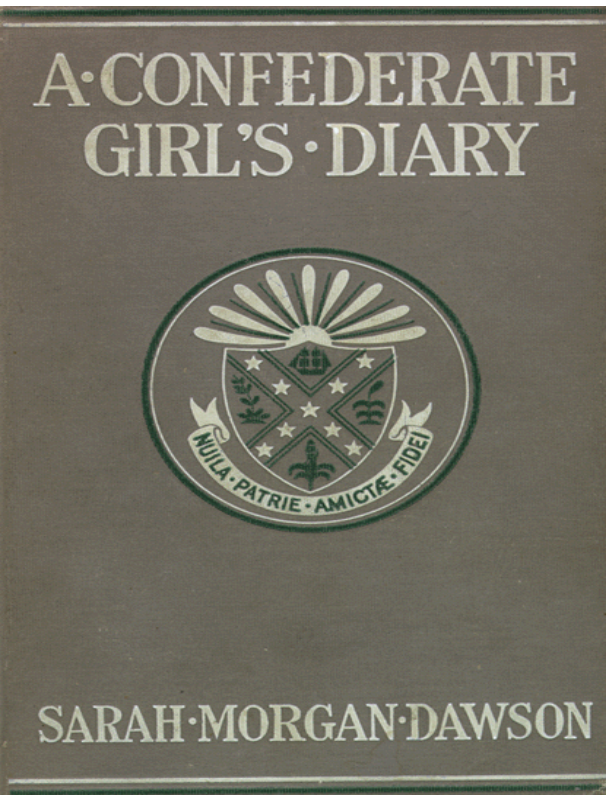

Рис. 3. Типографская форма – дневник как издание для публичного чтения

